

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»

На правах рукописи

Рытова Наталья Александровна

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Специальность 5.2.6. Менеджмент

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Экземпляр диссертации идентичен
по содержанию другим
экземплярам, которые были
представлены в диссертационный
совет

Ученый секретарь
диссертационного совета 02.2.004.02
канд. экон. наук
Климова П.А.

Научный консультант:
доктор экономических наук, профессор
Беленцов Владимир Николаевич

Донецк – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	18
1.1. Общенаучные, методические и теоретические основания методологии социально-экономического исследования.....	18
1.2. Социально-экономическая система как форма проявления сущности социальной системы.....	31
1.3. Онтологическая основа понятий управления, механизма и системы управления.....	62
Выводы к главе 1.....	79
ГЛАВА 2. РЕГУЛИРУЕМЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ.....	85
2.1. Регулирование в управлении, объективное и субъективное саморегулирование социальных систем.....	85
2.2. Сущность, виды и значимость социальных противоречий.....	107
2.3. Социально-экономические противоречия и их регулируемость при управлении социально-экономическими системами разных форм организации.....	127
Выводы к главе 2.....	146
ГЛАВА 3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК МЕРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ.....	151
3.1. Эффект и результат в социально-экономической системе.....	151
3.2. Эффективность результативности социально-экономической системы и ее взаимосвязь с социально-экономическими противоречиями.....	162

3.3. Сбалансированность социальной и экономической эффективностей в разрешении социально-экономических противоречий...	176
Выводы к главе 3.....	189
ГЛАВА 4. ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ МАКРО-, МЕЗО- И МИКРОСИСТЕМ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ.....	194
4.1. Оценка экономической результативности и эффективности.....	194
4.2. Оценка социальной результативности и эффективности.....	210
4.3. Эффективность результативности: комплексная оценка социально-экономической результативности и эффективности.....	233
Выводы к главе 4.....	248
ГЛАВА 5. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	252
5.1. Содержание систем регулирования эффективности социально- экономической системы на макро-, мезо- и микроуровне управления.....	252
5.2. Параметры управления социально-экономическими макро-, мезо- и микросистемами и регулирования их эффективности.....	264
5.3. Определение основных регулируемых параметров сбалансированности экономической и социальной эффективностей.....	279
Выводы к главе 5.....	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	300
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	306
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	345
Приложение А. Справки о внедрении результатов исследования.....	346

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В мире существует тенденция к снижению покупательной способности населения, что связано с сокращением его доходов и ростом потребительских цен, то есть существует проблема снижения эффективности сферы потребления. Она диалектически связана со сферой производства в социально-экономической системе общества, где существуют разные социально-экономические системы. Они имеют свою специфику в зависимости от содержания и формы организации.

Функционирование и развитие любой социально-экономической системы определяется диалектикой отношений в ней по поводу воспроизводства товаров и услуг, где объективно существуют противоречия. От того, как они разрешаются в системе управления социально-экономической системой, зависит эффективность производства и потребления. Их эффективности отличаются по содержанию, что требует установления баланса между эффективностями производства и потребления.

Возможность регулирования сбалансированности эффективности производства и потребления зависит от уровня управления и формы организации социально-экономической системы. В результате возникает теоретическая и практическая проблема регулирования эффективности в процессе управления социально-экономическими системами разных форм организации, решение которой способствует разрешению противоречий в них. Такая проблема является причиной проведения соответствующего социально-экономического исследования, для которого требуются теоретические и методические (методологические) основы. В совокупности это актуализирует необходимость установления методологических оснований (причин и основ) регулирования эффективности социально-экономических систем.

Степень разработанности темы исследования. Изначально теоретическую основу любого социально-экономического исследования образуют

категории и положения философии. Методическую основу исследования составляют философские, общенаучные и специальные методы познания социально-экономических явлений и управления ими, в том числе и социально-экономическими системами.

Как правило, проблема функционирования и развития социально-экономических систем рассматривается в соответствующих классических (Д. Риккардо, А. Смит и др.), неоклассических (А. Маршал, Р. Солоу и др.) и институциональных теорий экономического роста. В них, в основном, рассматриваются факторы производства и потребления. Но социально-экономическая система – это, прежде всего, люди, которые как производители и потребители взаимосвязаны соответствующими отношениями. Теоретической основой их регулирования являются общепризнанные понятия и положения политической экономии о диалектической взаимосвязи производства и потребления (К. Маркс и др.), кейнсианской и некейнсианской теории (С. Кузнец, Дж. Хикс и др.) и социальных теорий (М. Вебер, Г. Спенсер и др.). Тем не менее, в современных условиях они частично решают проблему регулирования эффективности социально-экономической системы.

Функционирование и развитие социально-экономических систем может происходить с различной сбалансированностью эффективности производства и потребления, что обусловлено различными факторами. Многообразие факторов обуславливает фрагментарность решения проблемы, например, в социальных теориях потребления. В них определяются факторы потребления – свойства человека, его отношения с самим собой, положение в обществе и другие, как правило, не экономические факторы. Относительно сбалансированности производства и потребления заслуживает внимание теория эффективности В. Парето, где установлен критерий оптимального благосостояния общества. Но их сбалансированность зависит от состояния системных противоречий, которые устранить невозможно, поскольку они объективны. В результате возникает проблема их оптимального разрешения в процессе управления социально-экономическими системами. Здесь теории менеджмента дают только

представление об этом процессе и использовании в нем человеческого фактора, что может быть описано с помощью математических методов и моделей: классическая теория (М. Вебер, Ф.У. Тейлор, А. Файоль и др.), теория человеческих отношений и поведенческая теория (Д. Макгрегор, А. Маслоу и др.), теория количественных методов (А. Гольдберг, Л.В. Канторович) и т.д. Современные научные разработки по проблемам управления социально-экономическими системами (Т.А. Головина, Т.В. Крашенникова, А.Н. Кузьминов, А.В. Половян, Ю.И. Трещевский и др.) фрагментарны относительно регулирования эффективности этих систем.

Вполне очевидно, что в науке управления проблема регулирования эффективности социально-экономических систем – это междисциплинарная теоретическая проблема. Ее решение возможно на основе синтеза фундаментальных понятий и положений экономических и социальных теорий, теории систем и теории управления.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что регулирование эффективности социально-экономической системы – это регулирование сбалансированности эффективности производства и потребления, которое как следствие противоречий в воспроизводстве товаров и услуг в большей мере возможно только на государственном уровне управления.

Целью исследования является обоснование методологии исследования социально-экономических систем разных форм организации и определение на этой основе методологических оснований регулирования их эффективности.

Для достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи:

установить общенаучные, методические и теоретические основания методологии социально-экономического исследования;

определить место, формы проявления сущности, организации и развития социально-экономической системы в социальной системе;

уточнить сущность понятий управления, механизма и системы управления;

раскрыть сущность регулирования в управлении социальной системой, объективного и субъективного саморегулирования ее состояния;

уточнить сущность, виды, значимость и определить регулируемость противоречий в социальной системе, определяющих состояние ее социально-экономической системы;

обосновать отличия и взаимосвязь экономического и социального результата и эффекта и источники их формирования в социально-экономической системе;

раскрыть сущность и определить взаимосвязь эффективности и результативности социально-экономической системы с социально-экономическими противоречиями;

разработать методы оценки экономической и социальной результативности и эффективности социально-экономических систем разных форм организации;

обосновать метод комплексной оценки экономической и социальной результативности и эффективности, который позволяет оценить эффективность результативности социально-экономических систем;

уточнить теоретическую основу регулирования эффективности социально-экономической системы на разных уровнях управления;

обосновать методическую основу регулирования эффективности социально-экономической системы на разных уровнях управления, где определить основные регулируемые параметры сбалансированности экономической и социальной эффективности.

Объектом исследования является процесс управления состоянием социально-экономических систем.

Предметом исследования выступает совокупность теоретических и методических оснований методологии регулирования эффективности социально-экономических систем разных форм организации в процессе управления их состоянием.

Диссертация выполнена в соответствии с паспортом специальности 5.2.6. Менеджмент, в частности, п. 4. Управление экономическими системами, принципы, формы и методы его осуществления. Теория и методология управления изменениями в экономических системах.

Научная новизна полученных результатов заключается в содержании основных понятий и положений методологии регулирования эффективности социально-экономических систем, а именно:

впервые:

доказано, что категория «способ» как организованная совокупность свойств вещей и отношений с ними включает понятия инстинктивного способа и метода как результата рефлексии обладающих сознанием живых форм бытия сущего (рефлексивного способа), которые вместе с инструментами их реализации в виде целенаправленно организованных вещей, их отношений и свойств выступают средствами управления, целью которого является обеспечение собственной жизнедеятельности. В совокупности с функциями менеджмента это определяет онтологическое содержание функционально-целевого механизма управления социально-экономической системой и регулирования ее эффективности;

обосновано, что регулировать наиболее значимое для развития социально-экономической системы противоречие в отношениях экономической собственности между интересами наемных работников и собственников средств производства по поводу распределения оплаты труда и чистой прибыли в добавленной стоимости возможно только на макроуровне управления. Из этого следует необходимость государственного вмешательства в регулирование эффективности социально-экономических систем разных форм организации;

установлена взаимосвязь социально-экономических противоречий с экономической и социальной результативностью и эффективностью социально-экономической системы, где эффективность является качественной характеристикой ее результативности. Это позволяет измерять состояние и регулировать социально-экономические противоречия, а, следовательно, и состояние социально-экономической системы;

доказано, что мерой социально-экономических противоречий является сбалансированность экономической и социальной эффективности, критерием которой выступает сберегаемая или потребляемая часть располагаемого дохода индивидов, а инструментами ее регулирования на государственном уровне

управления – социальные стандарты, где основными выступают минимальная оплата труда и прожиточный минимум, величина которых зависит от результативности социально-экономической макросистемы. Это определяет приоритетность государственного регулирования эффективности социально-экономических систем;

обосновано, что сбалансированность экономической и социальной эффективности становится рациональной в пределах 30-40% сберегаемой или 60-70% потребляемой части располагаемого дохода индивидов, а оптимальной – при их значениях 38,2% и 61,8% соответственно. В этом случае достигается максимально возможная эффективность результативности социально-экономической системы, а социально-экономические противоречия разрешаются в наибольшей мере;

установлен целевой параметр регулирования эффективности социально-экономической системы. Им является дисбаланс между ее экономической и социальной эффективностью, определяемый по отклонению средней склонности индивидов к сбережению или потреблению от их оптимальных значений как обобщающих параметров регулирования, где частными параметрами выступают располагаемый доход индивидов, неравномерность его распределения и цена на товары и услуги конечного потребления. Их низкая регулируемость на микроуровне управления подтверждает приоритетность и необходимость государственного регулирования эффективности социально-экономической системы;

усовершенствовано:

методы оценки состояния социально-экономической системы, которые, в отличие от преимущественно экономических оценок ее результативности и эффективности, дополнены оценкой социальной результативности (по соотношению объема товаров и услуг конечного потребления с численностью ее индивидов) и социальной эффективности (по доле сберегаемой или потребляемой части в располагаемом доходе индивидов с учетом их неравномерности распределения). С использованием метода эвклидовых расстояний это позволяет

комплексно оценить эффективность результативности социально-экономической системы любой формы организации;

получили дальнейшее развитие:

критерии классификации видов социально-экономических систем, которые дополнены такими отличительными критериями форм их организации, как единая территория, масштабы и степень участия их индивидов в процессе воспроизводства экономических благ. С использованием критерия однородности это позволяет уточнить содержание макро-, мезо- и микроформ организации социально-экономических систем, установить взаимосвязь между ними и соответствующими параметрами управления их состоянием и регулирования их эффективности;

содержание основного экономического противоречия, которое расширено до понятия основного социально-экономического противоречия в экономических отношениях между интересами наемных работников и собственниками средств производства по поводу распределения оплаты труда и чистой прибыли в добавленной стоимости. Это основное контрарное противоречие социально-экономической системы и главная движущая сила ее развития в рамках существующего общественного способа производства лежит в основе взаимосвязи экономической и социальной эффективности и обуславливает необходимость регулирования их сбалансированности;

методы оценки регулируемости социально-экономических явлений, которыми выступают полное и частичное, прямое и косвенное воздействие управляющей системы и реагирование управляемой системы, где, в зависимости от их сочетания, регулируемость может быть низкой, средней и высокой. Это позволяет оценить и установить регулируемость социально-экономических противоречий на разных уровнях управления;

содержание системы управления социально-экономической системой, которое дополнено системой регулирования ее эффективности, где регуляторами выступают социально-экономические институты управляющей системы, методы и инструменты, посредством которых регулируются социально-экономические

противоречия и сбалансированность экономической и социальной эффективности. Это соответственно определяет субъект управления, функционально-целевой механизм, объект и предмет регулирования;

дефиниции основных понятий теории управления с точки зрения методологических оснований регулирования эффективности социально-экономических систем. Это понятия социальной, социально-экономической системы и соответствующее понимание социальных и социально-экономических противоречий как объекта регулирования; понятия управления, регулирования и саморегулирования состояния социальной системы; понятия функционально-целевого механизма управления и регулирования; понятия эффективности, результативности и их синтетическое понятие «эффективность результативности социально-экономической системы».

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость полученных результатов определяется актуальностью, целью и научной новизной результатов исследования, полученных в результате решения поставленных задач. Расширенное содержание понятий и сформулированные научные положения методологии регулирования эффективности социально-экономических систем значимы для экономической теории, теории управления такими системами и могут использоваться в других социальных науках.

Практическая значимость полученных результатов исследования заключается в том, что основные научные положения доведены до методического уровня: разработаны методы оценки экономической и социальной эффективности и результативности социально-экономических систем разных форм организации, позволяющие комплексно оценить эффективность их результативности, а также метод определения основных регулируемых параметров сбалансированности их экономической и социальной эффективности. Полученные научные результаты соответствуют Указу Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где установлены основные целевые показатели их достижения.

В Донецкой Народной Республике полученные научные результаты

рассмотрены, одобрены и могут быть использованы Аппаратом Народного Совета для прогнозирования макроэкономических показателей и определения размера минимальной оплаты труда и прожиточного минимума в целях обеспечения сбалансированности социальной и экономической эффективности экономики Донецкой Народной Республики (справка от 10.10.2022 № 03.1-94/3/19).

Министерством агропромышленной политики и продовольствия Донецкой Народной Республики подтверждена научно-практическая значимость методов оценки эффективности и результативности социально-экономических систем, которые могут быть использованы при комплексном анализе отраслей и экономики Донецкой Народной Республики, а также при подготовке предложений по формированию государственной политики социально-экономического развития (справка от 09.02.2023 № 01/605).

Методы оценки результативности и эффективности хозяйственной деятельности, а также сбалансированности экономической и социальной эффективности организации приняты к реализации при разработке годовых и перспективных планов ООО «Интеркод» с учетом уровня развития социально-экономической системы Донецкой Народной Республики (справка от 17.02.2023 № 12).

Теоретические и методические научные результаты диссертации используются в учебном процессе ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ» при изложении учебных дисциплин «Регулирование эффективности социально-экономических систем» и «Технико-экономический анализ» (справка от 16.02.2023 № 01-06/173).

Исследование выполнено в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы» в рамках научно-исследовательской темы «Структурные пропорции и развитие современных макроэкономических систем»

(номер государственного учета НИОКР от 25.04.2019 № 0119D000075) в части «Эффективность макроэкономической системы и ее регулирование», где выполнено методологическое обоснование оснований регулирования эффективности социально-экономических макро-, мезо- и микросистем.

Методология и методы исследования. Путем логического анализа, систематизации и обобщения методологических знаний определена методологическая основа исследования. Ее составляют философские основания науки о реальной действительности и теоретические основы методического знания, которые включают философские, общенаучные методы познания и экономико-математические методы, а также теоретические основания методологии социально-экономического исследования, которые составляют понятия и положения теории управления, теории систем, классической и институциональной экономической теории, политической экономии и других социальных наук.

С использованием философских оснований науки и теоретических оснований социально-экономических исследований, диалектического и общенаучных методов определены: формы проявления сущности социальной и социально-экономической системы, формы ее организации и развития; сущность регулирования эффективности и содержание системы регулирования в управлении социально-экономической системой, процессов и механизмов объективного и субъективного саморегулирования; уточнена сущность и виды социальных и социально-экономических противоречий, их регулируемость и взаимосвязь с экономической и социальной эффективностями, где обоснованы целевые, обобщающие и частные параметры на макро-, мезо- и микроуровне управления социально-экономической системой и регулирования сбалансированности ее социальной и экономической эффективностей.

На этой основе с использованием математических методов разработаны методы оценки экономической и социальной результативности и эффективности социально-экономических макро-, мезо- и микросистем, а также их комплексной оценки. С использованием методов эконометрического моделирования

формализована взаимосвязь между параметрами производства и потребления товаров и услуг на макроуровне управления социально-экономической системой. В результате исследования построенной эконометрической модели на примере Российской Федерации определены значения основных регулируемых параметров эффективности ее социально-экономических систем на государственном уровне управления – минимальный размер оплаты труда и величина прожиточного минимума.

Информационную базу исследования составляют социальные и экономические энциклопедии и справочники, современные научные работы и Интернет-ресурсы по данной проблематике, статистические данные Всемирного Банка, Евростата, Российской Федерации и Республики Беларусь.

Положения, выносимые на защиту. По результатам исследования на защиту выносятся следующие научные положения:

1. Социальную систему образуют живые формы бытия сущего, которым свойственно сознание и способность управлять объектами реальной действительности посредством функционально-целевого механизма управления, состоящего из инстинктивных и рефлексивных способов (методов) и инструментов их реализации как целенаправленно организованной совокупности вещей, их отношений и свойств.

2. В социальной системе базисной является социально-экономическая система, а политическая и культурная – надстроечными формами проявления сущности социальной системы человеческого общества, которая отличается от других социальных систем животного мира наличием отношений между индивидами по поводу воспроизводства экономических благ.

3. Регулирование является частью процесса управления свойствами вещей, которые определяют свойства их отношений, и направлено на достижение сбалансированности их парных противоположных свойств, обуславливающих объективность противоречий как свойств отношений между вещами.

4. Состояние социально-экономической системы определяют социально-экономические противоречия, которые объективно существуют в отношениях

индивидов по поводу воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ, где основным выступает контрарное (прямо противоположное) противоречие в отношениях экономической собственности между интересами наемных работников и собственниками средств производства по поводу распределения оплаты труда и чистой прибыли в добавленной стоимости, которое в большей мере можно регулировать только на государственном уровне управления.

5. Эффективность является качественной характеристикой результативности социально-экономической системы, где сбалансированность ее экономической и социальной эффективности, оцениваемая по доле сберегаемой или потребляемой части в располагаемом доходе индивидов, выступает мерой социально-экономических противоречий.

6. Регулирование эффективности социально-экономической системы – это регулирование сбалансированности ее экономической и социальной эффективности, которая становится рациональной в пределах 30-40% сберегаемой или 60-70% потребляемой части располагаемого дохода индивидов, а оптимальной – при их значениях 38,2% и 61,8% соответственно.

7. Эффективность результативности социально-экономической системы становится максимально возможной, а социально-экономические противоречия разрешаются в наибольшей мере при оптимальной сбалансированности ее экономической и социальной эффективности.

8. Эффективность результативности социально-экономической системы комплексно характеризует ее состояние в эвклидовом пространстве, где оценки ее экономической и социальной результативности и эффективности должны учитывать не только инфляцию, но и неравномерность распределения располагаемых доходов и расходов индивидов на конечное потребление.

9. Целевой параметр управления социально-экономической системой определяет эффективность ее результативности, а регулирования эффективности – дисбаланс между экономической и социальной эффективностями.

10. Частными параметрами регулирования эффективности социально-

экономической системы выступают располагаемый доход индивидов, неравномерность его распределения и индекс потребительских цен на товары и услуги конечного потребления.

11. Наибольшая возможность регулирования эффективности социально-экономической системы объективно существует только на государственном уровне управления посредством социальных стандартов, где основными инструментами регулирования являются минимальная оплата труда и прожиточный минимум.

Степень достоверности и апробация результатов. Высокая степень достоверности результатов подтверждается комплексным использованием категорий философии, диалектического, общенаучных и специальных методов познания, понятий и положений экономических, социальных теорий науки управления и теории систем, а также масштабностью статистических данных.

Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на научных и научно-практических мероприятиях различного уровня: XV международной научно-практической конференции «Экономика и маркетинг в XXI веке: проблемы, опыт, перспективы» (г. Донецк, 2018 г.); международной конференции «Мультипликация кризисных сценариев в современном социуме и пути их преодоления» (г. Ставрополь, 2020 г.); IV-V международных научно-практических конференциях «Актуальные проблемы и перспективы развития менеджмента и маркетинга производственных и социальных систем» (г. Донецк, 2020-2021 гг.); V-VII международных научно-практических конференциях «Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий» (г. Донецк, 2021-2023 гг.); XLVIII международной научно-практической конференции «EurasiaScience» (г. Москва, 2022 г.); VIII международной научно-практической конференции «Актуальные научные исследования» (г. Пенза, 2022 г.); IV международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» (г. Ростов-на-Дону, 2022 г.); международной научной конференции «Построение

межотраслевых научных взаимодействий в современных условиях» (г. Сургут, 2023 г.).

Публикации. По теме диссертации опубликованы 32 научные работы, а именно: 2 монографии, в том числе 1 личная, 18 статей в рецензируемых научных изданиях, 1 статья в другом научном издании, 11 работ апробационного характера. Общий объем публикаций составил 73,32 п.л., из которых лично автору принадлежат 24,57 п.л.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

1.1. Общенаучные, методические и теоретические основания методологии социально-экономического исследования

Современный этап развития человечества характеризуется ростом всевозможных кризисов и конфликтов социального, экономического и природного характера. В основе таких явлений лежит обострение противоречий между человеческими индивидами в социуме и их отношений с природой как следствие социально-экономической деятельности человеческого общества. Такая взаимосвязь требует научного объяснения и обоснования подходов к регулированию социально-экономических противоречий. Для этого необходимы соответствующие научные знания.

Основания науки составляют признанные концепции в различных научных отраслях. В «Новой философской энциклопедии» института философии РАН основания науки – «это фундаментальные представления, понятия и принципы науки, определяющие стратегию исследования, организующие в целостную систему многообразие конкретных теоретических и эмпирических знаний и обеспечивающие их включение в культуру той или иной исторической эпохи. ... Структура оснований науки определена связями трех основных компонентов: 1) идеалов и норм исследования, 2) научной картины мира, 3) философских оснований науки» [142, с. 167]. На базе идеалов и норм формируются методы познания, составляющие методические основания науки. Теоретическими основаниями науки выступают научная картина мира и философские знания.

Основу любой научной теории составляют понятия и положения, формируемые из доказанных гипотез путем суждений и умозаключений в процессе научного познания реальной действительности, которая существует как

«актуально наличное бытие» [286, с. 140] (рисунок 1.1). Гипотезы обосновываются теоретически и подтверждаются эмпирическими доказательствами. Кроме того, необходимы также и методологические знания, которые образуют методологию науки.

В научной литературе содержание методологии трактуется по-разному. Например, в работе [321, с. 553] – это «тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на разработку методов познания». Очевидно, данное определение лишь частично раскрывает содержание методологии. В работе [29, с. 48] – это «систематическое описание и исследование метода познания в науке, структуры и функций научного знания, а также структуры отношений между научной теорией и реальностью».

Такое понимание методологии науки отрывает содержание теоретического знания в виде научных теорий от методического знания. Проблема решается с точки зрения нормативной и дескриптивной методологии. Первая «обеспечивает правильность постановки научной проблемы, дает средства для ее разрешения и улучшает организационную сторону исследований» [153]. Вторую «связывают со структурой научного знания о реальной действительности и закономерностях научного познания» [29, с. 48]. «В современной методологии науки принято выделять следующие основные компоненты теории:

1) исходный эмпирический базис, который включает множество зафиксированных в данной области знания фактов, достигнутых в ходе наблюдений и экспериментов и требующих теоретического объяснения;

2) исходную теоретическую основу – множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализированный объект теории;

3) логику теории – множество допустимых в рамках теории правил логического вывода и доказательства;

4) совокупность выведенных в теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания» [143, с. 43].

Рисунок 1.1 – Процесс и результаты (формы) научного познания [составлено автором на основе [17]]

Очевидно, что третья компонента соответствует нормативной методологии, а остальные – дескриптивной, где только первая и вторая компоненты являются теоретическим основанием исследования в той или иной области науки. В совокупности это определяет методологию науки и позволяет различать методические и теоретические основания науки в тесной их взаимосвязи.

Научная картина мира как теоретическое основание развития науки – это результат исторического и поэтапного ее развития. В основе этого процесса лежит философия. Это «особая форма общественного сознания и познания мира, вырабатывающая систему знаний об основаниях и фундаментальных принципах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни» [143, с. 195]. Основу философских знаний составляют категории философии.

Философские категории – это «фундаментальные понятия, формы мысли, типы связи субъекта и предиката в суждении, устойчивые способы предцирования, существующие в языке, составляющие условия возможности опытного знания и имеющие априорное значение в качестве универсалий и предельных понятий» [141, с. 229]. «Предельные высказывания – это когнитивные языковые единицы низкой экспликативной валентности, функция которых заключается в обозначении исчерпанности дискурса. Они манифестируют неразложимую на более мелкие составляющие бытийность, то есть истину» [162, с. 155].

Философские категории позволяют связать любое знание с философией и, наоборот, осуществить переход от нее ко всякой конкретной области знания. Они носят универсальный характер, а их взаимосвязь отражает сущность всеобщих законов бытия. То есть категории философии являются общенаучными понятиями и в совокупности с ее положениями выступают основанием любых наук как философские основания науки. Эти основания в совокупности с признанными научными теориями, формирующими научную картину мира, выступают теоретическим основанием науки.

Философские категории являются результатом метафизического познания.

Взаимосвязь между ними устанавливается через парные категории, которые используются в диалектическом методе познания. В «Новой философской энциклопедии» института философии РАН «диалектика – логическая форма и всеобщий способ рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречия его мыслимого содержания» [140, с. 645]. «Диалектика выступает как учение о наиболее общих закономерных связях и становлении, развитии бытия и познания, а также основанный на этом учении метод творчески познающего мышления. Суть диалектики – раздвоение единого на противоположности и изучение их противоречивого отношения» [53]. Такое «раздвоение единого» происходит с помощью парных категорий, где начальные категории – это результат метафизического познания реальной действительности. Следовательно, диалектический и метафизический методы тесно связаны между собой.

Диалектический и метафизический методы являются философскими методами познания. В процессе доказательства гипотез вместе с ними используются теоретические и эмпирические методы исследования. В основе логических процедур вывода понятий, суждений и умозаключений лежат теоретические методы исследования. Для их подтверждения необходимы эмпирические методы. Основу теоретических методов составляют логический метод, абстрагирование, аналогия, обобщение, анализ и синтез, индукция и дедукция. В совокупности с философскими методами они составляют теоретическую основу методического знания. В совокупности с эмпирическими методами познания она образует общенаучное методическое основание любого исследования (рисунок 1.2).

Теоретический базис исследования составляют философские основания науки. В философии, как и в любой науке, объективно существует непрекращающаяся полемика по поводу толкования реальной действительности, взаимосвязи бытия и сущего в ней. Не вдаваясь в нее, философскими основаниями науки о реальной действительности выступают следующие тезисы:

Рисунок 1.2 – Методические основания исследования [составлено автором]

1. Реальная действительность определяется фундаментальными категориями «бытие» и «сущее». Бытие, как определяется в «Новейшем философском словаре» под ред. А.А. Грицанова, – это «категория, фиксирующая основу существования (для мира в целом или для любой разновидности существующего (сущего))» [144, с. 139]. Категория «сущее» в «Философском энциклопедическом словаре» рассматривается как «совокупность многообразных проявлений бытия» [286, с. 654]. С диалектической точки зрения эти категории взаимосвязаны как содержание и форма, где «содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, а форма есть способ существования и выражения содержания. ... Отношение содержания и формы характеризуется единством, доходящим до их перехода друг в друга,

однако это единство является относительным» [286, с. 620]. С этой точки зрения сущее является содержанием бытия, а бытие сущего определяет содержание понятия реальной действительности.

2. Бытие сущего характеризуется категориями «сущность» и «явление». В «Новой философской энциклопедии» института философии РАН «сущность и явление – категории философского дискурса, которые характеризуют устойчивое, инвариантное, в отличие от изменчивого, вариативного. Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в устойчивом единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия; явление – то или иное обнаружение предмета, внешние формы его существования. В мышлении эти категории выражают переход от многообразия изменчивых форм предмета к его внутреннему содержанию и единству – к понятию. ... Они неразрывно связаны: явление представляет собой форму проявления сущности, последняя раскрывается в явлениях» [142, с. 682]. Таким образом, сущность – это содержание явлений как форм проявления бытия сущего, которые имеют материальную и нематериальную сущность.

3. Проявления бытия сущего могут быть статическими и динамическими. Динамические явления изменяются во времени и определяются понятием «процесс». Это «категория философского дискурса, характеризующая совокупность необратимых, взаимосвязанных, длительных изменений, как спонтанных, так и управляемых, как самоорганизованных, так и организуемых, результатом которых является некое новшество или нововведение [142, с. 378]. То есть любые изменения проявлений бытия сущего – это процесс.

4. Различие между формами проявления бытия сущего определяется свойствами вещей и их отношений. В Философском энциклопедическом словаре свойство – это «философская категория, выражающая такую сторону предмета, которая обуславливает его различие или общность с другими предметами и обнаруживается в его отношении к ним» [286, с. 599]. То есть свойства вещей проявляются при условии существования отношений между ними. Но и отношения обладают свойствами, которые проявляются при условии

существования вещей. Следовательно, свойства вещей определяют свойства отношений, но между собой они диалектически взаимосвязаны. Изменение свойств вещей приводит к изменению свойств отношений, и наоборот. В любом случае это процессы изменения проявлений бытия сущего.

5. Материальную сущность форм проявления бытия сущего составляют вещи как «отдельные предметы материальной действительности, обладающие относительной независимостью и устойчивостью существования» [286, с. 80]. Материальная сущность вещей проявляется в неживой и живой форме (животные и люди). Неживые формы бытия сущего целью не обладают. Целью живых форм является обеспечение жизнедеятельности как «совокупности процессов, протекающих в живом организме, служащих поддержанию в нем жизни и являющихся проявлениями жизни» [160].

6. Нематериальную сущность бытия сущего образуют свойства вещей, которые проявляются в неживой и живой форме (животные и люди) и в форме их отношений. В «Философском энциклопедическом словаре» «отношение – философская категория, характеризующая взаимозависимость элементов определенной системы» [286, с. 470]. В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН отношение как «форма многообразных проявлений бытия» отражает «связи между некоторой сущностью и тем, что с ней соотносено» [142, с. 176]. Такая связь существует не только в виде отношений между вещами, но и между материальной и нематериальной сущностями живых форм бытия.

7. Нематериальная сущность живой формы бытия сущего проявляется в рефлексах как реакции их нервной системы на раздражители и сознании. Под сознанием, как правило, понимается «способность идеального воспроизведения действительности» [95, с. 355]. Но способность – это свойство сознания. Свойства сознания проявляются в форме инстинкта и рефлексии как «формы теоретической деятельности человека, которая направлена на осмысление собственных действий, культуры и ее оснований» [142, с. 445]. Рефлексия продуцирует рациональные формы познания реальной действительности, а

инстинкт ее не объясняет. Поэтому рефлексия – это рациональная форма проявления сознания, а инстинкт – иррациональная. Рациональная и иррациональная формы познания в той или иной мере базируются на чувственной форме, где рефлексии изначальны.

7. Живые формы бытия сущего индивидуальны, но только те, которые обладают сознанием, являются социальными индивидами. Это не означает, что у социальных индивидов нет инстинктов.

8. Инстинктивный и осознанный в результате рефлексии (рефлексивный) процесс изменения свойств вещей и их отношений проявляется в форме практической и теоретической деятельности живых форм бытия сущего. Изначально результатом рефлексии выступают суждения и умозаключения, конкретизируемые в виде категорий, понятий и положений. В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН в отличие от категории, выступающей фундаментальным понятием, имеющим априорное значение, понятие определяется, как «мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признаки» [142, с. 285]. Отличительными признаками понятий между собой выступают материальные и нематериальные свойства проявлений бытия сущего, свойства его неживых и живых форм.

Такие философские основания науки в совокупности с теоретической основой методического знания формируют общенаучную теоретическую и методическую основу исследования (рисунок 1.3). В методологии науки они дополняются специфическими методами исследования и научными теориями, образующих научную картину мира. В основе научных теорий, составляющих научную картину мира, лежат понятия и положения, выводимые путем суждений и умозаключений. Они определяют теоретические основания исследования. Каждое научное исследование уникально и выбор понятий и положений из признанных научных теорий определяется объектом и предметом исследования. Поэтому в каждом научном исследовании свои теоретические основания. В любом случае их выбор должен быть обоснованным с точки зрения критерия ценности для конкретного исследования.

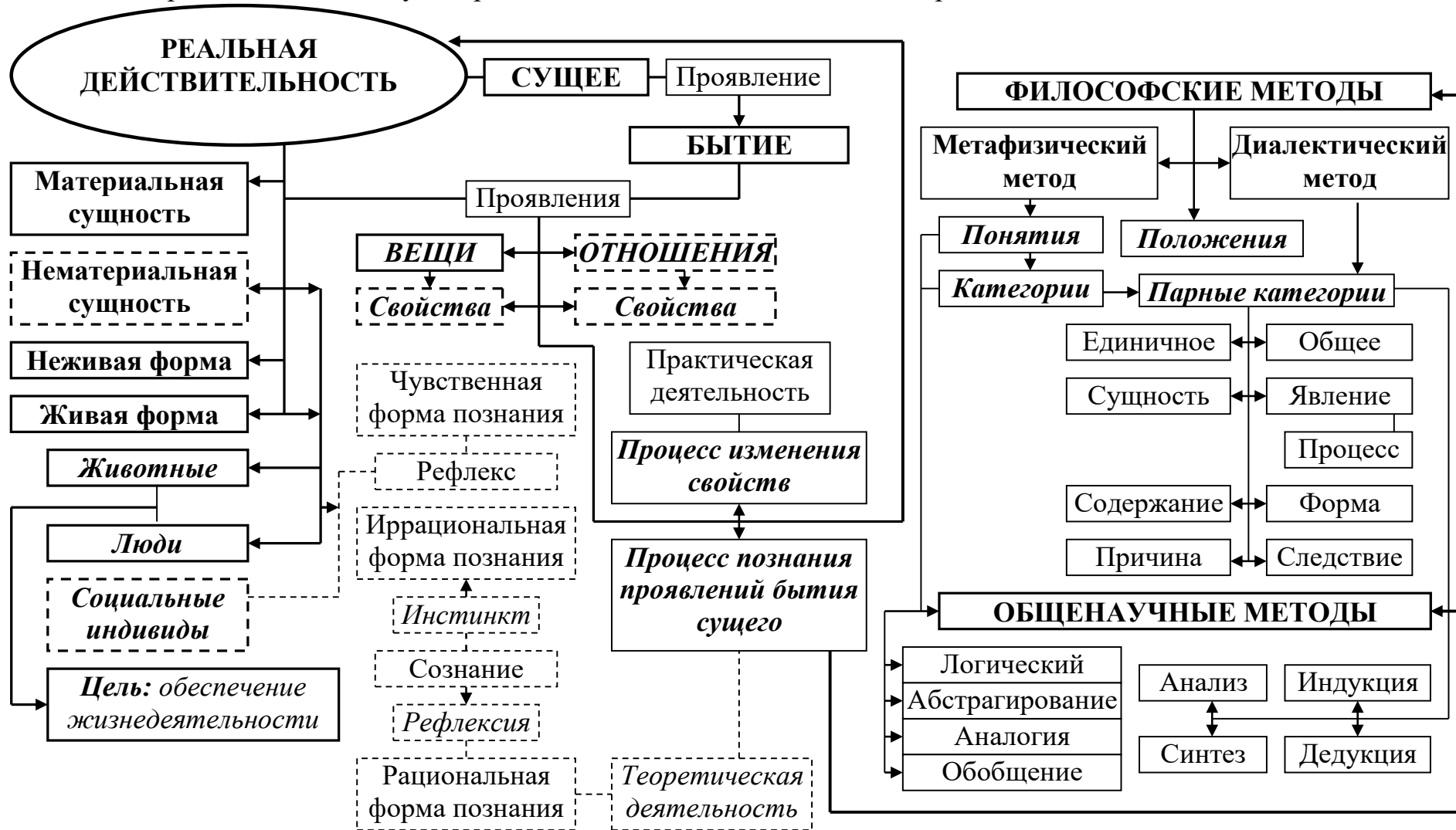

Рисунок 1.3 – Общенаучная теоретическая и методическая основа исследования [составлено автором]

Очевидно, что ценность научных теорий обуславливается не только достоверностью описания проявлений бытия сущего в реальной действительности, но возможностью их прогноза. Все признанные научные теории в определенной мере такой ценностью обладают. Тем не менее, в реальной действительности появляются факты, которые они не могут объяснить. По утверждению Т. Куна, существуют научные теории, которые «в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [102, с. 11]. Такие научные теории формируют научную парадигму.

По мере накопления необъяснимых фактов одни понятия и положения предшествующей парадигмы сохраняются как базовые, другие модифицируются или дополняются новыми. В совокупности они являются теоретическим основанием новой парадигмы. Очевидно, базовые понятия и положения признанных научных теорий являются теоретическим основанием научного исследования как процесса, в результате которого формируется новая парадигма. В экономической науке проблема формирования новой экономической парадигмы связывается с метафизическим подходом к исследованию социально-экономической системы, где выделяется только экономическая составляющая [17]. В результате существует понятие экономической методологии. Например, – это «отрасль знания, изучающая экономическую науку как вид человеческой деятельности (прим. – научной деятельности)» [9, с. 17].

Кроме того, существует проблема определения ценности экономических теорий. Например, в работе [29] обосновывается, что «сегодня в методологии (прим. экономической) нет общепризнанных теорий. Скорее, методологи предлагают более или менее удачные интерпретации тех или иных особенностей экономической науки, экспериментируя с различными идеями (прежде всего из философии науки и социальной философии). Четких критериев качества в экономической методологии (как и в философии) нет, однако, несомненно, наиболее обсуждаемые сегодня работы отличает глубокое знание экономического материала, удачное и убедительное объяснение тенденций развития экономической науки, порой, – нетрадиционный взгляд на те или иные

экономические концепции» [29, с. 65].

Теоретические основания экономической науки исследователи определяют по-разному. Например, в [293] утверждается, что таковыми являются «неоклассика, кейнсианство и институционализм, наряду с которыми существуют и другие течения, получившие более ограниченное признание. Наиболее характерным, распространенным в современной экономической теории является неоклассическое мировоззрение» [293, с. 12]. Критический анализ экономических теорий в работе [299, с. 13] показывает, что «... в их основе в большей или меньшей мере лежат: а) классическая политическая экономия; б) марксистская экономическая теория как специфическая часть классической политической экономии; в) теория предельной полезности, или маржиналистская экономическая теория (неоклассика); г) кейнсианская экономическая теория; д) институционализм».

Существует проблема ценности существующего теоретического основания экономической науки, что подтверждается новыми негативными фактами глобального развития мировой экономики и экономики стран, даже с высоким уровнем развития. Очевидно, это связано с проблемой ценности признанных экономических теорий. В совокупности с метафизическим подходом к исследованию названной научной отрасли это привело к отсутствию единой методологии экономической науки.

Вместе с тем, «со второй половины XX в. экономическая теория начинает принимать во внимание не только рациональную, но и эмоционально-психологическую, в том числе бессознательную мотивацию экономических решений». «В господствующей ныне неклассической школе экономической мысли ... нельзя не заметить некоторого противоречия между абстрактной сущностью модели и реальными мотивами поведения конкретных экономических субъектов. Для разрешения этого противоречия необходимо рассмотреть и альтернативные подходы к человеческой природе, неизменно сопутствующие основной концепции. Следует также осмыслить ту методологическую роль, которую понятие экономического субъекта играет при оформлении

экономической парадигмы, объединяющей сообщество исследователей» [3].

Действительно, экономика – это, прежде всего, люди, связанные социальными отношениями, где определяющими выступают экономические отношения. Это следует из цели людей как живой формы проявления бытия сущего. Такой целью является обеспечение жизнедеятельности. Социальные отношения изучают различные социальные науки. С ними тесно связаны экономические теории, например, теория Дж. М. Кейнса о предельной склонности к потреблению или сбережению как следствие проявления эмоционально-психологической составляющей человеческой сущности. Но это является объектом исследования психологии как одного из направлений социальных наук.

В целом, «человеческая сущность проявляется в социально-экономической деятельности людей и их социально-экономических групп. Социальной деятельностью считается совокупность социальных действий индивидов или их социальных групп, которые стремятся изменить поведение, взгляды или мнение людей с помощью определенной системы поступков, средств и методов. Экономическая деятельность как совокупность процессов производства, распределения, обмена и потребления направлена на удовлетворение потребностей людей в товарах и услугах. Вполне логично, что в основе таких действий, в первую очередь, лежат экономические интересы и экономическая деятельность людей, но она диалектически связана с социальной деятельностью как базис и надстройка» [17, с. 63]. Очевидно, из противоречивости интересов людей в обеспечении собственной жизнедеятельности и следует определять теоретические основания социально-экономических исследований, где значимыми становятся фундаментальные понятия и положения политологии, культурологии и других социальных наук, изучающих разные стороны жизни человека и общества.

Общество является социальной системой. Исследование любых систем базируется на методологии теории систем, которая тесно связана с системным подходом и является конкретизацией его принципов, методов и инструментов.

Социальная система управляема, что является предметом науки управления. Таким образом, можно утверждать, что для формирования теоретических оснований социально-экономических исследований необходима интеграция в теоретические основания экономической науки фундаментальных понятий и положений других социальных наук, науки управления и теории систем. В совокупности с философскими основаниями, теоретической и методической основой это является методологическим основанием исследования социально-экономических систем.

1.2. Социально-экономическая система как форма проявления сущности социальной системы

Потребность в использовании понятия «социальная система» возникает при исследовании человеческого общества как исторически сложившегося на определенной территории социума, системы отношений между его индивидами и форм их жизнедеятельности. Ей свойственна упорядоченность, целостность, наличие закономерностей построения, функционирования и развития. Чтобы выявлять такие закономерности, оценивать результаты функционирования и прогнозировать развитие социальной системы, необходимо, прежде всего, адекватно определять ее сущность, структурные формы проявления сущности и свойства, определяющие в совокупности закономерности в функционировании и развитии. Вполне очевидно, что в социальной системе существует многообразие форм проявлений бытия сущего. Чтобы адекватно характеризовать их сущность необходимо с философской точки зрения уточнить понятия системы, социальной системы, ее структуру и свойства.

В основе определения социальной системы лежит понятие «система». Существуют гносеологический и онтологический подход к его трактовке. В первом случае система рассматривается как средство исследования явлений, где

исследователь синтезирует систему как некое абстрактное отображение реальности [75; 302]. Например, И. Кант под системой понимал «единство многообразных знаний, объединенных одной идеей. А идея есть понятие разума о форме некоторого целого, поскольку им а priori определяется объем многообразного и положение частей относительно друг друга» [82].

Во втором случае система рассматривается как комплекс явлений, существующих объективно и независимо от исследователя, главная задача которого – выделить определенную систему из окружающей среды, провести ее структуризацию, установить механизм функционирования и определить направления воздействия на нее. Например, основоположник теории систем Л. Берталанфи трактовал ее как комплекс взаимодействующих элементов или совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой [25].

Понятие системы рассматривается с точки зрения парных категорий диалектики как взаимосвязь частей, образующих единое целое во всем многообразии проявлений бытия сущего. В этом многообразии существуют совокупности вещей и их отношений, связанных определенным способом. Как правило, при дефинировании понятия системы вещи называют элементами, а отношения – связями. В совокупности они определяют структуру системы, системные признаки которой детерминируются свойствами вещей и их отношений.

Например, по утверждению С. Бира: «Все состоящее из связанных друг с другом частей мы будем называть системой» [26, с. 35]. У. Партер дополняет эту трактовку тем, что система «не просто совокупность единиц..., а совокупность отношений между этими единицами» [159, с. 15]. Д. Клир расширяет содержание системы ее свойствами: «Система представляет собой определенное множество взаимосвязанных элементов, образующих устойчивое единство и целостность, обладающее интегральными свойствами и закономерностями» [87].

Во всех дефинициях понятия «система» элемент рассматривается в качестве

простой части сложного. Например, в результате обобщения существующих трактовок в работе [113] утверждается, что все исследователи определяют систему как произвольную или целенаправленную совокупность элементов, как множество взаимосвязанных и взаимодействующих элементов или как совокупность элементов, которая имеет определенные системные признаки. Но в силу относительности явлений это не означает неделимость элементов на еще более простые части.

Принципы деления системы на элементы могут быть разными [34; 39]. В любом случае это результат рефлексии, где деление определяется целью искусственной организации. Поэтому структура элементов в границах одной системы может отличаться. Все зависит от конкретной задачи. В сложных системах (а таковой является социальная система, поскольку включает материальную и нематериальную сущность бытия, где люди и их отношения являются основной формой ее проявления) для упрощения ее решения совокупности элементов, которые имеют определенные системные признаки, но отличаются между собой, выделяются в подсистемы.

Многообразие форм бытия сущего проявляется в различных системах и их подсистемах, обладающих определенными свойствами. Эти системы и подсистемы в реальной действительности в той или иной мере взаимодействуют между собой [64]. С этой точки зрения в «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного понятие системы определяется как комплекс подсистем, элементов и компонентов и присущих им свойств, взаимодействие между которыми и средой порождает качественно или существенно новую интегративную целостность [302, с. 361].

Под комплексом в «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова понимается «совокупность, сочетание явлений или свойств» [279]. С точки зрения категорий диалектики «единичное» и «общее» элемент – это единичная часть общего, которым выступает система, подсистема или компонент как комплекс элементов. Вполне логично, что такая совокупность является организованной. *То есть систему образует организованный комплекс элементов и их отношений,*

связанных определенными свойствами. Возникает вопрос, что значит «качественно или существенно новая интегративная целостность» такого комплекса?

Целостность является основополагающим свойством системы. Она образуется совокупностью связанных определенными отношениями элементов, но не сводится к их сумме. Целостность системы проявляется в том, что изменение любого элемента влияет на все остальные и приводит к изменению системы в целом, и наоборот, любое изменение системы сказывается на всех её элементах. Отношения между элементами и целостность системы подчинены определенным закономерностям и могут принимать различные логические формы. С точки зрения категорий диалектики – это единичное и общее, сущность и явление, часть и целое, внешнее и внутреннее, непосредственное и опосредованное и т.д.

Интегративность – общесистемное свойство. Это означает, что системе присущи такие свойства, которые отсутствуют у ее элементов, а также такие свойства, которых не имеет система. От их свойств зависят отношения между ними. Свойства элементов и отношений могут быть разными, но только определенная их совокупность обеспечивает «интегративную целостность» системы и отношения с элементами других систем в реальной действительности. Интегративность не означает, что у системы и ее элементов не может быть общих свойств, поскольку в этом случае нет логического смысла в ее целостности. Но это справедливо и по отношению к понятию «подсистема», как «относительно независимая часть системы, обладающая свойствами системы» [25]. Тогда чем компонент отличается от подсистемы, а подсистема – от системы?

Элементы системы, как вещи и их отношения, – это формы проявления бытия сущего. Различие между ними определяется свойствами элементов и их отношений, где свойства отношений зависят от свойств вещей. Эти свойства могут быть однородными и неоднородными. В теории систем совокупности однородных элементов, которые не обладают системными признаками, принято называть компонентами. Признак – это определенное свойство, по которым

различают элементы.

Выделение элементов в компоненты по признаку однородности – это результат метафизического познания реальной действительности, где явления рассматриваются абстрактно, без взаимосвязи между ними, то есть без отношений. Выделение вещей в совокупности с их отношениями в системы и подсистемы – это диалектический подход к познанию реальной действительности. Это результат рефлексивного отражения в сознании реально существующих элементов и их отношений, которые организованы определенным способом. Если организация элементов и их отношений является следствием рефлексии, то система или подсистема является искусственной. Очевидно, что в реальной действительности они организуются и естественным способом, где свойства элементов и их отношений могут быть как однородными, так и неоднородными.

Компоненты определяются рефлексивно по признаку однородности элементов вне зависимости от их отношений. Поэтому такие комплексы могут быть только искусственными, как результат рефлексии. В реальной действительности комплексы могут быть как искусственными, так и естественными. В них элементы могут быть как однородными, так и неоднородными, связанных соответствующими отношениями. С точки зрения категорий «часть» и «общее» подсистема является частью системы как комплекса однородных и неоднородных элементов, связанных соответствующими отношениями. Алогично неоднородные элементы могут быть связаны однородными отношениями, но вполне логичны однородные отношения между однородными элементами. Следовательно, такой комплекс однородных элементов и их отношений является однородной подсистемой. По отношению к нему комплекс неоднородных элементов и их отношений образуют другую однородную систему, но она неоднородна по отношению к другим однородным системам. Очевидно, *свойства неоднородных подсистем, их однородных элементов и отношений обеспечивают «интегративную целостность» системы.*

Вполне логично, что в реальной действительности могут существовать

комплексы из однородных и неоднородных систем. Очевидно, такой комплекс является сложной системой, состоящий из неоднородных подсистем. В любом случае существует определенная проблема в их классификации. Как правило, например, различают реальные, объективно существующие, системы и идеальные (абстрактные), являющиеся результатом рефлексии (форма умственной деятельности человека) [11; 39; 151]. Реальные системы могут быть естественными (природными) системами и искусственными, созданными человеком. В определенной мере к искусственным системам относятся и идеальные, например, модели. Природные системы включают системы неживой и живой природы. Искусственные системы делят на технические, технико-экономические, социальные (общественные) и организационно-технические. Но можно ли социальные системы отнести к искусственным системам?

Исходя из постулата, что человек – это часть природной системы, например, в работе [180, с. 208] утверждается: «Любая совокупность людей, возникшая естественным путем и имеющая характер функциональной целостности, является социальной системой». Но объединение людей может происходить и искусственным путем, например, при создании предприятия. В результате считается, что социальные системы относятся к смешанному типу, в них органично сочетаются элементы природы и искусственно созданные человеком системы [37].

Английский кибернетик С. Бир разделял все системы на три группы: простые, сложные и очень сложные [26]. Как утверждается в работе [38], «сложные системы характеризуются большим количеством взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, множеством целей, которые подчинены общей цели системы, и сложностью выполняемых ею функций, наличием управления и взаимодействия с окружающей средой». Обладают ли простые искусственные и естественные системы целью? Скорее всего, они служат сложным системам для достижения цели.

Цель появляется в сложных системах с участием живых форм бытия сущего в результате синтеза искусственных и (или) естественных систем. Очевидно, что

главной целью таких сложных систем является обеспечение жизнедеятельности живых форм сущего. Для ее достижения решается множество целевых задач. Именно наличие целей определяет интегративное свойство таких сложных систем. Это свойство присуще индивидам животного мира. Здесь возникает понятие социального животного и социальной системы.

Обобщенно «социальное животное – организм, способный к активному взаимодействию с другими особями своего вида. ... Однако термин «социальное животное» обычно применяется только к тем видам, у которых высок уровень социальной организации, у которых взрослые индивиды образуют постоянные группы и взаимоотношения между представителями которых не сводятся к случайным встречам» [263]. Высшим видом социального животного является человек. Это отмечал еще Аристотель: «Человек по природе – социальное животное». Здесь вполне справедливо утверждение Н.М. Лумана, что среди социальных систем в животном мире человеческое общество является наиболее сложной социальной системой. Она включает как простые, так и сложные искусственные и естественные системы [110].

В любом случае такие группы индивидов в животном мире являются социальными системами, где однородные представители связаны определенными социальными отношениями. С точки зрения диалектики отношений единичного и общего они однородны в рамках достижения «единичной» цели, то есть той, которая не имеет подцелей. В рамках достижения общей цели возникают неоднородные отношения. Объединение индивидов социальными отношениями в социальные системы естественно, но с целью обеспечения жизнедеятельности такие социальные системы могут включать как естественные, так и искусственно создаваемые индивидами системы. Следовательно, с учетом уточненного содержания понятия системы, *социальную систему образует комплекс неоднородных между собой как искусственных, так и естественных систем, элементы которых комплексно связаны однородными и неоднородными отношениями.*

Совокупность неоднородных систем и их элементов, связанных

однородными и неоднородными отношениями, образуют структуру социальной системы. Тем не менее, существует некоторая неопределенность в понимании ее структуры. Например, в «Философском энциклопедическом словаре» социальная система – это «сложноорганизованное, упорядоченное целое, включающее отдельных индивидов и социальные общности, объединенные разнообразными связями и взаимоотношениями, специфически социальными по своей природе. Социальной системой являются группы индивидов, достаточно долгое время находящихся в непосредственном контакте; организации с четко оформленной социальной структурой; этнические или национальные общности; государства или группы взаимосвязанных государств и т. п.; некоторые структурные подсистемы общества: например, экономические, политические или правовые системы общества, наука и т.д.» [286, с. 611].

В социологии социальная система – «это совокупность элементов (различных социальных групп, слоев, социальных общностей), находящихся между собой в определенных отношениях и связях и образующих определенную целостность» [152, с. 956]. Т. Парсонс в структуре социальной системы выделяет экономическую (адаптация), политическую (целедостижение), культурную (поддержание образца) подсистемы и подсистему «социетальной общности» как совокупность соответствующих нормативов [158]. В социологическом словаре Н. Аберкромби указывается, что понятие социальной системы «используется также при анализе групп, институтов, обществ и образований, возникающих в результате взаимодействия различных обществ» [2, с. 956].

Такой подход к пониманию структуры социальной системы человеческого общества является «выборочно-компонентным», а не системным. Это связано с тем, что в социальной системе человек определяется единственным элементом, но это главный ее элемент. Кроме него в социальной системе существуют другие материальные и нематериальные вещи бытия сущего, которые служат обеспечению человеческой жизнедеятельности. В социальной системе все элементы связаны в неоднородные группы однородных элементов, объединенных однородными и неоднородными отношениями по поводу обеспечения

человеческой жизнедеятельности [264]. Эти группы и отношения различают по видам такой деятельности.

Например, человеческие отношения – это «совокупность многообразных устойчивых взаимозависимостей, возникающих между отдельными индивидами, их группами, организациями и общностями, а также внутри последних в процессе их экономической, политической, культурной и подобной деятельности и реализации ими своих социальных статусов и социальных ролей» [152]. В «Новой философской энциклопедии» института РАН такие отношения определяются по «основным сферам жизнедеятельности общества»: это «экономические, социальные, политические, моральные, идеологические и др. Каждый из этих типов общественных отношений имеет свои основания, отличающие его от др.: экономические отношения складываются на основе производства, обмена и распределения товаров и услуг; социальные – на основе статусов различных субъектов в социальной структуре и в обществе в целом; политические – на основе публичной власти и т. п.» [142, с. 178].

Очевидно, такая структуризация социальной системы является следствием исполняемых человеческими индивидами неоднородных функций. Их исполнение необходимо для достижения главной цели социальной системы человеческого общества – обеспечение жизнедеятельности общества и каждого индивида. Отсюда возникают неоднородные функциональные подсистемы. Например, в работе [181, с. 29] определяется, что «общество как сложная социальная система состоит из четырех базовых функциональных подсистем (экономической, правовой, политической и культурной)».

В юридических словарях правовая и политическая функциональная системы общества имеют смешанное толкование и часто рассматриваются как политико-правовая система общества, например, в работе [290]. В «Большом юридическом словаре» политическая система рассматривается как «упорядоченная на основе права и иных социальных норм совокупность институтов (государственных органов, политических партий, движений и т. п.), в рамках которой проходит политическая жизнь общества и осуществляется

политическая власть» [166]. В другом словаре «политическая система как комплексный конституционно-правовой институт включает совокупность норм, которые устанавливают конституционно-правовой статус государства, политических партий, общественных и религиозных организаций и регулируют их взаимоотношения». Здесь же правовая система определяется как «совокупность источников права и юрисдикционных органов конкретного государства» [55]. Очевидно, правовая система является неотъемлемой частью политической системы общества.

Таким образом, сущность социальной системы человеческого общества проявляется в форме экономической, политической и культурной функциональной систем, где их структурные элементы взаимосвязаны однородными и неоднородными отношениями по поводу обеспечения жизнедеятельности общества и каждого ее индивида, как проявления бытия сущего.

С точки зрения институциональной теории структурными элементами социальной системы являются институты. Но в научной литературе понятие института, как правило, рассматривается двояко: как норма права или как организация. Например, «институт социальный» – 1) социальное установление как комплекс самых общих социальных (политических, правовых, моральных, религиозных и т. п.) норм, правил и принципов, культурных образцов, привычек, типов мышления и моделей поведения, определяющих сущность и устойчивость социальных явлений, обуславливающих и регулирующих социальные отношения, деятельность человека в различных областях ее приложения; 2) социальное образование, или учреждение, – социальная единица надиндивидуального уровня, организация, выступающая субъектом социальных отношений и действий [141, с. 124].

В «Экономической энциклопедии» под редакцией С. Мочерного понятие института определяется однозначно, как «совокупность норм права в любой сфере общественных отношений» [300, с. 657]. Эти нормы права реализуются организациями. Чтобы устранить двоякость в толковании института, в работе

[272, с. 49] введено понятие институции: «институты (законодательно закрепленные нормы) и институции (организации, обеспечивающие исполнение законов), органы власти и управление экономикой страны в целом».

В работе [19] уточняется, что институты представляют собой все нормы и правила, как формальные, так и неформальные, а организации, посредством которых они реализуются, – соответствующие институции. Это вполне логично с точки зрения категорий диалектики «содержание» и «форма», где институция – это форма объединения индивидов, связанных однородными отношениями. Очевидно, относительно устойчивыми являются институции, а динамичными – институты, поскольку нормы и правила регулируют постоянно изменяющиеся экономические, политические и культурные институциональные отношения.

Экономическая, политическая и культурная формы проявления институциональной сущности социальной системы человеческого общества относительно устойчивы, но общественные отношения в них, которые регулируются соответствующими институтами, динамичны. Например, в «Новой философской энциклопедии» института РАН утверждается, что «конкретное содержание каждого типа общественных отношений исторически изменяется вместе с изменением всего общества. Возникнув, новые элементы общественных отношений постепенно утверждаются в повседневной жизни людей, приобретают характер институтов социальных, устойчиво воспроизводящих себя и свои взаимоотношения со средой» [141, с. 178].

Институциональный подход позволяет осуществлять дальнейшую структуризацию экономических, политических и культурных функциональных систем по соответствующим институциям и институтам социальной системы человеческого общества, где возникают как однородные, так и неоднородные отношения между ее элементами по поводу обеспечения жизнедеятельности самого общества и каждого его индивида (рисунок 1.4).

Таким образом, *социальную систему и ее структуру целесообразно рассматривать как комплекс неоднородных экономических, политических и культурных институций, связанных между собой однородными и неоднородными*

отношениями между их элементами, которые регулируются институтами в виде формальных и неформальных норм и правил.

Рисунок 1.4 – Укрупненная структура социальной системы человеческого общества [составлено автором]

Тем не менее, институциональный подход не раскрывает диалектику отношений между экономическими, политическими и культурными отношениями в социально-экономической системе, где с точки зрения парных категорий диалектики «базис» и «надстройка» существуют базисные и надстроечные отношения. По К. Марксу, базисные отношения определяются, прежде всего, производственными отношениями: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [118, с. 6]. «Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества,

реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [118, с. 7]. Но, кроме этих, существуют и другие надстроечные отношения.

Например, в «Толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова [279], надстройка – это «совокупность политических и идеологических общественных отношений и связанных с ними форм общественного сознания, вырастающих на основе определенной экономической структуры общества». В «Новой философской энциклопедии» Института РАН «идеология и форма общественного сознания – составная часть культуры, духовного производства» [141, с. 81]. То есть к надстроечным относятся и культурные отношения.

В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой [63] надстройка – это «совокупность исторически сложившихся общественных отношений и взглядов – политических, правовых, моральных, религиозных, эстетических, философских – и соответствующих таким отношениям учреждений, зависящих от базиса и, в свою очередь, воздействующих на него». Очевидно, что, кроме политической и правовой формы, остальные являются культурными формами общественного сознания. В любом случае все формы общественного сознания проявляются в виде институтов, как формальных и неформальных норм и правил. Базисные и надстроечные институты реализуются соответствующими институциями, как организаций индивидов, связанных определенными отношениями. Они возникают по поводу обеспечения жизнедеятельности общества и каждого его индивида.

Очевидно, что экономические, политические и культурные институты, институции и их отношения образуют соответствующие функциональные системы в структуре социальной системы. Таким образом, с диалектической и институциональной точки зрения *социальную систему образуют базисные экономические и надстроечные политические и культурные институции, их отношения для обеспечения жизнедеятельности общества и каждого его*

индивида, регулируемые соответствующими институтами в виде формальных и неформальных норм и правил.

На марксистском подходе основана другая структуризация базисной экономической системы. Например, в работе [164] она определяется «тремя составляющими: производительными силами; производственными отношениями; экономическим механизмом» [164, с. 77-78]. Такая структуризация некорректна, поскольку отсутствуют технико-экономические и организационно-экономические отношения, которые в совокупности с производительными силами, производственными отношениями и хозяйственным механизмом в «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного определяется как экономическая система [300, с. 444].

В работах [111; 173; 298] экономическая система определяется как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных и экономических институтов и их отношений. Следовательно, это социально-экономическая система, которую образует «целостная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных и экономических институтов, организаций и отношений по поводу распределения и потребления материальных и нематериальных ресурсов, производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг» [84, с. 9]. Эти определения следует дополнить понятием институций, которыми, согласно методологии Системы национальных счетов в редакции 2008 г. (СНС 2008), являются институциональные экономические единицы. Их образуют «физические лица или группы физических лиц в форме домашних хозяйств и юридические лица или общественные организации», которые «способны от своего имени владеть активами, принимать обязательства, участвовать в экономической деятельности и вступать в операции с другими единицами» [237, с. 67]. Именно между ними возникают социальные и экономические отношения [100]. В этом случае более уместным, чем экономическая система, будет понятие социально-экономической системы [98].

В социально-экономической системе экономические или производственные отношения, как трактуется, например, в «Современном социоэкономическом

словаре», – это «отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства, обмена, распределения и потребления материальных благ» [176, с. 405]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова этот процесс определяется как «непрерывно возобновляющийся в последовательно сменяющихся стадиях процесс общественного производства» [155]. В экономической теории – это процесс воспроизводства, который состоит из стадий производства, распределения, обмена и потребления не только материальных, но и нематериальных благ, что объективно с диалектической точки зрения. В любом случае блага, полученные в процессе их воспроизводства, являются экономическими. Существуют экономические блага промежуточного потребления, которые необходимы для производства благ конечного потребления.

Произведенные материальные экономические блага накапливаются, поскольку потребляются неполностью. Нематериальные блага, за исключением знаний, как их специфической разновидности, накопить невозможно. Это справедливо и для неэкономических материальных благ, которые не являются результатом экономической деятельности индивидов, но необходимы для ее осуществления. Например, воздух, вода в естественных водоемах, ископаемые и другие природные блага.

Отличительным признаком экономических и неэкономических (природных) благ является труд индивидов. Как правило, понятие труда связывают только с людьми. Но труд присущ и другим живым формам бытия сущего как «потребление механической и психической работы, накопленной в организме, которое имеет результатом увеличение количества превратимой энергии на земной поверхности» [165, с. 49-50]. Такое понимание труда близко по смыслу данному в «Философском словаре»: «Труд (Arbeit) – «участие, затрата, применение: индивид находит себе применение, затрачивает силу, отдает свою энергию» [285, с. 449]. В любом случае, как только труд затрачен на воспроизводство неэкономических благ, они становятся экономическими.

В реальной действительности существуют разнообразные социальные системы, где обеспечение жизнедеятельности индивидов и самой системы

достигается за счет экономических и неэкономических благ [133]. Но только в социальной системе человеческого общества возникают отношения по поводу воспроизводства экономических благ. Очевидно, *воспроизводство экономических благ является критерием социальной системы человеческого общества, отличающим его от других социальных систем живых форм бытия сущего.*

Некоторые исследователи указывают на воспроизводство неэкономических благ. Вопрос только, в какой мере и какие блага? Например, воспроизвести природные запасы угля, нефти и газа невозможно, но увеличить популяции животных можно. Очевидно, неэкономические блага, можно только распределять, обменивать и потреблять по поводу воспроизводства экономических благ. Тогда, *между всеми индивидами человеческого общества возникают социально-экономические отношения по поводу воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ.*

В «Кратком философском словаре» А.П. Алексеева указывается: «Как категория экономические производственные отношения выступают в качестве предмета экономической науки, изучающей их содержание, законы их функционирования и развития. Социологический аспект выражается в анализе производственных отношений с точки зрения их места и роли в системе общества в целом, их связи с социальной структурой, производительными силами, государством, правом, моралью и другими явлениями» [95, с. 307-308]. С этой точки зрения необходимо уточнить, чем отличаются производственные, как экономические, отношения от социальных.

Все социально-экономические отношения возникают в процессе и в сферах общественного воспроизводства [15]. Это диалектически взаимосвязанные сферы производства и потребления, которые опосредствуются сферами распределения и обмена. Диалектику отношений между производством и потреблением впервые обосновал К. Маркс. Рассматривая процесс общественного производства, он пришел к выводу, что потребление как его завершающая стадия «... создает потребность в новом производстве», является «... побуждением к производству» [117, с. 717]. Вместе с тем, потребление «... не является лишь пассивным

результатом производства и обмена; оно, в свою очередь, оказывает обратное влияние на производство и обмен» [303, с. 152]. В сфере производства в процессе осуществления экономической деятельности выпускаются экономические блага, но потребности удовлетворяются в результате потребления. Следовательно, производство экономически обеспечивает жизнедеятельность общества и каждого его индивида, а потребление играет социальную роль в этом процессе.

В «Словаре бизнес-терминов» указывается, что социальные отношения – это «отношения между социальными субъектами по поводу их равенства и социальной справедливости в распределении жизненных благ, условий становления и развития личности, удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей» [250]. Очевидно, в большей мере социальными, нежели экономическими, являются отношения, касающиеся распределения, обмена и потребления экономических и неэкономических благ. Но в совокупности с отношениями между индивидами по поводу производства экономических благ они являются социально-экономическими. Это уточняет *понятие социально-экономической системы как совокупности индивидов, связанных социально-экономическими отношениями, которые касаются воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ*. Здесь необходимо уточнить главную цель социально-экономической системы.

Главной целью социальной системы является обеспечение жизнедеятельности общества и каждого его индивида. Обеспечение жизнедеятельности предполагает не только удовлетворение потребностей общества и его индивидов в экономических и неэкономических благах, но и гарантию их безопасности, воспроизводство рабочей силы и т. п. С этой точки зрения социально-экономическая система является частью социальной системы, поскольку она обеспечивает только удовлетворение потребностей в экономических и неэкономических благах [69]. Это следует из социально-экономических отношений, возникающих в процессе общественного

воспроизводства. Следовательно, социально-экономическая система является частью социальной системы. В любом случае в них действуют одни и те же социальные и экономические законы.

В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН под законом «понимается необходимая связь (взаимосвязь, отношение) между событиями, явлениями, а также между внутренними состояниями объектов, определяющая их устойчивость, выживание, развитие, стагнацию или разрушение. В философском смысле под законом подразумевают объективные связи явлений и событий, существующие независимо от того, известны они кому-нибудь или нет». Закономерность определяется как «результат действия множества законов, один из которых выступает главным, определяющим для данного процесса; относительно устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями реальности». [141, с. 34-36].

Очевидно, для социально-экономической системы определяющим является закон роста потребностей в экономических и неэкономических благах. В «Экономической энциклопедии» С.В. Мочерного – это «закон, который выражает внутренне необходимую, существенную и устойчивую связь между прогрессом технологического способа производства, эволюцией всей системы общественных отношений и количественным ростом, качественным удовлетворением и обогащением потребностей общества, в частности развитием сущностных сил человека, индивидуальных, коллективных и общественных потребностей» [300, с. 548]. У каждого человека потребности разные в силу индивидуальных особенностей, а также диалектики отношений его материальной и нематериальной сущности. Из диалектики отношений единичного и общего это справедливо и для разных человеческих обществ. Тогда, с точки зрения диалектики, действие закона роста потребностей проявляется в количественном и качественном росте индивидуальных и общественных потребностей [19].

Количественный рост потребностей с ростом их качества связан законом перехода количества в качество. В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН переход от одного качества к другому, от одного

состояния к другому, от старого к новому определяется понятием развития. [142, с. 397]. Этому процессу закономерно прогрессивное развитие. Поэтому целесообразнее говорить не о количественном и качественном росте индивидуальных и общественных потребностей, а об их закономерном прогрессивном развитии. Таким образом, из диалектики отношений количественных и качественных потребностей и закономерности их роста следует закономерность прогрессивного развития индивидуальных и общественных потребностей. Тогда *главной целью социально-экономической системы является удовлетворение закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей за счет расширенного воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ.*

В социальной системе базисной является экономическая система, а надстроечными – политическая и культурная системы. Очевидно, это справедливо и для социально-экономической системы как части социальной системы. Здесь возникает парадокс относительности социальных систем. По определению Н. Лумана, он «состоит в том, что одна социальная система (koinonia), существующая наравне с другими, одновременно включает в себя и все остальные социальные системы» [110, с. 43].

Этот парадокс (от греч. παράδοξος – неожиданный, странный), очевидно, следует из антимонии Рассела, связанной с понятием множества. «Относительно каждого множества представляется осмысленным задать вопрос, является оно собственным элементом или нет. ... Но множество, объединяющее все множества, представляет собой множество и, значит, содержит самое себя в качестве элемента. ... В итоге множество всех множеств, не являющихся собственными элементами, есть свой элемент в том и только том случае, когда оно не является таким элементом. Полученное противоречие говорит о том, что такого множества не существует. Но если столь просто и ясно заданное множество не может существовать, то в чем различие между возможными и невозможными множествами? Наивное, или интуитивное, представление о множестве как сколь угодно обширном соединении в чем-то однородных объектов способно вести,

таким образом, к противоречию и нуждается в прояснении и уточнении» [73, с. 20]. В объективной реальности это проявляется в функциональной дифференциации системы на частные системы, функциональная продуктивность которых гораздо выше [110]. При этом возникает парадокс относительности социальных систем, когда одни подсистемы могут одновременно включать компоненты других. Тогда чем социальная система отличается от социально-экономической? Должен быть критерий, позволяющий их различать. Очевидно, что масштабы организации социальной системы не могут быть меньше масштабов социально-экономической системы. Это следует из масштабности их главных целей, где главная цель социально-экономической системы является подцелью социальной системы. То есть *основным критерием отличия социальной от социально-экономической системы является масштабность главной цели.*

Таким образом, *с институциональной и диалектической точки зрения социально-экономическая система – это совокупность базисных экономических и надстроечных политических и культурных институций, индивиды которых связаны социально-экономическими отношениями, определяемыми соответствующими институтами в виде формальных и неформальных норм и правил для удовлетворения закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей за счет расширенного воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ.* В этом проявляется институциональная и социально-экономическая сущность социальной системы, где социально-экономическая система образует ее социально-экономический базис (рисунок 1.5).

Сущность социально-экономического базиса с философской точки зрения следует из материальной и нематериальной сущности вещей, которые определяют сущность соответствующих отношений. Эти сущности взаимосвязаны диалектикой материальных и нематериальных отношений, как между индивидами, так и материальной и нематериальной сущностями каждого индивида. Такая взаимосвязь этих сущностей проявляется в диалектике отношений материальных и нематериальных потребностей индивидов. Вполне

логично, что духовное как форма проявления нематериальной сущности индивида определяет сущность его материальных отношений в социально-экономической системе. Чем ниже духовный уровень развития, тем выше материальные потребности, и наоборот. Это подтверждается негативными тенденциями движения человечества к обществу потребления [14; 74].

Таким образом, в социально-экономической системе существуют материальные и нематериальные отношения не только между индивидами для удовлетворения их закономерно развивающихся потребностей, но и отношения между материальными и нематериальными духовными потребностями каждого индивида.

Материальные и нематериальные отношения для удовлетворения закономерно развивающихся потребностей изначально возникают на стадии производства между индивидами, занятыми экономической деятельностью. Но в социально-экономической системе не все индивиды участвуют в этом процессе. Есть безработные, но трудоспособные в соответствии с законодательством индивиды. В совокупности с занятыми они являются экономически активными индивидами и образуют трудовые ресурсы социальной системы. Остальная часть индивидов относится к экономически не активным [177].

Для производства экономических благ конечного потребления необходимы экономические блага промежуточного потребления и определенные неэкономические блага. Вместе они образуют материальные и нематериальные ресурсы социально-экономической системы. В процессе производства они связаны потребительскими отношениями с экономически активными индивидами, занятыми производством в системе производительных сил, где сами индивиды связаны производственными отношениями. В любом случае эти отношения социально-экономические и они организованы самими индивидами.

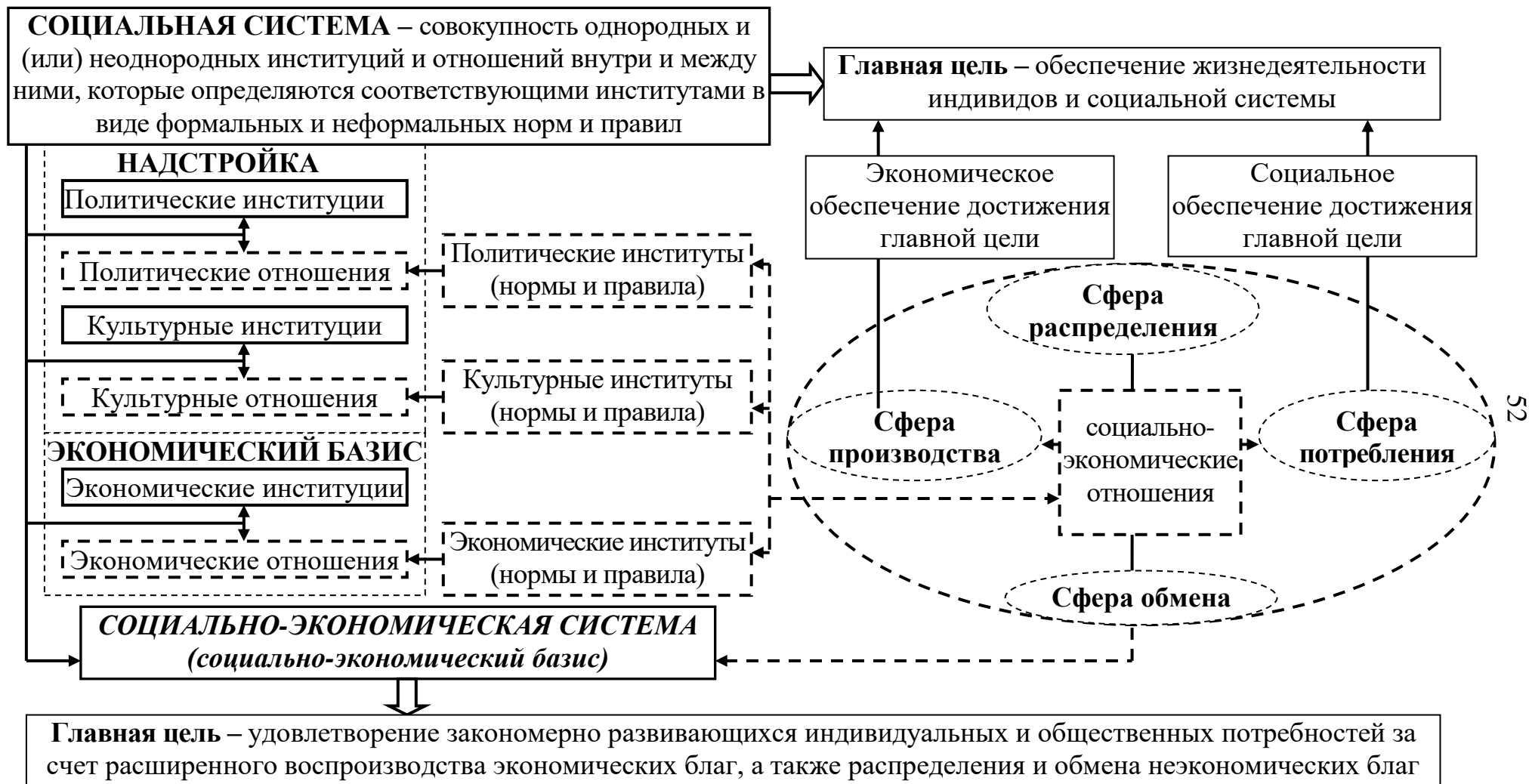

Рисунок 1.5 – Социально-экономическая и институциональная сущность социальной системы [составлено автором]

Таким образом, с философской точки зрения *вещественная сущность социально-экономической системы проявляется в организованной индивидами совокупности трудовых, материальных и нематериальных ресурсов и их социально-экономических отношений для удовлетворения закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей, возникающих в процессе расширенного воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ* (рисунок 1.6).

В социологии и политологии социальная система общества рассматривается как исторически сложившаяся на определенной территории система отношений и форм организации жизнедеятельности людей [91]. Формой организации наиболее крупных территориальных социальных систем является государство или отдельная его административно-территориальная единица. На их территории как формы организации людей осуществляют жизнедеятельность экономические, политические и культурные институты.

Экономические институты полностью участвуют в процессе воспроизводства экономических благ. Другие – только в процессе распределения, обмена и потребления. Очевидно, таковыми являются политические и культурные институты. С экономическими институтами они связаны социально-экономическими отношениями для удовлетворения закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей. Все институты осуществляют жизнедеятельность на одной территории, но формы их организации в социально-экономическую систему разные.

Вполне логично, что любая система имеет свои формы организации как «относительно автономной группы людей, ориентированная на достижение некоторой заранее фиксированной цели, реализация которой требует совместных и координированных действий» [286, с. 463]. Наиболее сложную форму организации имеет социально-экономическая макросистема государства, более простую – социально-экономическая микросистема предприятия, которые искусственно объединены по признаку однородности производства в социально-экономическую мезосистему отрасли. Они связаны главной целью социально-экономической системы государства.

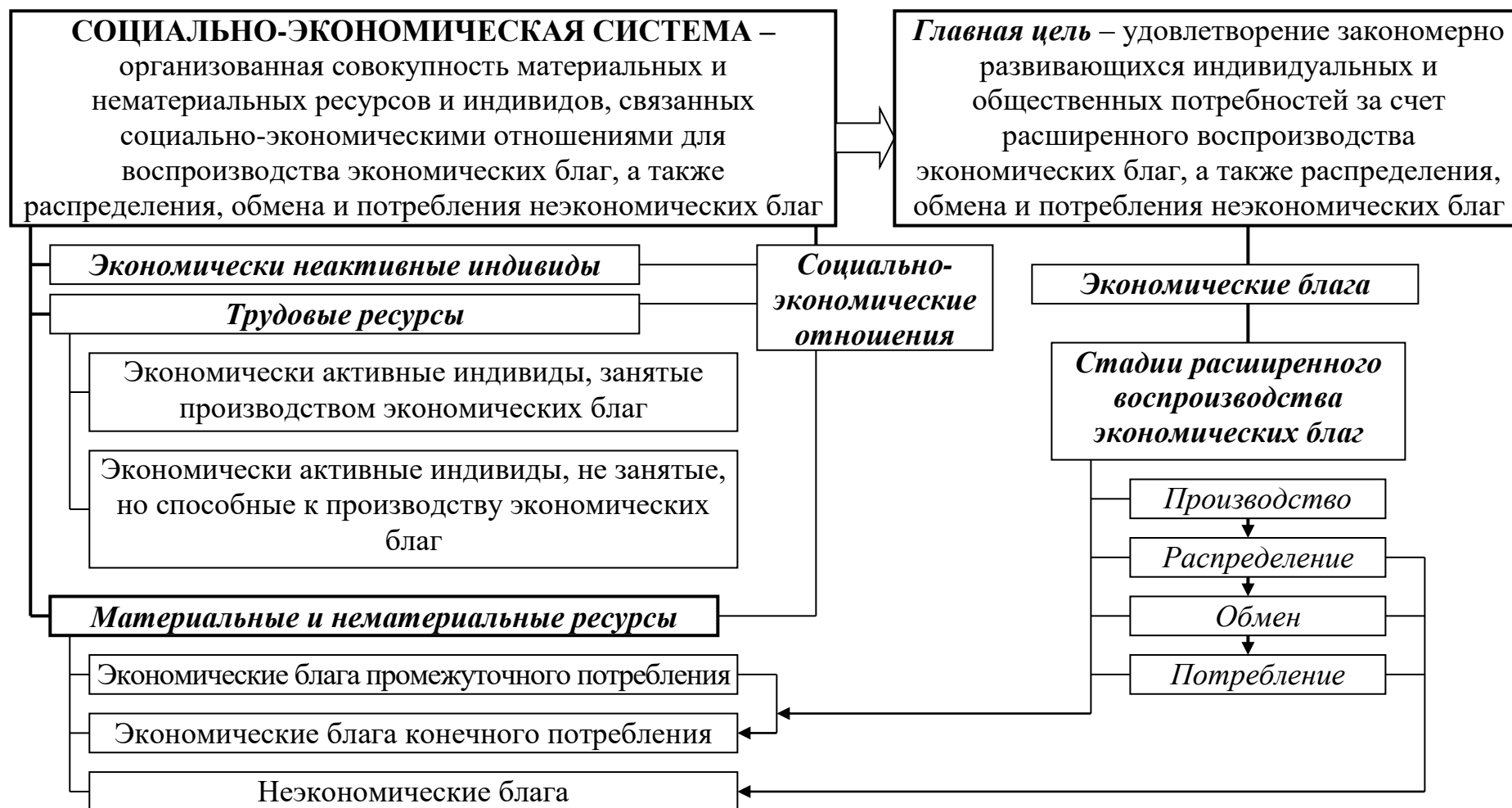

Рисунок 1.6 – Вещественная сущность социально-экономической системы [составлено автором]

Таким образом, отличительными критериями форм организации социально-экономических систем выступает единая территория, масштабы и степень участия их индивидов в процессе расширенного воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ (рисунок 1.7).

Рис. 1.7 – Критерии классификации и формы организации социально-экономической системы [составлено автором]

В любой форме организации социально-экономической системы закономерно ее развитие, а именно: ее подсистем, отношений между их индивидами и самих индивидов. Вполне логично, что из приоритетности развития подсистем следуют различные методологические подходы к определению сущности развития социально-экономической системы. Это религиозный

(теологический), природно-научный (натуралистический), культурно-исторический (в частности, цивилизационный подход), социально-экономический (формационный) и технико-технологический (представленный, в частности, в социально-институциональных теориях) подходы [280].

Наибольший интерес представляет формационный подход, изначально разработанный К. Марксом, где приоритетным является развитие базисной экономической системы, диалектически взаимосвязанной с надстроечными политической и культурной системами. Учёный рассматривал общество как экономическую систему, концептуально воплощенную в общественно-экономическую формацию. Эта система состоит из взаимосвязанных подсистем. Ее качественное состояние определяет способ производства, который характеризуется диалектикой производственных отношений и производительных сил. Производительные силы определяют содержание способа производства, а производственные отношения – его форму. Как всякая форма, производственные отношения отстают от развития содержания – производительных сил. В результате возникает основное экономическое противоречие, которое является причиной смены одной формации как исторического типа производственных отношений другой [120]. Таким образом, сущность развития экономической системы проявляется в развитии противоречия между характером производственных отношений и уровнем развития производительных сил общества.

Следует отметить, что в научной литературе существуют споры по поводу классификации, эволюционности и революционности смены формаций и прогрессивности развития общества. С точки зрения диалектики, которая составляет методическую основу формационного подхода, прогрессивное развитие человеческого общества является закономерным. Эта закономерность является результатом действия множества социальных и экономических законов, где главным выступает закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Из этого следует противоречие в отношениях наемных работников с собственниками средств производства по поводу распределения добавленной стоимости.

Наряду с этим законом, объективно действует закон циклического развития. Он проявляется в экономических циклах разной продолжительности: длинные (волны) (48-55 лет), длительные (18-25 лет), средние (7-11 лет). Кроме них, различают общий технологический цикл продолжительностью 160 лет и короткие экономические циклы (3-4 года) [300, с. 572]. Вместе с обострением противоречий в отношениях наемных работников с собственниками средств производства по поводу распределения чистой добавленной стоимости это объясняет случаи регрессивного развития и состояние стагнации экономической системы.

Прогрессивное развитие экономической системы проявляется в количественном и качественном росте производства экономических благ. Но этот рост может быть разным. В научной литературе существует понятие экономического роста, например, в неоклассических и неокейнсианских концепциях [51]. Также существует понятие экономического развития, например, в теории экономического развития Й.А. Шумпетера [296]. Отдельно от него рассматривается понятие развития экономики. Например, в работе [114, с. 20] делается вывод, что «экономическое развитие – это процесс структурных изменений, который чаще всего определяется ростом доходов на душу населения. ... С точки зрения системного подхода развитие экономики представляет собой глубокое качественное изменение ее состава, связей (т.е. в целом структуры и функционирования)».

В «Экономической энциклопедии» С.В. Мочерного понятия экономического роста, экономического развития и развития экономики определены следующим образом: «Экономический рост – 1) рост экономического могущества страны, увеличение объемов общественного производства и расширение возможностей экономики удовлетворять растущие потребности населения в товарах и услугах; 2) критерий экономического развития» [300, с. 454]. «Развитие экономики – закономерный процесс количественно-качественных изменений в рамках экономической системы, ее переход в новое качество, более совершенную форму. Развитие экономическое – это необратимые, закономерные изменения технологического способа производства. В отличие от

развития экономики, для экономического роста такие признаки не характерны, поскольку он может прерываться экономическим спадом. ... Экономический рост без учета его обратимого характера является составляющей развития экономического, последовательно накапливает для него изменения, что обуславливает появление существенных преобразований. Экономическое развитие, не зависимо от определенного типа экономической системы, охватывает закономерные изменения тех элементов системы, которые являются общими для всех общественно-экономических формаций» [302, с. 283].

Вполне логично, что сущность всех «общественно-экономических формаций» определяет собственность как «исторически определенная форма присвоения материальных благ» [242, с. 123]. «Несмотря на все их отличия между собой, есть что-то общее между ними, что их объединяет как формы собственности. Это общее в исторически определенных формах собственности составляет сущность собственности и определяет ее как экономическую категорию» [70, с. 13]. Но собственность – это и «...социологическая категория, содержащая ряд подсистем общественных отношений» (экономических, социальных, правовых, психологических, национальных и т. п.), которые прямо и косвенно касаются присвоения предметов природы в процессе труда и присвоения материальных и духовных благ через социально-экономическую форму общественного способа производства» [300, с. 237].

В «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного содержание категории собственности определяет экономическая собственность как «система производственных отношений между людьми (классами, социальными прослойками, группами, отдельными индивидами и т. п.) по поводу присвоения объектов собственности (средств производства, предметов потребления, услуг, рабочей силы, патентов и т. п.) во всех сферах общественного воспроизводства» [300, с. 239]. Именно экономическая собственность в диалектическом единстве с производительными силами формирует общественный способ производства, а его развитие происходит в результате социализации отношений экономической собственности и развития производительных сил.

С этой точки зрения в работе [19, с. 80] выделены три взаимосвязанные стадии прогрессивного развития макросистемы: экономический рост, экономическое развитие и развитие экономики. Очевидно, это различные формы проявления сущности прогрессивного развития экономической системы. В работе [18, с. 150-152] уточнено, что научно-технический прогресс выступает критерием отличия интенсивного от экстенсивного экономического роста, обусловленного увеличением производственного капитала и занятых в экономике. Развитие технологического способа производства является критерием экономического развития, а развитие отношений экономической собственности – критерием развития экономики. Но такой подход не раскрывает сущность социального развития, связанного с ростом потребления экономических благ, что обусловлено определенными факторами потребления.

Прогрессивное развитие социально-экономической системы проявляется не только в количественном и качественном росте факторов производства, развития технологического способа производства или отношений экономической собственности, но и развитием факторов потребления. Согласно кейнсианской теории основными количественными факторами потребления являются доходы и сбережения общества и его индивидов. К качественным, например, относят образование, питание, здравоохранение, масштабы нищеты, окружающую среду, личную свободу и т.д. [266]. Факторы потребления определяют «качество жизни», улучшение которого в 1991 г. Всемирный банк определил как главную цель развития человечества. Считается, что побудительной силой ее достижения являются потребности, которые проявляются в соответствующих интересах.

Сегодня признано, что на развитие социально-экономической системы влияет качество окружающей среды. Согласно результатам моделирования Дж. Форрестера и группы Д. Медоуза, во взаимосвязи друг с другом находятся численность населения, объем промышленного производства, дефицит продуктов питания, истощение ресурсов и загрязнение окружающей среды [48]. Их рост при отсутствии социально-политических и технико-экономических изменений грозит человечеству глобальной катастрофой [128; 288]. Поэтому с понятием развития связывают не только социальную и экономическую, но и экологическую

составляющую этого процесса [174]. Тем не менее, экология – это качественный фактор социального развития, поскольку определяет не только качество потребляемых товаров и услуг, но и таких жизненно необходимых природных ресурсов, как воздух и вода.

Считается, что побудительной силой развития социальной системы являются потребности, которые проявляются в соответствующих интересах. Например, «в социальной философии сегодня общепризнанно, что стимулом общественных отношений (как и отношений биологического уровня) выступают совершенно определенные и конкретные потребности. Действительно, в основе всякого социального интереса можно без труда обнаружить неудовлетворенную объективную потребность» [79, с. 51]. «Интерес есть проявление потребности при наличии общественного отношения между носителем и предметом потребности» [24, с. 15]. То есть *интерес – это мотивированная потребность*. Тогда побудительной силой прогрессивного развития социально-экономической системы являются закономерно развивающиеся индивидуальные и общественные интересы индивидов в экономических и неэкономических благах [77]. Это проявляется в количественном и качественном росте их потребления.

В научной литературе утверждается, что побудительной силой социальных отношений являются потребности, которые проявляются в социальном интересе. Например, «В социальной философии сегодня общепризнанно, что стимулом общественных отношений (как и отношений биологического уровня) выступают совершенно определенные и конкретные потребности. Действительно, в основе всякого социального интереса можно без труда обнаружить неудовлетворенную объективную потребность» [79, с. 51]. Действительно, потребности связаны с интересами как философские категории «сущность» и «явление». «Интерес есть проявление потребности при наличии общественного отношения между носителем и предметом потребности» [24, с. 15]. Поскольку общественные отношения развиваются в процессе развития социально-экономической системы, то можно утверждать, что закономерно развивающиеся потребности являются побудительной силой ее развития.

Потребности развиваются в процессе количественного и качественного

роста потребления экономических благ. Если главной целью социально-экономической системы является удовлетворение закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей, то такие виды роста потребления являются социальными критериями прогрессивного развития. Тогда определенные в работе [19, с. 80] критерии экономического роста, экономического развития и развития экономики выступают экономическими критериями прогрессивного развития. С этой точки зрения целесообразнее использовать понятия социально-экономического роста, социально-экономического развития и развития социально-экономической системы как исторически последовательных форм ее прогрессивного развития (рисунок 1.8).

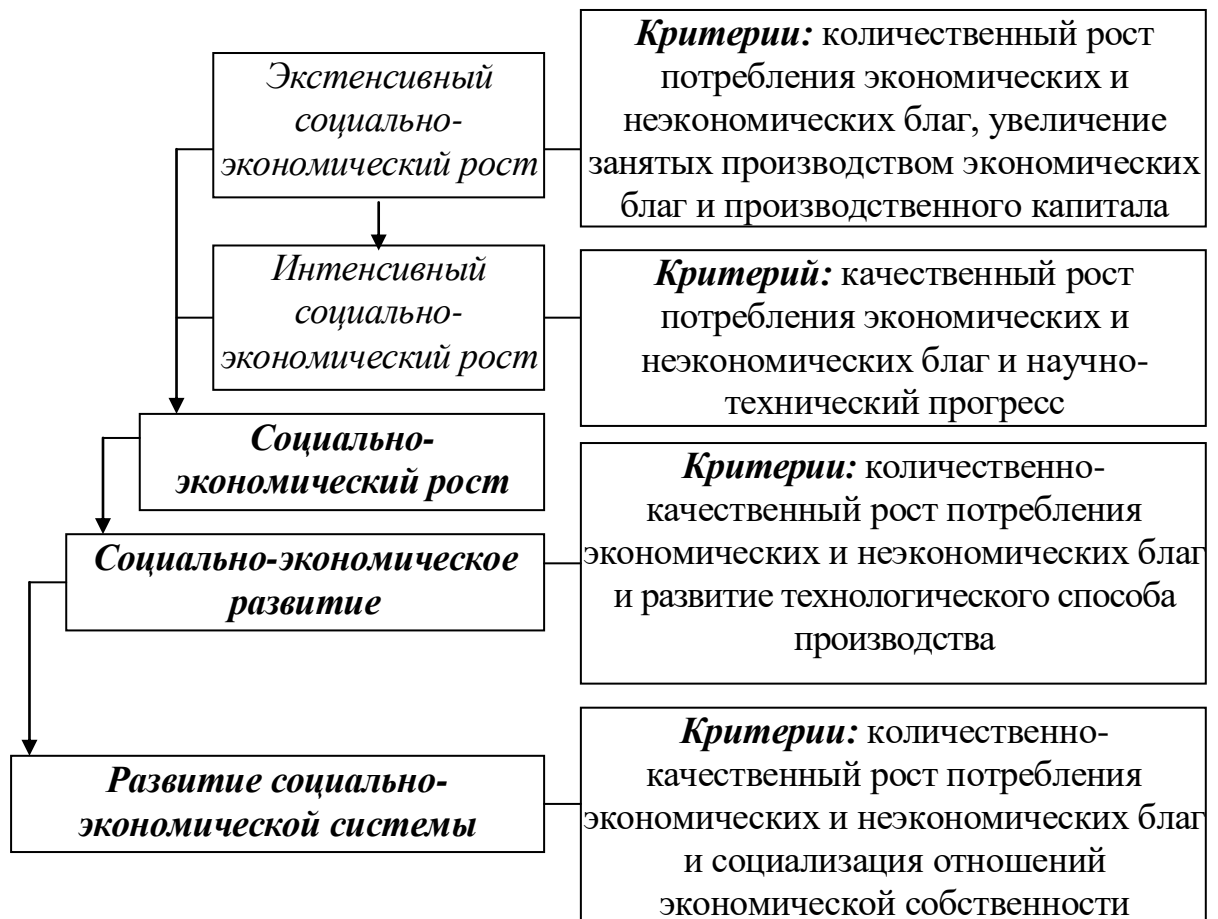

Рисунок 1.8 – Критерии и формы прогрессивного развития социально-экономической системы [составлено автором]

Формы прогрессивного развития имеют экономическую и социальную составляющую, где существует множество вариантов оптимального сочетания

факторов развития в экономической и социальной сфере, способствующих достижению главной цели социально-экономической системы, что невозможно без адекватной системы управления. Отсюда возникает необходимость уточнения понятий управления, механизма и системы управления.

1.3. Онтологическая основа понятий управления, механизма и системы управления

В теории управления организационными системами «управление – это воздействие на управляемую систему с целью обеспечения требуемого ее поведения» [148, с. 11]. В Экономической энциклопедии под ред. С.В. Мочерного – это «влияние на процесс, объект или систему для сохранения их устойчивости или перевода из одного состояния в другое соответственно определенной цели» [302, с. 731]. В любом случае системы, субъекты и объекты управления бывают разной природы и сложности, а их состояния разными.

В «Большом энциклопедическом словаре» под ред. А.М. Прохорова управление – это «элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ» [31; 704]. Очевидно, в этом случае управление связывается с рефлексией. Тогда как быть с управлением на инстинктивном уровне, например, в групповых объединениях животных одного вида? Тем более с техническими системами, посредством которых осуществляется управление явлениями в реальной действительности.

В «Философском энциклопедическом словаре» под ред. Е.Ф. Губского сущность понятия «функция» определяется как обязанность, круг деятельности [287]. В Большом энциклопедическом словаре под ред. А.М. Прохорова функция – это «деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-

либо объекта в данной системе отношений» [31]. Поэтому управление часто определяется как вид деятельности индивидов, направленный «на выработку решений, организацию, контроль, регулирование объекта управления в соответствии с заданной целью, анализ и подведение итогов на основе достоверной информации» [138, с. 3]. Сущность функции управления проявляются только в отношениях субъекта и объекта управления. Эти отношения определяются целью субъекта управления.

С появлением кибернетики управление стали называть «организацией целенаправленных действий» [45, с. 24], где «организация рассматривается как комплекс взаимосвязанных элементов» в «единую организационную систему» [45, с. 185]. В теории систем системными свойствами выступают целостность, множество элементов, их относительная самостоятельность, наличие управления и единство главной цели для них, наличие структуры, структурных связей и иерархичности [181]. В результате под управлением стал пониматься процесс целенаправленного организованного воздействия субъекта управления на объект управления [46; 177].

Нетрудно заметить, что ключевыми терминами в понятии «управление» выступают «субъект управления», «цель», «объект управления», «воздействие», «функция», «процесс», «система» и «организация». Здесь возникает вопрос, что является субъектом и объектом управления в социальной системе? Очевидно, их логическая взаимосвязь исходит из цели субъекта управления. Определять цель управления, и, следовательно, быть субъектом управления могут только определенные живые формы бытия сущего. В животном мире – это социальные животные, в человеческом обществе – это индивиды. Их цель управления определяется из главной цели живых форм проявления бытия сущего, которым для обеспечения жизнедеятельности необходимы вещи с определенными свойствами и отношения с вещами и между вещами. Поскольку свойства вещей определяют свойства отношений, то *целью индивидов как субъектов управления является получение вещей и их отношений с определенными свойствами.*

Субъект и объект являются парными категориями диалектики. В «Большом

энциклопедическом словаре» под ред. С.Ю. Солодовникова – это «фундаментальные категории философии. Субъект – носитель субстанциальных свойств и характеристик, определяющих качественные особенности объекта. Соответственно объект – то, что находится в зависимости от субъекта и лишено самостоятельной сущности» [32, с. 807]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой субстанция – это «в философии: первооснова, сущность всех вещей и явлений» [154]. Тогда и объект является носителем «субстанциальных свойств и характеристик», как свойств проявления его сущности.

Субъекту управления необходимы вещи с определенными свойствами. Свойства могут быть разными и могут проявляться в зависимости от условий, в которых находятся вещи. Этими условиями определяются отношения между вещами и с ними. Чтобы получить вещи с необходимыми свойствами, субъект управления целенаправленно воздействует не только на вещи, но и на их отношения и отношения с ними. Воздействие может быть разным, что зависит от отношений субъекта управления с вещами. Очевидно, чтобы получить вещи с необходимыми свойствами, субъекту управления необходимо воздействовать и на эти отношения. В любом случае происходит изменение свойств вещей, их отношений и отношений с субъектом управления.

Вещи и отношения с определенными свойствами – это статические проявления бытия сущего, а изменение свойств вещей и отношений – это динамические проявления его сущности. Поэтому *объектом управления выступают не только свойства вещей и их отношений, в том числе и с субъектом управления, но и изменение их свойств в результате целенаправленного воздействия субъекта управления на объект управления.*

С точки зрения философских оснований науки субъект и объект управления являются проявлениями бытия сущего как части целого. В «Философской энциклопедии» под ред. Ф.В. Константинова «расположение, соотношение частей какого-либо целого, его строение, взаимосвязь» определяется как организация. Ее сущность «раскрывается через ее целостность, а становление, развитие и

деградация целостности обеспечиваются, прежде всего, различными типами связей, в особенности же – связями управления, переводящими организацию из одного состояния в другое. Сообразно этому в организации выделяют две стороны – управленческую и исполнительскую» [283, с. 160]. Следовательно, воздействие субъекта на объект управления является организованными.

Нематериальную сущность индивидов как субъектов управления составляет сознание. Согласно Кембриджской декларации о сознании, принятой в 2012 г. видными учеными в области нейрофизиологии, нейроанатомии и нейрофармакологии, в определенной мере сознание присутствует и у отдельных животных. Его свойства проявляются преимущественно в инстинктивной форме у животных, а у людей – преимущественно в рефлексивной форме. Следовательно, определение цели субъектами управления и, соответственно, управление могут быть как инстинктивными, так и рефлексивными.

В теории управления существует понятие функции управления как вида управленческой деятельности, характеризующейся обособленным комплексом задач и выполняемой специальными приемами и способами [184; 268]. Очевидно критерием такой обособленности является её однородность. Традиционно общими функциями управления определяются планирование, организация, мотивация и контроль [30; 148; 149; 226; 268]. Функции управления определяются субъектом управления в процессе воздействия на объект управления. Они могут определяться как инстинктивно, так и рефлексивно. Таким образом, *сущность управления проявляется в организовано-функциональном процессе инстинктивного и (или) рефлексивного воздействия субъекта управления на объект управления с целью получения необходимых его свойств и свойств отношений с ним.*

Но все ли вещи, отношения и изменение их свойств являются объектами управления? В традиционном понимании управления техническими системами они выступают объектом управления. Но любая техническая система только способствует изменению свойств других вещей и отношений. Если автомобиль – это техническая система, то при помощи него можно управлять процессом

перемещения вещи в пространстве, то есть изменять свойства ее отношений с другими вещами (ближе или дальше). В человеческих социальных системах объектом управления традиционно являются индивиды и их отношения. Но для получения необходимых их свойств могут использоваться другие индивиды и их отношения, которые в свою очередь могут быть как субъектами, так и объектами управления.

Этот парадокс, когда один субъект или объект управления существует наравне с другими и одновременно включает в себя остальные субъекты и объекты управления, следует из парадокса относительности социальных систем. В любом случае объект и субъект управления взаимосвязаны. В кибернетике – прямой и обратной связью. Вопрос – посредством чего? Очевидно, некоторого устройства, как части системы управления, обеспечивающая взаимосвязь между субъектом и объектом управления. Следует отметить, что в относительно простых технических системах механизмы являются их составными частями, но они не являются механизмами управления. Например, автомобиль – техническая система, состоящая из механизмов (двигателя, коробки передач, ходовой части, тормозного механизма и т.д.).

Понятие механизма управления появляется в сложных системах с участием человека и технической системы, где существует цель. Например, субъекту управления необходимо переместиться в пространстве. В этом случае объектом управления выступает изменение отношений субъекта управления с пространством или, если проще, перемещение в пространстве. Для этого он может использовать различные механизмы (автомобиль, самолет и пр.), воздействуя на которые субъект управления перемещается в пространстве.

Некоторые исследователи под механизмом управления понимают «порядок действий при осуществлении выбора управляющих воздействий на объект управления, обеспечивающих достижение поставленных целей управления» [61, с. 166]. В «Экономической энциклопедии» под ред. С.В. Мочерного «механизм – это «система, устройство, способ, которые определяют порядок определенного вида деятельности» [301, с. 355]. Но «порядок действий» – это алгоритм

управления. Механизм управления иногда рассматривают в виде процесса [177; 278] или в виде его характеристик: «под механизмом в экономике целесообразно понимать характеристики процесса: способы, методы, нормы, средства, формы функционирования чего-либо или воздействия на что-либо, а не совокупность ресурсов или состояний объекта» [49, с. 20]. Но механизм – это структурный элемент системы управления, который обеспечивает процесс управления, где характеристиками являются его свойства, определяемые параметрами управления.

В работе [61, с. 164] утверждается, что «в настоящее время отсутствует единый подход к определению понятия «механизм управления», но в классических учебниках по менеджменту под механизмом управления понимают «совокупность средств и методов управления». Наряду с ними часто упоминаются понятия способа и инструмента. В научной литературе, несмотря на различие в терминах, понятия способа, метода, инструмента и средства попарно отождествляются, что приводит к двусмысленности их толкования. Например, в учебнике по менеджменту [76, с. 20] «методы и средства управления – совокупность приемов и способов воздействия на управляемый объект, обеспечивающих достижение поставленных целей или решение определенных, конкретно сформулированных задач». В работе [134, с. 71] «методы – это способы реализации функций системы», а «инструменты – средства реализации методов». Наверное, чтобы определить содержание механизма управления, прежде всего, следует решить проблему адекватности дефиниций понятий «способ», «метод», «инструмент» и «средства». Для этого необходимо установить отличия между ними.

Попытки установить отличия метода от способа с помощью других понятий приводят к еще большей смысловой путанице. Например, в «Толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова метод – это «путь, способ, прием теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь», а способ толкуется как «тот или иной порядок, образ действий, метод в исполнении какой-нибудь работы, в достижении какой-нибудь цели» [279]. Здесь в качестве

отличительных признаков используются понятия «путь» и «прием», «порядок» и «образ действий» соответственно. При этом порядок трактуется как «способ, метод, путь в осуществлении чего-нибудь». То есть возникает другая двусмысленность.

В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой значение слова «метод» не приводится, но появляется термин «средство» при толковании слова «способ». Оно имеет два значения: «1) Образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-л. 2) Возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо» [63]. Здесь способ отождествляется не только с методом, но и со средством. Тогда метод – это тоже средство.

В «Толкователе слов и идиоматических выражений» В.П. Галкина метод – это «способ исследования явлений, осознанный планомерный путь познания и создания информационных блоков; вообще – прием, способ или образ». При этом утверждается, что толкование способа не всегда встречается в словарях, «в то же время это понятие, через которое, как это ни странно, выражаются наиболее базовые понятия самой философии: движение, форма» [42]. Действительно, в «Новейшем философском словаре» под ред. А.А. Грицанова значение понятия «способ» не определено, а «метод» определяется как «способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом» [144, с. 628].

В «Толкователе слов и идиоматических выражений» В.П. Галкина «способ – неразрывная, однозначно заданная последовательность превращений и взаимодействий вещей, ведущая к достижению поставленной цели. Отметим, что способ существует там, где есть цель, т.е. только в обществе. Способ – необходимая и достаточная для существования вещи совокупность событий и свойств мира. Наше определение: способ – совокупность условий существования вещи» [42]. Такие условия наблюдаются в природе, например, в виде способа соединения химических элементов, определяющих материальную сущность вещи. Но может ли цель быть таким условием? Очевидно, что целью обладают только

существа живой природы

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой способ не отождествляется с методом, но отмечается несколько иная некорректность. В словаре метод – это «1. Способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь. ... 2. Способ действовать, поступать каким-нибудь образом, прием (в 3 знач.)», а способ – это «действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь» [154]. Здесь же действие – это «1. Проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь. ... 2. Результат проявления деятельности чего-нибудь, влияние, воздействие. ... 3. Поступки, поведение». Вполне логично, что метод, как и способ, – это результат проявления деятельности, но это не действие, в результате которого они реализуются.

В этом же «Толковом словаре» существует отождествление способа, средства и инструмента: средство – это «1. Прием, способ действия для достижения чего-нибудь. ... 2. Орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности». Инструмент – это «средство, способ, применяемый для достижения чего-нибудь» [154]. Аналогичная двусмысленность существует и в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой: инструмент – это «средство, применяемое для достижения или осуществления чего-либо», а средство «1) Прием, способ действия для осуществления, достижения чего-либо; 2) а) То, что служит какой-либо цели, необходимо для достижения, осуществления чего-либо; б) Орудие, устройство, приспособление и т. п. или совокупность их, необходимые для осуществления какой-либо деятельности» [63]. Но «орудие, устройство и приспособление» и есть инструменты.

Подобные определения встречаются практически во всех словарях русского языка. В результате возникают неясности, подобные следующим: «метод есть способ, а способ есть метод»; «инструмент, есть способ, а способ есть инструмент», «средство есть инструмент, а инструмент есть средство» и т.д.

Чтобы их устранить, необходимо определить критерии отличия и установить взаимосвязь между этими понятиями. Только после этого можно уточнить их дефиницию. Для решения этой проблемы необходимо определить методические и теоретические основания исследования (методологические основания).

В процессе рационального познания реальной действительности понятия формируются путем суждений и умозаключений. В их основе лежат другие фундаментальные понятия. Это философские категории, поскольку философия – это «особая форма общественного сознания и познания мира, вырабатывающая систему знаний об основаниях и фундаментальных принципах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни» [143, с. 195]. Поэтому общенаучную проблему адекватности понятий необходимо решать философскими и общенаучными методами познания, используя философские категории. Методические основания исследования составляет логическая совокупность понятий и методов познания. Они опираются на формы рационального познания, как результат логических процедур вывода понятий, суждений и умозаключений. В их основе лежат категории философии.

Философские категории являются результатом метафизического познания, например, «бытие», «сущее». Взаимосвязь между ними устанавливается через парные категории, которые используются в диалектическом методе познания, например, «единичное» и «общее», «явление» и «сущность», «форма» и «содержание», «причина» и «следствие». Чтобы решить проблему двусмысленности в дефиниции понятий способа, метода инструмента и средства необходимы философские методы познания – метафизический и диалектический. Поскольку эта проблема общенаучная, то следует использовать общенаучные теоретические методы познания. В совокупности они являются методической основой логических процедур вывода понятий.

Любое понятие высказывается в форме утверждения, объясняющего или раскрывающего его значение. «В первом случае речь идет о реальной дефиниции, во втором – о номинальной дефиниции. Однако путь к первой лежит только через

вторую. Дать дефиницию (определение) значит установить содержание понятия (часто для этого требуется указать его ближайший род и специфические отличия), тем самым сделав его ясным для понимания» [92, с. 149]. Для определения специфических отличий, взаимосвязи и дефиниции понятий «метод», «способ», «инструмент» и «средство» используются методологические основания исследования. Чтобы определить родовой признак понятий, следует обратиться к этимологии этих слов.

В разных языках существует множество аналогов, значения которых могут отличаться в зависимости от смысла высказывания. В данном случае вполне логично с точки зрения исторического подхода обратиться к происхождению этих слов в русском языке. В этимологических словарях русского языка Н.М. Шанского и А.К. Шапошникова указывается, что слово «метод» «заимствовано в XVIII в. из французского языка, где *methode (methodus)* – «прием, способ, метод», восходящего к греческому *methodos* «путь, способ» (*meta* «пере» и *hodos* «дорога, способ»)» [305]. Слово «способ» – это «производное от *пособъ* – «помощь» «пособие», «подмога» [305; 307]. Отсюда вполне логично, что метод способствует чему-нибудь, но обратное высказывание построить невозможно. Поэтому с точки зрения парных категорий философии «единичное» и «общее» способ – это более общее понятие.

Наиболее общее значение понятия «способ» есть в «Толкователе слов и идиоматических выражений» В.П. Галкина – это «совокупность условий существования вещи», где под условием понимается «совокупность отношений, состояний и других вещей» [42]. В «Философском энциклопедическом словаре» условие – это «то, от чего зависит нечто другое (обуславливаемое); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления» [286, с. 707]. Очевидно, что способ – это не вещь, а условие, которое не может иметь материальной сущности. Тем не менее, вполне логично, что существование вещи определяется некими «условиями». Все вещи прямо или косвенно связаны между собой определенными отношениями. Без них нет «взаимозависимости» и

«взаимодействия». Следовательно, отношения являются условием, определяющим существование вещей. Тогда понятие способа следует рассматривать с точки зрения «совокупности отношений» как условия существования вещи.

Что касается состояния, то в «Толкователе слов и идиоматических выражений» В.П. Галкина – это «существующее положение вещей и отношений между ними» [42]. Но понятие «положение» не определено. В «Философском энциклопедическом словаре» понятие «состояние» определяется как «категория научного познания, характеризующая способность движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями» [286, с. 627]. Но понятие «способность» не определено.

Значение слова «способность» определяется в толковых словарях русского языка. Его, как правило, связывают с возможностью или умением человека что-то делать [63; 154; 279]. Но способность «что-то делать» есть у животных и неживых вещей при определенных условиях, как совокупности отношений. То есть способности определяются свойствами вещей и их отношениями. Вполне логично, что свойства отношений определяются свойствами вещей. Тогда условие – это не «совокупность состояний вещи», а «существенный компонент» реальной действительности, определяемый совокупностью отношений и свойств вещей.

В реальной действительности наличие отношений является необходимым условием организации совокупности вещей. В «Философском энциклопедическом словаре» под организацией как структурным явлением понимается «внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействий более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленная его строением» [286, с. 463]. Очевидно, что организация совокупности вещей возможна, если свойства вещей «упорядочены» и «согласованы» определенными отношениями. Это является достаточным условием организации такой совокупности. Тогда *способ – это организованная в реальной действительности совокупность свойств вещей и отношений с ними.*

В справочной литературе по философии прямо или косвенно указываются критерии отличия метода от способа. Например, в «Новейшем философском словаре» А.А. Грицанова метод – это «способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом» [144]. Здесь критериями отличия выступает цель, человек и его деятельность. Цель, в отличие от неживых форм, имеют все живые формы сущего. Эта цель может задаваться инстинктивно как животными, так и человеком, а его теоретическая деятельность – это процесс рефлексивного познания реальной действительности. Практическая деятельность в ней может осуществляться инстинктивно или являться процессом реализации результата рефлексивного познания.

В «Трактате об усовершенствовании разума» Б. Спинозы рефлексивное познание (*cognitio reflexiva*) есть не что иное, как метод [253, с. 286]. В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН «метод – это теория, учение – в широком смысле сознательный способ достижения какого-либо результата, осуществления определенной деятельности, решения некоторых задач» [242, с. 551]. Но теория или учение – это результат рефлексивного познания, где метод – это рефлексивный способ, которым он достигается. Следовательно, рефлексию целесообразно рассматривать в качестве обобщающего критерия, который позволяет различать метод и способ. Тогда *метод – это рефлексивно организованная живыми формами бытия сущего, обладающих сознанием, совокупность свойств вещей и отношений с ними, которая способствует достижению цели.*

Следует отметить, что организованная совокупность отношений и свойств вещей существует в неживых и живых формах бытия сущего. В неживых формах это проявляется в виде различных соединений материй, например, химических элементов. В живых формах – в виде соединения их материальной и нематериальной сущности, которая проявляется в форме сознания. Его свойства проявляются в виде инстинкта и рефлексии. Тогда наряду с рефлексивным

познанием как методом достижения цели существует инстинктивный способ ее достижения, но это метод. *Инстинктивный способ – это инстинктивно организованная живыми формами бытия сущего, обладающими сознанием, совокупность свойств вещей и отношений с ними, которая способствует достижению цели.*

Инстинктивный способ и «рефлексивный» метод не вызывают сами по себе изменение свойств веществ и их отношений, что является результатом деятельности живых форм в реальной действительности. Необходимо что-то еще, при помощи чего они могут быть реализованы. В «Этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского указано, что «то, с помощью чего готовят, делают что-либо», понимается как инструмент [305]. В аналогичном словаре А.К. Шапошникова указывается, что инструмент – это «орудие для производства каких-либо работ», которое изначально произошло «от латинского *instrumentum* «орудие строительства, обработки, оружие» [306, с. 355-256]. Очевидно, инструмент помогает реализовать инстинктивный способ и метод достижения цели и всегда имеет целевое назначение.

С философской точки зрения целевое назначение инстинктивного способа и «рефлексивного» метода определяется сознанием. Поэтому вполне логично, что сознание считается инструментом. Например, сознание – это «синергетический инструмент» [89]. Также сознание – «это не «отражение действительности», а высшая когнитивная способность, инструмент познания и жизнедеятельности (наряду с восприятием, мышлением, и т.д.)» [129, с. 522]. Но сознание присуще не только человеку, им обладают и отдельные животные.

Здесь необходимо отметить, что животные тоже в определенной мере познают реальную действительность. В практической деятельности отдельные животные могут использовать некоторые вещи в качестве инструментов. В любом случае они делают это инстинктивно. Тем не менее, среди ученых существуют утверждения о зачатках рефлексивного сознания у некоторых наиболее развитых животных, но они спорные. Поэтому по отношению к животным более корректно применять понятия инстинктивного сознания и инстинктивного способа.

Сознание – инструмент нематериальный. В случае живых форм рефлексивное сознание является рациональным инструментом, а инстинктивное сознание – иррациональным инструментом познания и практической деятельности в реальной действительности. В любом случае сознание вместе с отношениями являются формами проявления нематериальной сущности инструмента, используемого живыми формами бытия сущего. Материальная сущность инструмента проявляется в форме вещей, целенаправленно используемых для реализации инстинктивного способа или рефлексивного метода. Здесь необходимо отметить, что отдельные структурные компоненты материальной сущности живых форм (органы чувств, опорно-двигательной системы и т. п.) выступают инструментами чувственного познания и их практической деятельности.

При помощи этих инструментов создаются другие инструменты в теоретической и практической деятельности, но только при помощи сознания создаются методы, которые способствуют достижению осознанной цели. Таким образом, *инструмент – это целенаправленно организованные живыми формами бытия сущего, обладающими сознанием, вещи, отношения и их свойства, используемые для реализации инстинктивного способа и (или) метода как результата рефлексии.*

В толковых словарях понятие инструмента связывают с понятием средства, которым выступает способ достижения цели [63; 154]. В «Этимологическом словаре русского языка» А.К. Шапошникова указывается, что слово «средство» в значении «посредство» употребляется в русском языке с XI–XVII вв. как «прием, способ действия для достижения чего-либо» [307, с. 372]. Но способ не имеет материальной сущности, а средства могут быть материальными. В «Философской энциклопедии» под ред. Ф.В. Константинова средство – это «центральное звено в структуре осмысленной, полагающей и реализующей определенную цель человеческой деятельности. Предметы или действия, с которыми человек имеет дело как со средствами, объективно» [283, с. 551]. Очевидно, материальными «предметами» выступают инструменты. Следовательно, способ и инструмент

выступают средством «достижения чего-либо». Тогда *средство* – это *целенаправленно организованная живыми формами бытия сущего, обладающими сознанием, совокупность инструментов, инстинктивного способа (и) или метода.*

В структурно-логической взаимосвязи категорий философии и общенаучных понятий способ как проявление свойств бытия сущего – это фундаментальное понятие, имеющие априорное значение. Оно служит основой формирования понятий инстинктивного способа и метода. Поэтому способ целесообразно рассматривать как философскую категорию. С точки зрения парных категорий философии «единичное» и «общее» метод и инстинктивный способ как формы проявления способа в живой форме бытия сущего – это общенаучные понятия. С понятием инструмента они связаны как парные категории «причина» и «следствие». Следовательно, понятие инструмента является общенаучным. Их совокупность образует общенаучное понятие «средство». В совокупности эти понятия логически взаимосвязаны (рисунке 1.9).

Философское и общенаучное содержание понятий метода, инструмента и средства позволяет адекватно рассматривать механизм как средство управления. Механизм – это обезличенное понятие. Есть субъект, который посредством механизма управляет объектом. С этой точки зрения механизм управления – это средство труда субъекта управления. Понятие средства труда определяет К. Маркс: «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет» [121, с. 190]. Но средством управления являются не только вещи, но и отношения, которые в совокупности способствуют достижению цели. Тогда *механизм управления* – это *организованно-функциональная совокупность целенаправленных инстинктивных способов и (или) методов как рефлексивных способов и инструментов их реализации.*

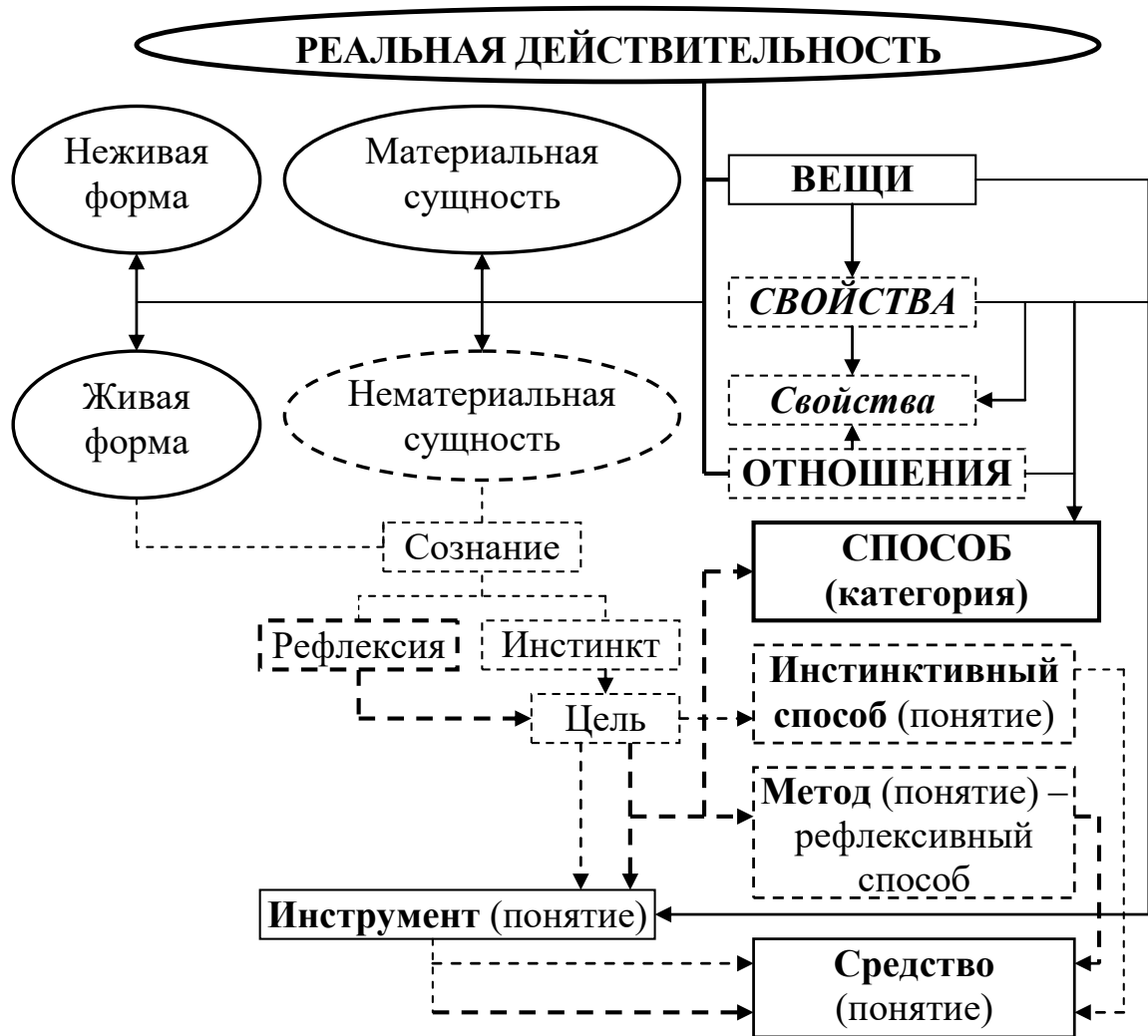

Рисунок 1.9 – Структурно-логическая взаимосвязь категории «способ» и понятий «метод», «инструмент» и «средство» [составлено автором]

Существует определенное множество средств управления, но необходимые выбираются субъектом управления индивидуально. В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН «индивидуальность – неповторимое своеобразие какого-либо явления, отдельного существа, человека. В самом общем плане индивидуальность есть особенное, характеризующее данную единичность в ее качествах» [141, с. 102]. То есть выбор средств управления зависит от свойств субъекта управления как вещи бытия сущего.

Очевидно, что относительно управления индивидуальные свойства субъекта управления определяются знанием теории управления и его

мировоззрением. В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН это соответствует понятию принципа: «1) исходное, не требующее доказательств положение теории (то же, что аксиома или постулат); 2) внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения (то же, что максима или заповедь)» [142, с. 346].

На основе принципов организуется система управления, которая логически включает связанные целью управления субъект, объект и механизм управления [46]. В работе [149] подобная структура определяется как логическая, наравне с которой существует временная структура. Она определяется фазами процесса управления, а именно фазами: проектирования, реализации и рефлексии, где реализуются функции управления. Очевидно, их взаимосвязь и логическая последовательность определяет «временную структуру управления» как логическую структуру процесса управления.

Функций управления несколько [137]. Следовательно, и средств управления столько же. Тогда механизм управления включает механизмы планирования, организации, мотивации и контроля. Эти функциональные механизмы взаимосвязаны процессом управления и определяются на основе принципов субъекта управления как формы проявления его свойств [125]. На основе этих принципов организуются отношения между субъектом и объектом управления. Поскольку эти отношения являются организованными и целевыми, то *сущность системы управления определяют принципиально организованные субъектом управления отношения с объектом управления посредством функционально-целевого механизма управления, образованные инстинктивными способами и (или) методами как рефлексивными способами и инструментами их реализации для достижения целей управления*. Это определяет структуру системы управления как логической организации отношений субъекта и объекта управления посредством функционально-целевого механизма управления социальной системой (рисунок 1.10).

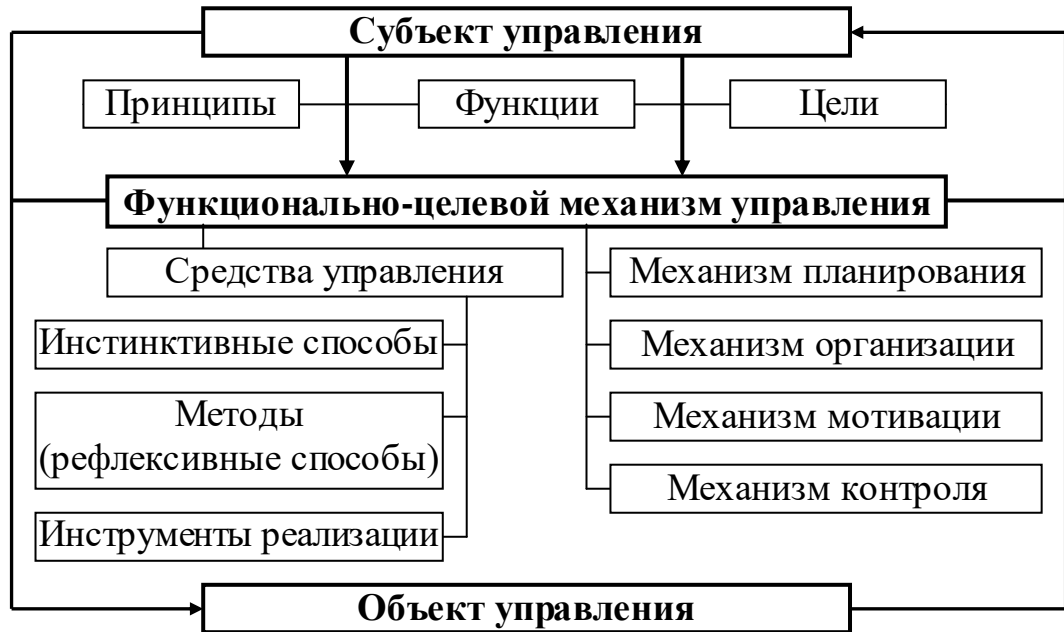

Рисунок 1.10. Организация структуры системы управления социальной системой [составлено автором]

Выводы к главе 1

Содержание методологической науки целесообразно рассматривать, исходя из взаимосвязи нормативной и дескриптивной методологии. Их сущность определяют методы познания и признанные теоретические знания соответственно. Это позволяет различать методические и теоретические основания науки, которые изначально дают философские знания. В их основе лежат категории и положения философии. В совокупности они выступают философскими основаниями науки о реальной действительности. Вместе с признанными научными теориями о реальной действительности, образующими научную картину мира, они являются теоретическими основаниями науки. Методические основания науки составляют философские, теоретические и эмпирические методы исследования. Философские основания науки о реальной действительности в совокупности с методическими основаниями формируют

общенаучные основания методологии исследования.

Философскими основаниями данного исследования являются следующие тезисы. 1. Реальная действительность определяется диалектически связанными парными категориями «бытие» и «сущее», где формы проявления бытия сущего могут быть статическими, а процессы их изменения во времени – динамическими явлениями. 2. Материальную сущность форм проявления бытия сущего составляют вещи, а нематериальную – отношения между ними и их свойства, которые определяют диалектически связанные с ними свойства отношений. 3. Материальная сущность вещей проявляется в неживой и живой форме бытия сущего (животные и люди), целью которых является обеспечение собственной жизнедеятельности. 4. Нематериальная сущность живых форм проявляется в сознании, свойства которого выражаются в рациональной форме в виде рефлексии, продуцирующей рациональные формы познания реальной действительности, и в иррациональной форме в виде инстинкта, который ее не объясняет. 5. Живые формы бытия сущего индивидуальны, но только те, которые обладают сознанием, являются социальными индивидами. 6. Результат рефлексии проявляется в форме рефлексивного изменения свойств вещей и их отношений в практической и теоретической деятельности живых форм бытия сущего. 7. Изначально результатом рефлексии выступают суждения и умозаключения, конкретизируемые в виде категорий, понятий, где отличительными признаками выступают общие и частные материальные и нематериальные свойства проявлений бытия сущего.

Теоретическим основанием данного исследования выступают базовые понятия и положения неоклассической, институциональной теории и классической политической экономии, где объектом исследований выступают, в основном, экономические явления реальной действительности. Для социально-экономических исследований целесообразна интеграция в методологию экономической науки фундаментальных понятий и положений теории систем, науки управления и других социальных наук.

Теоретические основания методологии социально-экономических

исследований базируются на понятии системы как комплекса элементов и их отношений. Они связаны определенной совокупностью свойств. Различать системы позволяет критерий однородности свойств элементов и их отношений, где однородная система – это комплекс однородных элементов, связанных соответствующими отношениями. Комплекс неоднородных по отношению к ним других элементов и их отношений образуют другую однородную систему, которая неоднородна по отношению к другим однородным системам. Свойства неоднородных подсистем, их однородных элементов и отношений обеспечивают «интегративную целостность» системы.

Системы могут быть искусственными и естественными и отличаться по степени сложности (простые и сложные). Сложными являются системы, где присутствуют неживые и живые формы бытия сущего. Это определяет главное интегративное свойство таких систем – наличие целей. Главной среди них является обеспечение жизнедеятельности живых форм.

Социальную систему образуют живые формы бытия сущего, которые в той или иной мере обладают сознанием, и необходимые им для обеспечения жизнедеятельности другие его формы. Ее образует комплекс неоднородных между собой искусственных и естественных систем, элементы которых комплексно связаны неоднородными отношениями для обеспечения жизнедеятельности этих форм бытия сущего и самой системы. Наиболее сложной является социальная система человеческого общества, которой, в отличие от других социальных систем, свойственно воспроизводство экономических благ. В любом случае в социальных системах существуют отношения для распределения, обмена и потребления неэкономических благ, которые не производятся, но существуют в реальной действительности.

В зависимости от выполняемых индивидами функций структуру социальной системы человеческого общества образуют экономическая, политическая и культурная функциональные системы. Они являются диалектически взаимосвязанными формами проявления сущности социальной системы, где элементы ее функциональных систем взаимосвязаны однородными и

неоднородными отношениями для обеспечения жизнедеятельности индивидов и самой социальной системы.

Базисную экономическую и надстроечные политическую и культурную системы образуют соответствующие социальные институты. Таковыми являются отдельные индивиды или их экономические, политические и культурные организации. Они связаны социально-экономическими отношениями для удовлетворения закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей. Это достигается в процессе воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ, где социально-экономические отношения регулируются соответствующими социальными институтами в виде формальных и неформальных норм и правил, которые определяют их содержание. В этом заключается институциональная и социально-экономическая сущность социальной системы. Она проявляется в форме социально-экономической системы.

В социально-экономической системе действуют объективные экономические и социальные законы. Определяющим для ее развития является закон роста потребностей в экономических и неэкономических благах. Он проявляется в количественном и качественном росте индивидуальных и общественных потребностей. Это обуславливает закономерность их прогрессивного развития, закономерность расширенного воспроизводства и главную цель социально-экономической системы – удовлетворение закономерно развивающихся потребностей, которая выступает составной частью главной цели социальной системы. Масштабность цели является критерием ее отличия от социально-экономической системы.

Вещная сущность социально-экономической системы следует из материальной и нематериальной сущности вещей и их отношений. Она проявляется в организованной индивидами совокупности трудовых, материальных и нематериальных ресурсов и их социально-экономических отношений, возникающих в процессе воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ

Отличительными критериями форм организации социально-экономических систем выступают единая территория, масштабы и степень участия их индивидов в процессе расширенного воспроизводства экономических благ. Начальной формой организации выступает социально-экономическая микросистема предприятия. Их организованная по однородному признаку производства совокупность формирует отраслевую социально-экономическую мезосистему. Организованная неоднородная совокупность отраслей образует социально-экономическую макросистему государства.

Объективно социально-экономической макросистеме в долгосрочном периоде закономерны исторически последовательные формы прогрессивного развития. Таковыми являются социально-экономический рост, социально-экономическое развитие и развитие социально-экономической системы. Экономическими критериями этих форм являются: увеличение занятых производством, производственного капитала и НТП; развитие технологического способа производства и социализация отношений экономической собственности соответственно. Социальными критериями выступают количественный и качественный рост потребления экономических благ. Эти процессы являются частично управляемыми в силу действия объективных социально-экономических законов.

Понятие управления применительно только к социальной системе, главная цель которой детерминирует главную цель системы управления. Определять ее могут только социальные животные, обладающие в той или иной мере сознанием, и человеческие индивиды, которым для обеспечения жизнедеятельности необходимы вещи и отношения, в том числе и с вещами, обладающими определенными свойствами. Чтобы их получить, необходимо изменить свойства вещей и отношений. Отсюда объектом управления выступают не только вещи и отношения, но и изменение их свойств в результате целенаправленного воздействия субъекта управления на них.

Управление может быть инстинктивным и (или) рефлексивным как результат рефлексии сознательных живых форм бытия сущего, которое

организовано и функционально. Это определяет сущность понятия управления, которая проявляется в организованно-функциональном процессе инстинктивного или рефлексивного воздействия субъекта управления на объект управления с целью получения вещей и отношений с необходимыми свойствами.

В теории менеджмента функциями управления традиционно выступают планирование, организация, мотивация и контроль. Вместе с субъектом и объектом управления они являются частью системы управления. Она включает и механизм управления, поскольку внесистемным он быть не может. Механизм управления является средством труда субъекта управления, посредством которого он осуществляет функциональное воздействие на объект управления. Функции управления обуславливают наличие соответствующих функциональных механизмов управления, посредством которых они реализуются. То есть механизм – это средство управления.

Сущность понятия средства управления определяется понятиями способа, метода и инструмента. Как философская категория способ – это организованная в реальной действительности совокупность свойств вещей и отношений с ними. Наличие цели, инстинкта и рефлексии в живых формах сущего конкретизирует общенаучные понятия инстинктивного способа и метода как рефлексивного способа. Их реализация с помощью вещей, отношений, инстинкта и сознания определяет общенаучное понятие инструмента. Его синтез с понятиями инстинктивного способа и метода образуют общенаучное понятие средства.

Механизм управления как средство управления образует организованно-функциональную совокупность целенаправленных инстинктивных и (или) рефлексивных способов (методов) и инструментов их реализации. Принципиально организованные субъектом управления отношения с объектом управления посредством функционально-целевых механизмов управления определяет содержание системы управления. На этой основе требуется уточнить сущность регулирования и определить цель и объект регулирования.

Полученные научные результаты опубликованы в работах [202; 206; 213; 214; 216; 220; 221; 223].

ГЛАВА 2. РЕГУЛИРУЕМЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ

2.1. Регулирование в управлении, объективное и субъективное саморегулирование социальных систем

В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН управление – это «функция организованных систем, возникших естественным (эволюционным) или искусственным (креационным) путем. Различают управление в биологических, социальных, экономических, политических, технических, кибернетических и других системах» [143, с. 144]. Управление может быть разным. Например, определяются «три вида управления в обществе: политическое, экономическое и социальное» [302, с. 731]. В любом случае с точки зрения науки управления и диалектики в любой системе управления есть надстроечная управляющая и базисная управляемая системы, которые образуют индивиды и их отношения между собой и с другими вещами социальной системы. То есть это тоже социальные системы. В силу парадокса относительности социальных систем в этих системах также могут быть управляемая и управляющая системы.

Управляющая система становится управляемой в случае внешнего вмешательства в функции управления других индивидов. Внутреннее управление без внешнего вмешательства часто отождествляется с самоуправлением, например, в работе [328]. Но такое возможно только в закрытых системах. В социальных системах такое вмешательство в той или иной мере существует объективно, но в какой мере самоуправление независимо от него? В науке и практике управления целесообразность невмешательства в самоуправление обосновывается явлением саморегулирования социальных систем [58; 107].

Очевидно, что субъектом управления выступает индивид или группа

индивидов, образующих управляющую систему, которая реализует воздействие на управляемую систему посредством определенных правил. В работе [269] саморегулирование связывается с реализацией таких норм права, которые позволяют избегать излишнего вмешательства субъекта управления в процесс управления социальной системой. Тогда такое саморегулирование является субъективным и является частью регулирования в этом процессе. Тем не менее, независимо от индивидов как субъектов управления в реальной действительности объективно существует явление саморегулирования естественных систем. В социальных системах, например, – рыночное саморегулирование [47; 99; 108]. Но каким образом осуществляется объективное и субъективное саморегулирование и как они соотносятся с системой управления социальной системой?

Объективное саморегулирование свойственно всем естественным системам реальной действительности [161], но является ли это частью самоуправления и может ли понятие управления применяться ко всем естественным системам реальной действительности. С философской точки зрения под реальной действительностью, например, в «Философском энциклопедическом словаре» под редакцией Е.Ф. Губского, понимается «в метафизическом смысле бытие того сущего, к которому приложим предикат «действительный», т.е. действительное бытие сущего» [287]. Бытие сущего проявляется в виде вещей и их отношений, где формы их организации в виде системы управления в силу парадокса относительности могут выступать как субъектом, так и объектом управления. Как утверждается в работе [112], это является признаком самоуправления. Тогда реальная действительность является самоуправляемой системой. Но так ли это?

В силу парадокса относительности «самоуправление, как и управление, может идентифицироваться относительно не только управляемых объектов, но и управляющих субъектов в их системной иерархии. Очевидно, что самоуправляемая система есть там, где имеется не только объект, которым надо управлять, но собственный субъект управления, выступающий таковым лишь применительно к данному объекту. Этим, однако, не исключается то, что вся данная самоуправляемая система может в то же время представлять собой в своей

целостности объект управления для более высокого уровня иерархии» [130, с. 539]. Поскольку социальная система является частью реальной действительности, то она выступает объектом управления. Тогда, в силу иерархичности, реальная действительность как бытие сущего является субъектом управления. Здесь возникает алогичность, поскольку управление предусматривает реализацию функций управления [104]. Но может ли реальная действительность, например, планировать?

В научной литературе управление часто рассматривают как целенаправленное регулирование деятельности [245] или как «цивилизованный и рациональный способ регуляции действий и взаимодействий людей» [270, с. 61]. Таким образом, управление отождествляется с регулированием. Здесь следует отметить, что как управление, так и регулирование своей деятельности свойственно и другим живым формам бытия сущего, обладающим в той или иной мере сознанием. С философской точки зрения «сущность управления проявляется в организованно-функциональном процессе инстинктивного или (и) рефлексивного воздействия субъекта управления на объект управления с целью получения вещей и отношений с необходимыми свойствами» (п. 1.3). Очевидно, что управлять системой реальной действительности сознательные формы бытия сущего могут лишь частично. Тем не менее, все изменения в ней целенаправленны. То есть в системе реальной действительности существует явление саморегулирования.

В «Большом экономическом словаре» под редакцией А.Н. Азрилиян регулирование определяется как «функция управления, обеспечивающая функционирование управляемых процессов в рамках заданных параметров» [30]. Иногда управление рассматривается, например, как способ «регуляции человеческих действий и взаимодействий, удерживая их в пределах управляемости» [270, с. 181], где регулирование – это «вид управленческой деятельности, направленный на устранение отклонений» [270, с. 61]. Но традиционно общими функциями и видами управления являются планирование, организация, мотивация и контроль [6]. Именно они определяют сущность

явления управления.

В работе [65; 135] регулирование определяется как частный случай управления. В «Социологическом энциклопедическом словаре» под редакцией Г.В. Осипова регулирование рассматривается как «форма целенаправленного управляющего воздействия» [251, с. 296]. Но в любом случае регулированию присущи функции управления, направленные на «поддержание определенного параметра регулируемой системы более или менее постоянным» [65, с. 114]. Или, как трактуется в «Социологическом энциклопедическом словаре» под редакцией Г.В. Осипова, – «на поддержание равновесия в управляемом объекте» [251, с. 296]. Его состояние характеризуется определенными параметрами управления. Если их значения постоянны, то они характеризуют равновесное состояние объекта управления. Тогда *регулирование является частью процесса управления, а поддержание равновесного состояния объекта управления – его целью.*

Вполне логично, что поддержание равновесного состояния свойственно и процессу саморегулирования естественных систем, и самой реальной действительности как системной организации различных форм бытия сущего системы, где саморегулируемость – это их объективное системное свойство [71]. Как правило, например, в «Большом экономическом словаре» под редакцией А.Н. Азрилиян, под саморегулированием понимается «способность системы самостоятельно, без воздействия извне, реагировать на внешние воздействия, нарушающие ее нормальное функционирование. Саморегулирование достигается с помощью обратной связи и осуществляется в форме самонастройки и самоорганизации» [30; 265], очевидно, посредством соответствующего механизма саморегулирования [5].

Механизм саморегулирования присущ и социальным системам, но является ли он частью механизма управления? Механизм управления, как с философской точки зрения аргументируется в работе (п. 1.1), образуют средства управления, где средства регулирования являются их частью (п. 1.1). Он не воздействует на объект управления, как, например, утверждается в работе [16, с. 58]: «постоянно

поступающая информация ориентирует управляющую подсистему на приведение в действие присутствующих в самоуправляемой системе механизмов, которые воздействуют на ее компоненты, координируя и упорядочивая их функционирование, а также регулируют взаимодействие управляемой системы с внешней средой». Механизм управления – это средство управления как организованная совокупность функциональных методов и инструментов их реализации, направленных на достижение цели, где механизм регулирования является его частью (п. 1.3). Очевидно, это применимо и к понятию механизма самоуправления и регулирования. В любом случае все механизмы являются целевыми, но сущность механизма саморегулирования требует уточнения.

Вполне логично, что цели управления, самоуправления, регулирования и саморегулирования характеризуются определенными параметрами, то есть это целевые параметры. Здесь возникают вопросы. В каком случае регулирование является частью процесса управления, а саморегулирование – процесса самоуправления? Применимы ли понятия управления и самоуправления к системе реальной действительности как системной организации вещей и их отношений? В чем состоит сущность ее саморегулирования? С точки зрения методологии исследования ответить на эти вопросы можно только на основе философских и общенаучных методов познания.

В реальной действительности существуют организованные отношения живых и неживых форм бытия сущего. Сущность живых форм проявляется в материальной и нематериальной форме в виде сознания, которое может быть как инстинктивным, так и рефлексивным (п. 1.1). Эти формы проявления свойств сознания взаимосвязаны, а индивиды, обладающие им, по однородному признаку образуют социальные системы различной сложности в зависимости от уровня сознания. В любом случае они в той или иной мере управляют не только своей, но и материальной и нематериальной сущностью других индивидов. Это изначально определяет различие между понятиями самоуправления и управления в социальной системе, где самоуправление является частью процесса управления социальной системой.

С точки зрения науки управление не может быть бесцельным. Существует ли цель у бытия сущего как у субъекта управления? С точки зрения теории систем, да. Поскольку любой естественной системе свойственно самосохранение целостности путем поддержания равновесия между ее структурными элементами, то это и является целью бытия сущего. Но наличие цели – необходимое условие определения понятия управления. Достаточным условием является наличие функций планирования, организации, мотивации и контроля. Если нет хотя бы одной из этих функций, тогда некорректным становится применение понятий управления и самоуправления к системе реальной действительности. Очевидно, в этом случае применимо только понятие саморегулирования, поскольку эта система в силу парадокса относительности социальных систем может выступать как объектом, так и субъектом регулирования.

Поскольку реальная действительность является саморегулируемой системой, то, с философской точки зрения, бытие сущего выступает и субъектом, и объектом регулирования. Здесь возникает иррациональность в понимании сущности бытия сущего как субъекта регулирования. Возможно, наиболее точно его определяет категория теологии «Бог». Существуют различные попытки трактовать его содержание, но в общем, как указывается в «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН, под Богом понимается «Высшее Существо, создающее и устрояющее мир, дающее вещам, существам и лицам их бытие, меру, назначение и закон» [140, с. 283]. Но в науке нет понятия «Высшее Существо», а в теологии понимание Бога всегда связано с его проявлениями. С философской точки зрения, если рассматривать Бога как бытие сущего, то он проявляется в вещах и их отношениях, которые подчинены объективным законам их системной организации, действуют независимо от сознания его живых форм. В результате возникают закономерности во всех и между всеми формами системной организации бытия сущего.

В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН под объективным законом понимается «необходимая связь (взаимосвязь, отношение) между событиями, явлениями, а также между внутренними состояниями

объектов, определяющая их устойчивость, выживание, развитие, стагнацию или разрушение». В этом смысле «имеют в виду объективные связи явлений и событий, существующие независимо от того, известны они кому-нибудь или нет» [141, с. 34-35]. Под закономерностью понимаются «относительно устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями и объектами реальности, обнаруживающиеся в процессах изменения и развития [141, с. 38]. Аналогичные определения в той или иной форме существуют в любой справочной литературе по философии. Они определяются как существенная, необходимая, повторяющаяся, устойчивая, взаимозависимая и тому подобная связь. Но в чем тогда отличие между понятиями объективного закона и закономерности?

С философской точки зрения, как указывается в «Философском энциклопедическом словаре» под редакцией И.Г. Ильичева, «в мире существуют только вещи, их свойства и отношения, которые находятся в бесконечных связях с другими вещами и свойствами», где «категория отношение тесно связана с понятием закона» [286, с. 470]. Но с отношениями также связано понятие закономерности. Если отношения «относительно устойчивые и регулярные», то они закономерные. Эти свойства отношений определяются закономерными свойствами вещей (п. 1.1). Организованная совокупность свойств вещей и отношений характеризуется категорией «способ» (п. 1.3). Тогда *закономерность является объективным системным свойством и закономерным способом организации совокупности закономерных свойств вещей и их отношений в реальной действительности.*

Очевидно, закономерность не является результатом инстинктивных или рефлексивных действий живых форм бытия сущего, обладающих сознанием, то есть закономерность объектива и реализуется бытием сущего посредством объективных законов. В результате возникают закономерные отношения между различными формами его проявления. С философской точки зрения, то, посредством чего реализуется способ, является инструментом (п. 1.3). Тогда *объективный закон целесообразно рассматривать как инструмент организации закономерностей в отношениях между различными формами бытия сущего.*

В реальной действительности в силу многообразия системных организаций различных форм бытия сущего действует множество объективных материальных и нематериальных законов. Примером объективных материальных законов являются законы физики, например, закон всемирного тяготения. Примером объективных нематериальных законов могут служить объективные социальные законы. В «Социологическом энциклопедическом словаре» под редакцией И.Г. Осипова – это «законы, определяющие возникновение, функционирование и развитие социальных систем, выражающие существенные повторяющиеся необходимые отношения и взаимосвязи между социальными субъектами, явлениями и процессами» [251, с. 85]. Далее под объективным законом понимается «необходимая, существенная, постоянно повторяющаяся взаимосвязь явлений реального мира, определяющая этапы и формы процесса становления, развития явлений природы, общества и духовной культуры» [251, с. 296].

Объективные законы действуют во всех системных организациях форм бытия сущего, в том числе и в социальных системах. Кроме них существуют и субъективные социальные законы. Как результат рефлексии они являются инструментами управления социальной системой, в них, как в форме, раскрывается содержание методов рефлексивного управления. Объективные законы обуславливают циклическую закономерность обострения и разрешения объективно существующих социальных противоречий независимо от сознания и воли индивидов. Отсюда вполне логично, что существует объективное саморегулирование, субъективное регулирование и субъективное саморегулирование как следствие действия субъективных законов, устанавливаемых субъектами управления. Следовательно, субъективное саморегулирование является частью процесса регулирования, который, в свою очередь, является частью процесса управления социальной системой (п. 2.1).

Главной целью любых социальных систем является обеспечение собственной жизнедеятельности и жизнедеятельности их индивидов. Она достигается не только в процессе саморегулирования реальной действительности, которое существует независимо от сознания живых форм бытия сущего, но и в

результате их инстинктивного и (или) рефлексивного изменения свойств вещей и их отношений. Такой процесс является управляемым, а *понятия управления и самоуправления применимы только к социальным системам как системным организациям сознательных форм бытия сущего.*

В системе реальной действительности обеспечение жизнедеятельности живых форм бытия сущего осуществляется путем саморегулирования отклонений от состояния равновесия. Социальные системы являются естественной частью системы реальной действительности. Поэтому им также свойственно саморегулирование таких отклонений. Поскольку социальные системы являются управляемыми, а регулирование – частью процесса управления, то им свойственны все эти явления, в том числе и явление самоуправления.

Очевидно, с точки зрения категорий диалектики в реальной действительности следует различать объективные и вызванные действиями индивидов социальных систем субъективные отклонения от состояния равновесия. Их вызывают множество факторов. Одни отклонения закономерны, другие могут быть случайными (например, цикличность развития и катаклизмы), или искусственными (вызванными деятельностью человека в силу его экономических, политических и культурных принципов управления). Эти отклонения диалектически взаимосвязаны. Они едины, поскольку социальная система – это часть системы реальной действительности.

Субъективные отклонения вызывают объективные отклонения как результат саморегулирования системы реальной действительности. Между ними объективно существуют противоречия. Они могут быть такими, что существующие системы разрушаются и возникают качественно новые системы или, как крайний случай, новая реальная действительность. В любом случае их устранение направлено на сохранение равновесия между структурными элементами естественных систем.

Поскольку в реальной действительности существуют объективные и субъективные отклонения от состояния равновесия, то существует объективное и субъективное их саморегулирование. В любом случае оно осуществляется

посредством определенного механизма, который поддерживает равновесие системы в пределах допустимых отклонений. В реальной действительности любой механизм – это совокупность способов организации свойств вещей и отношений и инструментов их реализации (п. 1.1). Очевидно, такая организация может быть объективной, не зависящей от сознания индивидов, и субъективной. То есть *существуют объективные и субъективные способы и инструменты, которые образуют соответствующие механизмы организации совокупности свойств вещей и отношений в реальной действительности.*

Организация совокупности свойств вещей и отношений осуществляется по определенным правилам. В «Толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова правило – это «положение, выражающее закономерность, постоянные соотношения в чем-нибудь» [279, с. 511]. Если правило узаконено, то это становится нормой, как «узаконенное установление» [279, с. 364]. То есть с диалектической точки зрения норма является формой реализации правила, определяющего его содержание. Очевидно, способ – это правило организации совокупности свойств вещей и отношений, а инструмент – это форма его реализации. Тогда *объективные способы – это закономерности организации совокупности свойств вещей и их отношений, а объективные инструменты – это объективные законы, посредством которых они организуются в реальной действительности.*

По аналогии с объективными инструментами можно утверждать, что субъективными инструментами выступают субъективные законы, с помощью которых в процессе управления социальной системой реализуются инстинктивные и (или) рефлексивные способы (методы) (п. 1.1). Как субъективные правила, эти способы реализуются посредством субъективных инструментов в виде соответствующих норм. В любой социальной системе существуют неформальные правила и нормы, но только в человеческом обществе они формализуются посредством законодательства. *Формальные и неформальные инстинктивные и рефлексивные способы (методы) и инструменты их реализации образуют механизм управления социальной системой, частью которого является*

механизм регулирования.

Субъективные и объективные способы и инструменты диалектически взаимосвязаны. Они неразрывны, поскольку социальная система является частью системы реальной действительности, где их единство обусловлено единой целью регулирования – сохранением равновесного состояния системы. Между ними существует противоречие, поскольку индивиды для обеспечения своей жизнедеятельности изменяют свойства вещей и отношений. Это противоречие обостряется, если в механизме управления субъективные способы и субъективные инструменты их реализации субъектами управления противоречат закономерностям и объективным законам реальной действительности. Если нет, тогда социальная система становится субъективно саморегулируемой, но частично, поскольку регулирование является частью процесса управления. В этом случае субъективные способы и субъективные инструменты образуют механизм субъективного саморегулирования, который является частью механизма регулирования (рисунок 2.1).

Управление и саморегулирование осуществляются посредством соответствующих механизмов, как совокупности способов и инструментов их реализации. Вполне очевидно, что управление субъективно. Оно может осуществляться инстинктивными способами, но является преимущественно рефлексивным. Следовательно, управление, регулирование и субъективное саморегулирование осуществляется посредством методов как рефлексивных способов и инструментов соответствующего функционально-целевого механизма управления, включающего механизмы планирования, мотивации, организации и контроля (п. 1.3). Поскольку самоуправление и регулирование является частью процесса управления, то субъективное саморегулирование – это часть процесса регулирования. Оно возникает тогда, когда соответствующий механизм не требует вмешательства субъекта управления. Очевидно, это происходит тогда, когда субъективные законы механизма регулирования не противоречат объективным законам функционирования и развития социальной системы. Это обуславливает его взаимосвязь с объективным саморегулированием, механизм которого

выступает формой проявления механизма регулирования.

Рисунок 2.1 – Содержание и взаимосвязь объективного и субъективного саморегулирования социальной системы [составлено автором]

Социальную систему можно рассматривать как сложноорганизованную совокупность менее сложных социальных систем. Наименее сложными являются

домохозяйства, более сложными – организации индивидов различной целевой направленности. Очевидно, что и система управления ими имеет различный уровень сложности, но в любом случае, в силу парадокса относительности социальных систем и действия объективного закона иерархичности, система управления менее сложных социальных систем в той или иной мере подчинена системе управления более сложных социальных систем. Таким образом, *управление социальными системами объективно иерархично.*

В системе управления социальной системой любой сложности субъект и объект управления связаны посредством механизма управления прямой и обратной связью. Здесь возникает парадокс относительности социальных систем. Социальная система как естественное образование является открытой. Поскольку в ней субъект управления может выступать объектом управления, то она является самоуправляемой. Следовательно, и система управления является самоуправляемой. Однако в силу объективной иерархичности систем управления самоуправление осуществляется частично и в пределах каждой из них. В любом случае система управления является целевой. Ее главная цель определяется целью социальной системы – обеспечением жизнедеятельности индивидов и самой системы. Она достигается путем решения разнообразных целевых задач как частных целей управления.

Очевидно, частные цели управления целесообразно группировать по соответствующим подсистемам социальной системы. Это базисная экономическая и надстроечные политическая и культурная системы (п. 1.2). Отсюда следуют экономические, политические и культурные цели как частные социальные цели управления. В какой мере они достигаются, зависит от индивидов, которые как субъекты управления руководствуются определенными принципами. В «Философском словаре» под редакцией И.Т. Фролова принцип – это «первоначало, руководящая идея, основное правило поведения» [284, с. 461]. В теории менеджмента различают общие и частные принципы. Общие принципы управления отражают основные правила поведения субъектов управления,

которые следует соблюдать для более эффективного достижения цели.

Многообразие частных целей определяет частные принципы управления. Из экономических, политических и культурных целей следуют соответствующие частные принципы управления. На их основе организуется система управления, где базисную управляемую и надстроечную управляющую систему образует организованная совокупность соответствующих институций как организаций индивидов, отношения между которыми и между институциями определяются соответствующими институтами в виде формальных и неформальных методов и инструментов (п. 1.3).

Экономические, политические и культурные институции и институты образуют базисную управляемую социально-экономическую систему. В силу парадокса относительности социальных систем институции и институты политической и культурной системы выступают надстроечными управляющими системами по отношению к базисной экономической системе (рисунок 1.5). В «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного «саморегулирование предполагает наличие в экономической системе элементов, черт, свойств, признаков, которые дают возможность автоматически устанавливать и поддерживать ее функционирование и развитие» [302, с. 324]. Очевидно, саморегулирование свойственно как базисной, так и надстроечным (политической и культурной) системам.

С диалектической точки зрения базис порождает и обуславливает надстройку, которая, в свою очередь, оказывает влияние на базис [118]. В социально-экономической системе, согласно К. Марксу, базисными являются отношения собственников условий производства к наемным работникам. Именно они определяют сущность общественного способа производства [122, с. 354]. Среди них, в свою очередь, базисными выступают производственные отношения по поводу присвоения объектов собственности, где главным является собственность на средства производства. В экономической энциклопедии под редакцией С.В. Мочерного она определяется как экономическая собственность

[300, с. 237]. Следовательно, отношения экономической собственности, в конечном итоге, определяют сущность социально-экономического базиса. Он управляется надстроечной управляющей системой. Поэтому она относительно самостоятельна и оказывает властвующее влияние на социально-экономический базис.

В «Философском словаре» под редакцией И.Т. Фролова власть – это «форма социальных отношений, характеризующая способность влиять на характер и направление деятельности людей, индивидов и социальных групп, посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций и насилия. ... Наиболее важным видом власти является политическая власть, т.е. реальная способность индивида или группы проводить свою волю, определяемую в конечном счете объективными потребностями и интересами. ... Система власти основана на отношениях субординации, т.е. многоуровневого подчинения, иерархии. ... Различные виды власти (экономическая, политическая, духовная) тесно связаны друг с другом и образуют сложную структуру, а политика ... – это инструмент, особый институциональный вид власти, называемый господством» [284, с. 97]. То есть *политическая система является господствующей в иерархии надстроечных отношений с культурной системой и отношений с базисной социально-экономической системой.*

Вполне очевидно, что характер политической власти определяет диалектика отношений с другими видами власти. С экономической властью характер отношений определяется отношениями экономической собственности, где структура общественных и частных форм выступает количественной характеристикой политической власти. Ее качественный характер проявляется в культуре индивидов и системе культурных отношений в обществе, что изначально следует из диалектики отношений материальной и нематериальной сущности индивида.

В силу парадокса относительности социальных систем в надстроечной

управляющей системе существует своя система управления, где внутренним объектом управления выступает система институтов, определяющая иерархичность и функциональность отношений в управляющей системе политических и культурных институций как субъектов управления. Внешним объектом управления выступает социально-экономическая система, которую образует совокупность базисных экономических и собственных надстроечных политических и культурных институций и институтов. В свою очередь, они выступают надстроечной управляющей системой по отношению к управляемой экономической системе. Очевидно, что управляемую социально-экономическую систему образует совокупность экономических, политических и культурных институций и институтов разного уровня организации. Таким образом, в социальной системе существует многообразие взаимосвязанных управляемых и управляющих систем, которые могут быть как объектом, так и субъектом управления. В любом случае в социальной системе они подчинены господствующей системе политической власти.

С точки зрения науки управления управляющая и управляемая системы связаны между собой прямой и обратной связями посредством функционально-целевого механизма управления как средства управления с помощью соответствующих методов и инструментов планирования, организации, мотивации и контроля (п. 1.3). Из частных целей и принципов управления следует, что механизм управления социальной системой человеческого общества представляет собой организованную совокупность экономических, политических и культурных функционально-целевых механизмов. В результате *систему управления образуют иерархически взаимосвязанные посредством функционально-целевых механизмов надстроечные управляющие политические и культурные системы и базисная управляемая социально-экономическая система, где существует своя система управления, организованная аналогичным образом* (рисунок 2.2).

Рисунок 2.2 – Организационно-функциональная модель системы управления социальной системой [206, с.69]

С философской точки зрения социальная система представляет собой организованную совокупность определенных вещей и их отношений в реальной действительности (п. 1.2). Свойства вещей и отношений количественно характеризуются определенными параметрами. Например, в «Социологическом энциклопедическом словаре» под редакцией И.Г. Осипова параметр – это «величина, характеризующая какое-либо свойство устройства, процесса, вещества; то же, что показатель» [251, с. 233]. Очевидно, что состояние социальной системы определяется экономическими, политическими и культурными параметрами. Это следует из взаимосвязанных главной целью социальной системы частных целей ее системы управления. То есть – это комплекс социально-целевых параметров.

Любой комплекс параметров с диалектической точки зрения имеет качественную и количественную характеристику. Качественно он характеризуется выбором целевых параметров, а количественно – их значениями. В любом случае объективность определения социально-целевых параметров относительна, поскольку является результатом рефлексии индивидов институций управляющей системы с их субъективными представлениями о реальной действительности и объекте управления. Это отражается в принципах и целях управления, на основе которых социально-целевые параметры определяются посредством неформальных и преимущественно формальных правил и норм как методов и инструментов функционально-целевых механизмов управления (п. 1.3).

Социально-целевые параметры определяются управляющей системой. В процессе достижения их заданных значений социальная система отклоняется от состояния равновесия. Очевидно, что это состояние может поддерживаться путем объективного и субъективного саморегулирования, если величина социально-целевых параметров выходит за допустимые пределы отклонений. Если этого не происходит, в процесс поддержания равновесия социальной системы вмешивается субъект управления, который в этом случае осуществляет регулирование «в ручном режиме». Поскольку регулирование является частью процесса управления, то *функционально-целевой механизм регулирования образуют методы и*

инструменты регулирования, посредством которых поддерживается состояние равновесия социальной системы и ее подсистем в границах допустимых отклонений социально-целевых параметров.

Как любое естественное системное образование социальная система является открытой. Она существует в реальной действительности, с которой взаимосвязана социальными закономерностями как объективными способами регулирования состояния социальной системы, независимо от сознания и воли индивидов. Поскольку эти закономерности являются результатом действия объективных социальных законов, то в совокупности с ними как объективными социальными инструментами они являются средствами объективного саморегулирования, то есть механизмом объективного саморегулирования состояния равновесия социальной системы в системе реальной действительности. Вполне логично, что посредством данного механизма эти системы взаимосвязаны прямыми и обратными связями.

Если социальную систему рассматривать как совокупность экономической, политической и культурной систем [243], то в объективных социальных законах становится целесообразным выделение соответствующих групп законов. В справочной литературе, например, в «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного выделяется группа объективных экономических законов как «внутренне необходимых, устойчивых и существенных связей между противоположными сторонами, свойствами экономических явлений и процессов, элементами экономической системы» [300, с. 472].

С диалектической точки зрения объективные экономические законы являются базисными. По отношению к ним объективные политические законы выступают надстроечными. В политологии «объективные законы политики – это не модификация экономических или социальных законов, а свойственные политической сфере формы существенных связей и отношений, характеризующих как взаимодействие элементов политических систем, так и последовательность протекания политических процессов. Объективные законы политики – это исторически складывающиеся всеобщие, существенные и необходимые формы

связей, реализуемые в функционировании и развитии данной системы политических отношений и институтов и замены их другой системой». Например, легитимация власти. «Есть все основания характеризовать ее объективным законом политики» [72, с. 488-489].

Надстроечными также являются объективные законы культуры, которые рассматриваются в культурологии [103; 231]. Как и объективные политические законы, они являются проявлением нематериальной сущности индивидов. Объективные законы культуры диалектически связаны с объективными экономическими законами как проявлением материальной сущности индивидов. Например, закон культурного отставания. «По У. Огборну, – это закон, согласно которому изменения в области материальной культуры происходят более быстрыми темпами, чем в области нематериальной культуры. Нарушение равновесия в развитии культуры приводит к социальной дезорганизации, конфликтам, разрушению экологической среды и т.д.» [251, с. 83].

Поскольку регулирование является частью процесса управления, то оно осуществляется посредством субъективных методов и инструментов. Они образуют механизм регулирования как части функционально-целевого механизма управления, включающий методы и инструменты субъективного саморегулирования. В любом случае механизм управления и регулирования включает экономические, политические и культурные институты как методы и инструменты планирования, организации, мотивации и контроля. В совокупности они являются средствами регулирования и субъективного саморегулирования в механизме управления социально-экономической системой.

Целью регулирования и саморегулирования является поддержание целевого параметра в пределах допустимых отклонений. Такая цель, как указывается в «Социологическом энциклопедическом словаре» под редакцией Г.В. Осипова, достигается «посредством введения в него (прим. в управляемый объект) регуляторов (норм, правил целей, связей)» [251, с. 296]. Что касается целей и связей, то такое утверждение сомнительно, поскольку в теории управления регулятор – это управляющее устройство, которое следит и вырабатывает

управляющие сигналы для объекта управления на основе измерений его состояния посредством определенных алгоритмов управления [150].

Вполне логично, что формальные и неформальные способы (методы) и инструменты (нормы и правила) являются регуляторами, поскольку выступают средствами поддержания равновесного состояния социально-экономической системы (п. 1.3). Но с точки зрения теории управления регулятор – это управляющее устройство, которое вырабатывает управляющие сигналы для объекта управления на основе измерений его состояния посредством определенных алгоритмов управления [267]. Если состояние объекта управления не полностью измеряется, в управляющее устройство включается наблюдатель как субъект управления [150].

Относительно социальной системы внешним «субъектом управления» выступает сама реальная действительность как системная организация бытия сущего, а в социальной системе – индивиды или группа индивидов, которые как управляющие институты осуществляют функцию управления. Тогда *в совокупности с механизмами регулирования, объективного и субъективного саморегулирования система реальной действительности и управляющие институты являются регуляторами, поддерживающими в процессе управления равновесное состояние социально-экономической системы.*

В реальной действительности управление, регулирование и саморегулирование социальной системы диалектически взаимосвязаны (рисунок 2.3). Их диалектическое единство следует из целостности системы реальной действительности, где социальная система и ее подсистемы являются ее частью, но в отношениях между ними и их индивидами объективно существуют социальные противоречия. Здесь требуется уточнить сущность, виды и значимость таких противоречий для социально-экономической системы.

Рисунок 2.3 – Сущность управления, регулирования и саморегулирования состояния социальной системы [206, с.73]

2.2. Сущность, виды и значимость социальных противоречий

В реальной действительности существуют разнообразные противоречия. Это обусловлено многообразием противоположностей и их отношений как проявлений бытия сущего. Противоречия являются источником развития всех системных образований из вещей и их отношений. Это положение диалектики следует из философского понимания сущности противоречий как результата отношений противоположностей. Еще К. Маркс отмечал: «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [123, с. 136]. Тем не менее, по утверждению некоторых исследователей, единства в понимании философской категории «противоречие» нет [225; 236]. В результате возникают неадекватности при исследовании социальных противоречий. Это требует уточнения философского понимания сущности противоречий.

В философии проблема определения противоречий исследовалась Гераклитом, Аристотелем, И. Кантом, Г. Гегелем, К. Марксом и другими учеными путем анализа взаимоотношений противоположностей в их единстве. Сегодня существует два понимания противоречий как объекта исследования – диалектическое и формально-логическое [3]. Диалектическое понимание касается всей реальной действительности, а формально-логическое возникает в процессе ее познания, где возникают противоречия между суждениями и умозаключениями как результатами рефлексии человеческих индивидов. Тем не менее, есть расхождения и в таком понимании противоречий.

Например, в работе [156, с. 79] констатируется, что «формальная логика отрицает противоречия в мышлении, поскольку они отсутствуют в объективной действительности, диалектика как логика, напротив, исходит из их наличия в содержании мышления, поскольку они присущи объективной действительности». Далее, в этой же работе: «диалектическое противоречие есть по существу опосредованное промежуточными ступенями отношение различий и

противоположностей, взятых в одно и то же время, в одном и том же отношении, в то время как формально-логическое противоречие есть непосредственное отношение исключаящих друг друга противоположных утверждений» [156, с. 87]. В работе [169] утверждается, что понятие «противоречие» целесообразно рассматривать с точки зрения формальной логики. В другой обосновывается, что диалектическое противоречие следует интерпретировать «как особый вид нелогического противоречия, который не нарушает никаких законов формальной логики и, кроме того, совместим с основными результатами теории катастроф» [233, с. 65]. Являются ли такие утверждения взаимоисключающими?

Несомненно, формальная логика – инструмент метафизического подхода к познанию. Например, в работе [163, с. 93] указывается, что «вопрос об отношении диалектики к формальной логике решался до последних лет в общем так: формальная логика и диалектика враждебны и непримиримы. Несомненно, такое решение ошибочно. В основе его лежит исторически обусловленное, но неправильное понимание сущности и задач формальной логики. Формальная логика считалась особым «способом мышления», противоположным «диалектическому способу мышления», «метафизическим способом мышления» и «методом исследования действительности», противоположным диалектическому методу. В общем, формальная логика отождествлялась с метафизической логикой». Но еще К. Маркс отмечал, что «сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [123, с. 136]. Следовательно, *формальная логика в совокупности с диалектикой является средством познания реальной действительности и противоречий в ней.*

Очевидно, в результате синтеза формальной логики и диалектики в современной философии сформировалось определенное понимание категории «противоречие». Например, в «Новейшем философском словаре» противоречие – «это особого рода отношение – отношение между противоположными (т.е. взаимосвязанными и в то же время существенно различающимися, взаимоисключающимися) сторонами, свойствами предмета. ... Существование

противоречия связано с многообразием элементов единого целого. Всякое несоответствие, рассогласованность в его структуре означают возникновение противоречия» [145]. В «Философском энциклопедическом словаре» под редакцией Л.Ф. Ильичева противоречие определяется как «диалектическое взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития объективного мира и познания» [286, с. 545].

Обобщая существующие определения, некоторые исследователи утверждают, что «наиболее распространенным является определение диалектического противоречия как двойственного отношения между сторонами, свойствами, тенденциями внутри целого, когда они взаимно предполагают и взаимно отрицают друг друга как отношения единства и борьбы противоположностей» [225, с. 62]. По сути в любом определении противоречие связано отношениями противоположностей в их единстве [182; 228; 295]. Такие отношения, как правило, определяются в виде борьбы противоположностей. Но в чем заключается сущность этой категории?

В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН определения категории «противоположность» нет. В «Философском энциклопедическом словаре» под редакцией Л.Ф. Ильичева противоположность – это «один из двух «борющихся» моментов конкретного единства, которые являются сторонами противоречия» [286, с. 543]. Но что такое «момент конкретного единства» в многообразии проявлений бытия сущего? В философско-терминологическом словаре А.Ф. Мальшевского противоположность – это «предмет или явление, полностью расходящееся со сравниваемым, совершенно с ним не сходное» [115]. В бытие сущем предметом или явлением выступают вещи и их отношения. Но являются ли они противоположностями?

В терминологическом словаре-справочнике под редакцией В.А. Степановича под противоположностями понимаются «стороны, тенденции целого изменяющегося предмета, которые одновременно взаимоисключают и

взаимодополняют друг друга» [281]. В «Кратком энциклопедическом словаре» философских терминов П.В. Кикеля и Э.М. Сороко противоположность – это «философская категория, отражающая свойства сторон, черт и т.д., которые в единстве дополняют, отрицают, обуславливают друг друга» [86]. Возникает вопрос: «стороны», «тенденции», «черты» чего? Если вещей и отношений бытия сущего, то это их свойства.

Таким образом, противоположность одновременно трактуется как вещь, отношения и их свойства. Это затрудняет определение противоположностей и, следовательно, противоречий, особенно в социальных системах, образуемые не только индивидами человеческого общества, но и другими живыми формами бытия сущего, которые в той или иной мере обладают сознанием и образуют свои социальные системы. В любом случае в реальной действительности все виды противоречий значимы, но мера их значимости разная. Чтобы определить ее, очевидно, необходимо уточнить онтологическую сущность философских категорий «противоположность» и «противоречие».

Онтологические знания о реальной действительности изначально формируются на основе философского изучения проявлений бытия сущего. Категории философии являются результатом метафизического познания, но взаимосвязь между ними устанавливается через диалектику отношений парных категорий. С этой точки зрения в работе [292] противоположности определяются как «парные, взаимосвязанные друг с другом, но взаимоисключающие и разнонаправленные сущности, и именно в силу этого взаимоисключения, предполагающие наличие друг друга в рамках некоторого единого основания». В бытие сущего таким основанием являются вещи и их отношения.

В реальной действительности вещей с совершенно одинаковыми свойствами не существует, но во всей совокупности свойств одной вещи можно найти как одинаковые, так и противоположные свойства, присущие другой вещи. Очевидно, свойства вещей определяют их сущность. Например, в «Энциклопедическом словаре» под редакцией А.А. Ивина «сущность – совокупность таких свойств предмета, без которых он неспособен существовать и которые определяют все

остальные его свойства» [282].

В «Новой философской энциклопедии» Института философии РАН «предмет – категория, обозначающая некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания. Понятие предмета часто употребляют в менее строгом смысле, отождествляя его с понятием объекта или вещи» [142, с. 329]. Очевидно, выделенная в бытие сущем целостность как объект деятельности или познания – это определенная совокупность вещей и их отношений, где свойства отношений определяются свойствами вещей. Тогда *противоположность – это свойство вещей.*

Многообразие проявлений бытия сущего обусловлено разнообразием свойств вещей. Вполне логично, что в нем существует многообразие противоположностей. Не вызывает сомнения, что у разных вещей могут быть противоположные свойства. Но могут ли в самой вещи существовать противоположные свойства? Согласно закону Аристотеля исключенного третьего, вещь не может обладать противоположными свойствами. Очевидно, в этом случае присутствует метафизический подход, где противоположности несовместимы друг с другом. Но любая сложная вещь состоит из более простых вещей, где есть такие, которые не могут существовать самостоятельно. Например, материальную сущность любой вещи в реальной действительности составляют кварки и глюоны, но их нет в свободном состоянии [77]. Очевидно, как утверждается в работе [127, с. 307], «необходимо отличать внешние противоположности от внутренних. Для внешних противоположностей характерна более или менее четкая разделенность, поляризация сторон отношения, для внутренних – свойственна пространственная совмещенность».

С точки зрения диалектики, вполне логично, что противоположности являются парными свойствами вещей. В диалектике утверждается закон их единства и борьбы. В «Новой философской энциклопедии» Института РАН указывается, что этот закон является способом «онтологизации противоречий и противоположностей», а «многозначным термином «единство» здесь обозначается такое взаимодействие противоположностей, которое направлено на взаимное

поддержание их существования, а не на взаимное уничтожение» [141, с. 19-20]. То есть парные противоположности не являются взаимоисключающими, как заявляется, например, в терминологическом словаре-справочнике под редакцией В.А. Степановича [281] и в работе [292]. Они едины, но противоположны по сути, что следует из материальных и нематериальных свойств вещей, но в каждой из них существуют свои материальные и нематериальные противоположности. Например, «в результате хромодинамического взаимодействия кварки и глюоны комбинируются в бесцветные частицы – адроны, которые могут иметь положительный, отрицательный заряд и быть нейтральными» [77].

Вполне очевидно, что только наличие противоположностей обуславливает превращение одних вещей в другие. В диалектике, как указывается в «Философском словаре» под редакцией И.Т. Фролова, «превращение одного предмета в другой при одновременном переходе первого на положение подчиненного и преобразование элемента в составе второго» называется снятием и отражает сущность категории отрицания» [284, с. 405]. Следовательно, *противоположности – это парные взаимоотрицающие свойства вещей.*

Здесь возникает понятие тождественности вещей и споры по поводу ее идентификации. Среди многообразия вещей, по утверждению Г.В. Лейбница, «существует много вещей одного и того же рода, однако никогда не бывает совершенно одинаковых вещей» [106, с. 230]. На этой основе Г.В. Лейбниц выводит принцип тождественности неразличимых вещей, согласно которому не может быть разных вещей, если они имеют общие свойства. Этот принцип взаимосвязан с принципом всеобщего различия, в соответствии с которым не следует отождествлять вещи, различные по своим свойствам.

В «Новой философской энциклопедии» Института РАН указывается, что в основе понятия тождества лежат разные теории. Классическая теория тождества Д. Льюиса базируется на положении, что «все тождественно самому себе, ничто не является тождественным чему-либо еще, кроме самого себя. Согласно Г. Фреге, тождественные объекты неразличимы по свойствам. Теория относительного тождества принимает следующий постулат: два предмета могут совпадать по

отношению к одному свойству и различаться по отношению к другому»» [143, с. 73]. Очевидно, *критерием идентификации тождественности вещей выступает тождественность их свойств.*

Из тождественности свойств вещей следует понятие тождества противоположностей. В «Новой философской энциклопедии» Института РАН указывается: «Наиболее трудным для анализа является отношение тождества противоположностей. Самая радикальная его трактовка, получившая название «тезис Гегеля», сводится к утверждению, что две противоположности могут быть одновременно, в одном и том же смысле присущи одному объекту. Тем самым утверждается, что противоположности совмещены, слиты, отождествлены, представляют собой одно и то же» [141, с. 19].

Понятие тождества противоположностей конкретизируется в работе [40, с. 77]: «В реальном диалектическом противоречии противоположности друг по отношению к другу как тождественны, так и нетождественны, т.е. различны; тождественны в том смысле, что между ними нет пространственной разделенности, каждая содержит в себе «свое иное», они взаимопереходят и т. д., нетождественны потому, что это тождество – тождество конкретное, т. е. они не «растворятся» друг в друге без остатка, в тождестве они выступают как «свое иное», т.е. как отрицательные по отношению друг к другу». Следовательно, *тождество противоположностей заключается в диалектическом единстве взаимоотрицающих свойств вещей.*

Единство взаимоотрицающих свойств вещей в «Новой философской энциклопедии» Института РАН трактуется как «тождество различий», которое обуславливает наличие противоречий в отношениях между вещами. «Наличие в тождестве различий выступает как необходимое условие противоречия. В этом смысле различие обуславливает противоречие, но не является его причиной. Противоречие же выступает источником, причиной поляризации различий. Различия рождают противоречие, противоречие движет, поляризует различия – в такой форме можно выразить диалектику взаимосвязи различия и противоречия» [127, с. 305-306]. Таким образом, под различием понимаются противоположности,

которые и являются «необходимым условием» противоречия как «отношения противоположностей ... , обуславливающих и отрицающих друг друга» [127, с. 303-304].

Разнообразные свойства вещей определяют многообразие их форм в реальной действительности. Если они связаны отношениями, то их совокупность образует систему вещей и их отношений. Понятие системы относительно, поскольку одна система может включать различные совокупности вещей и их отношений, что обеспечивает их интегративную целостность в реальной действительности. В результате в реальной действительности не существует внесистемных вещей и их отношений. Поскольку свойства отношений определяются свойствами вещей, то существуют взаимоотрицающие свойства отношений. Они возникают в результате действия диалектического закона единства и борьбы противоположностей и трактуются в философии как противоречия [182; 225; 295]. Следовательно, *противоречие – это системное свойство отношений противоположностей как тождественных взаимоотрицающих свойств вещей.*

Из внешних и внутренних противоположностей следуют соответствующие противоречия в отношениях между вещами и в самой вещи. Такая «пространственная раздельность свойственна ... лишь внешним формам проявления и существования противоречия (и здесь имеет смысл говорить о «сторонах» противоречия), но не сущностному его уровню ... противоречие в более узком и специфическом значении может быть отнесено к определенному классу рефлексивных отношений – оно выступает как отношение вещи к самой себе, причем как отношение самоотрицания, как самоотрицательность вещи» [40, с. 63]. Таким образом, *существуют внешние противоречия в системе вещей и их отношений и внутренние противоречия в отношениях вещи к самой себе.*

В «Новой философской энциклопедии» Института РАН указывается, что противоречие обычно «выступает в паре с отношением соответствия (гармонии, согласия). Если противоречие – источник борьбы противоположностей, то соответствие – движущая сила их единства» [141, с. 20]. Но гармония может быть

или не быть, а единство и борьба противоположностей существуют и являются «необходимым условием» противоречия. Кроме того, как указывается в «Новейшем философском словаре», «абсолютно устойчивого соответствия ни в одном реальном предмете нет, постольку противоречие носит универсальный характер и мир находится в постоянном изменении и развитии» [146]. Очевидно, что развитие может быть разным. В «Новой философской энциклопедии» Института РАН развитие трактуется как «высший тип движения и изменения в природе и обществе, связанный с переходом от одного качества, состояния к другому, от старого к новому» [142, с. 397]. Но новое качество и состояние не обязательно может быть лучше старого. Тем не менее, оно получено в результате изменения старого качества и состояния. В любом случае существуют источники и движущая сила развития. Это центральная проблема философии, которая связана с изменением свойств вещей и их отношений в реальной действительности.

В работе [127, с. 307] утверждается, что существуют более глубокие, чем противоречие, причины движения и развития. В результате движения происходит развитие свойств вещей и их отношений. В «Философском энциклопедическом словаре» под редакцией Л.Ф. Ильичева движение определяется как «способ существования материи, её всеобщий атрибут» [286, с. 138]. Здесь под материей понимается «бесконечное множество всех существующих в мире объектов и систем, субстрат любых свойств, связей, отношений и форм движения» [286, с. 354]. То есть это реальная действительность, где все вещи и их отношения могут существовать только в движении, необходимым условием которого являются их взаимоотрицающие свойства. Как противоположности, они, в свою очередь, являются «необходимым условием» противоречия. Тогда *противоположности как тождественные взаимоотрицающие свойства вещей являются источником движения, а противоречия в их отношениях выступают движущей силой развития систем в реальной действительности.*

С точки зрения марксистской теории, существует множество как внутренних, так и внешних антагонистических (неразрешимых) и не антагонистических противоречий. В любом случае они являются результатом

действия закона единства и борьбы противоположностей. Поэтому в философии обобщенно различают конрадикторные (от лат. *contradictorius* – противоречащий) и контрарные (от лат. *contrārius* – противоположащий) противоположности. Например, в работе [227, с. 221] указывается, что «два отличных друг от друга объекта, между которыми нет границы в качестве чего-то третьего, представляют собой множество, элементы которого являются конрадикторными противоположностями», а «границу можно определить только в контрарном, а не в конрадикторном множестве».

В «Новой философской энциклопедии» Института РАН приводится геометрическая интерпретация этих видов противоположностей: «Контрарные противоположности ... возникают в результате деления упорядоченного класса объектов на три подкласса (напр., углов – на острые, прямые и тупые; признаков – на единичные, особенные и всеобщие). Крайние члены этого ряда, обладающие наибольшим и потому законченным различием, называют контрарными противоположностями. Их критериальное отличие от конрадикторных – наличие переходного, промежуточного подкласса: между острыми и тупыми углами – прямых, между единичными и всеобщими признаками – особенных и т.д.». [141, с. 19]. Такая геометрическая интерпретация видов противоположностей не противоречит тезису Г.В. Лейбница о том, что две вещи не могут быть совершенно тождественными, они всегда должны отличаться [106]. В многообразии их свойств и свойств их отношений могут быть одинаковые и противоположные контрарные и конрадикторные свойства (рисунок 2.4).

Таким образом, с точки зрения философии, сущность противоречий проявляется в свойствах внешних отношений между вещами и внутренних отношениях в самой вещи, что является следствием единства и борьбы тождественных взаимоотрицающих свойств вещей как контрарных и конрадикторных противоположностей в системе реальной действительности. С этой точки зрения, целесообразно различать внешние и внутренние, контрарные и конрадикторные противоречия (рисунок 2.5).

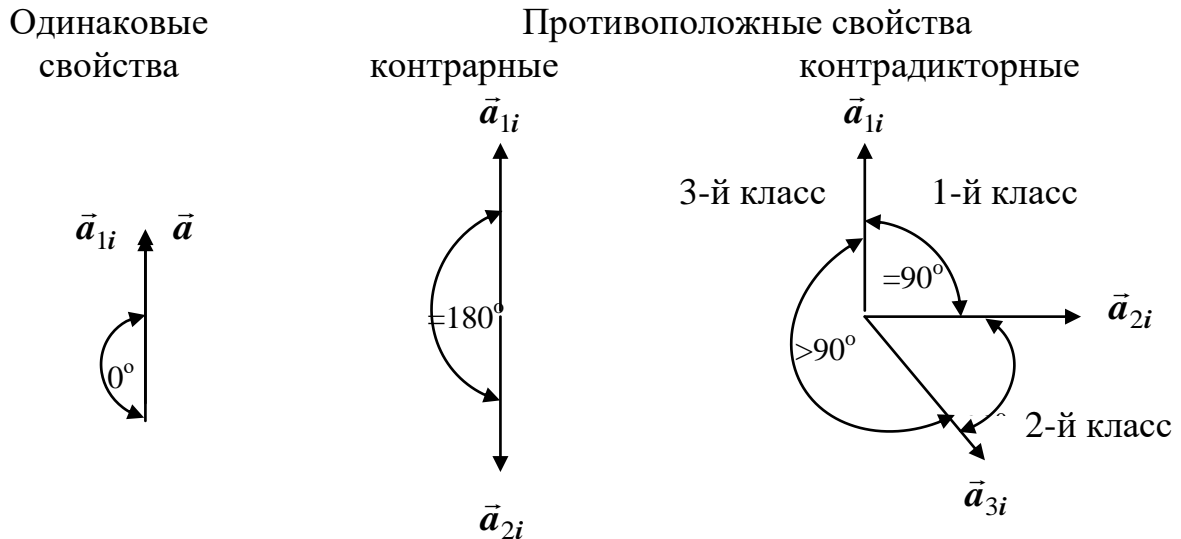

Рисунок 2.4 – Геометрическая интерпретация разнообразия свойств вещей и их отношений [составлено автором]

Поскольку реальная действительность – это система взаимосвязанных отношениями вещей, то все их свойства, в том числе контрарные и контрадикторные противоположности, системно взаимосвязаны. Для развития этой системы значимость системных противоречий разная. В «Новейшем философском словаре» указывается, что «в системе взаимодействующих противоречий «одни выражают борьбу внутренних сил в предмете (внутренние противоречия), другие характерны для связей с иными предметами (внешние противоречия). Среди внутренних противоречий есть главные, основные, ведущие, непосредственно связанные с сущностью предмета, и неосновные, второстепенные, зависимые от основных и лежащие как бы на периферии его развития» [145]. Очевидно, это справедливо и для внешних противоречий. Но в любом случае возникает вопрос об их значимости для развития социальной системы.

В работе [127, с. 307] косвенно утверждается, что для развития наиболее значимы внутренние противоположности: «Совокупное изменение предмета – это всегда результат взаимодействия внешних и внутренних детерминант, но определяющая роль принадлежит внутренним детерминантам». Возможно, с этим стоит согласиться, поскольку противоречия в отношениях вещи к самой себе

являются определяющими для ее свойств, от которых зависят свойства отношений с другими вещами, где возникают внешние противоречия. Тем не менее, с диалектической точки зрения вполне очевидно, что внешние отношения между вещами также оказывают влияние на отношения вещи к самой. Поэтому утверждение о приоритетной значимости внутренних противоречий сомнительно. Очевидно, значимость определяется другими критериями.

Рисунок 2.5 – Философская сущность и виды противоположностей и противоречий [составлено автором]

Если исходить из того, что все многообразие свойств вещей сводится к одинаковым и противоположным контрарным и контрадикторным свойствам (рисунок 2.4), то вполне логично, что диаметрально противоположные контрарные свойства определяют «главные, основные, ведущие, непосредственно связанные с сущностью предмета» противоречия. Остальные относятся к менее значимым контрадикторным противоречиям.

В социальных системах как естественных образованиях сознательных форм

бытия сущего содержатся разнообразные противоречия, которые усложняются в человеческом обществе. Их наличие объективно, а разрешение способствует развитию социальной системы в той или иной мере, но существуют социальные противоречия, обострение которых может привести к ее разрушению. Это обуславливает постоянную актуальность исследований, связанных с определением сущности социальных противоречий, их систематизацией, определением наиболее значимых способов их разрешения.

В справочной литературе, например, в [54; 142; 252] изначально определяют внутренние и внешние противоречия, что вполне справедливо для открытых систем. Таковыми являются все естественные системы, в том числе и социальные, состоящие из множества подсистем, которые оказываются открытыми и в которых существуют свои внутренние и внешние противоречия. Поэтому в силу парадокса относительности систем такая классификация противоречий относительна, но она необходима для диалектического познания социальных противоречий.

Как правило, понятие социального противоречия используется в социологии, а его трактовки не совсем корректны. Например, в «Энциклопедии по социологии» социальное противоречие определяется как «взаимодействие противоположных тенденций развития общественных явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития социальных процессов и их научного познания» [252]. Но тенденции как направления не могут взаимодействовать. В реальной действительности они являются следствием взаимоотношений вещей.

Иногда, особенно в социологии [2; 54], вместо понятия противоречия используется термин «конфликт». Но, с точки зрения философских категорий «сущность» и «явление», конфликт (противоположная тенденция или противоположные интересы) является формой проявления сущности диалектического противоречия. Очевидно, что конфликтов, а, следовательно, и противоречий в любой социально-экономической системе множество. Поэтому в научной литературе используется термин «системные противоречия», например, в работе [78].

В некоторых случаях нарушается причинно-следственная связь между явлениями и смешиваются понятия противоречия и противоположности. Например, в работе [169] с точки зрения формальной логики аргументируется, что не следует «употреблять термин «противоречие» там, где менее обманчивыми были бы термины «конфликт», «противоположная тенденция» или, может быть, «противоположный интерес» и т.д.». Но конфликта может и не быть, а противоречие в отношениях противоположностей существует объективно. То есть конфликт – это результат обострения противоречия, а «противоположный интерес», как и «противоположная тенденция», появляется в результате противоречия во взаимоотношении вещей.

С точки зрения методологических оснований научных исследований (рисунок 1.2 и 1.3), чтобы устранить существующие некорректности, необходимо исходить из философского понимания сущности социального противоречия в реальной действительности [230]. Ее образуют системные образования вещей и их отношения. Многообразие их свойств обуславливает разнообразные системы, но только живые формы бытия сущего, обладающие сознанием и инстинктом, образуют социальные системы. Эти формы бытия сущего индивидуальны, но они социальны, а их свойства являются общим и для индивидов любой социальной системы. Но кроме индивидов как главных элементов социальной системы, ее образуют и другие вещные формы бытия сущего в реальной действительности, с которыми индивиды вступают в отношения для обеспечения собственной жизнедеятельности.

Поскольку свойства вещей определяют свойства отношений (п. 1.1), то в социальной системе все свойства отношений ее элементов, в том числе и индивидов, являются социальными. Социальные свойства элементов социальной системы могут быть одинаковыми и противоположными как парные взаимоотрицающие противоположности (рисунок 2.5). В результате действия диалектического закона единства и борьбы этих противоположностей в социальных отношениях элементов социальной системы объективно существуют социальные противоречия. Следовательно, *социальное противоречие – это*

системное свойство отношений социальных противоположностей как парных взаимоотрицающих свойств элементов социальной системы.

В социальных системах свойства отношений их элементов разнообразны, но потребность индивидов в обеспечении собственной жизнедеятельности – целевое свойство этого главного элемента любой социальной системы. Такая потребность разнообразна, но все разнообразие потребностей тождественно, поскольку они одинаково целенаправленны – на обеспечение жизнедеятельности. Их взаимоотрицание появляется только в результате внутренних отношений материальных и нематериальных потребностей индивида и его внешних отношений с другими индивидами, социальной системой и реальной действительностью для их удовлетворения, то есть, когда по этому поводу возникает интерес, который в «Новой философской энциклопедии» Института РАН определяется как «потребности, выступающие мотивацией поведения индивида» [141, с. 134]. Таким образом, *интерес – это свойство индивида, мотивирующее его потребность в обеспечении жизнедеятельности.*

Вполне очевидно, что тождественно взаимоотрицающие интересы индивидов являются парными социальными противоположностями. Тогда противоречия в социальных отношениях индивидов – это результат единства и борьбы парных противоположных интересов. Например, в результате действия объективного закона спроса и предложения в социальной системе человеческого общества возникает противоречие между интересами потребителей и производителей по поводу цены, количества и качества экономических благ.

Социальные противоречия есть и в отношениях индивида с самим собой. Например, Ф. Энгельс по этому поводу писал: «... если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в противоречии с самой собой; то же относится и к выражению этой вещи в мысли. Например, в том, что вещь остается такой же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит противоположность между «пребыванием одной и той же» и «изменением», заключается противоречие» [124, с. 640]. Но какие социальные противоположности и противоречия существуют в индивиде?

Вполне очевидно, что индивид является не только основным элементом социальной системы общества, но и сам выступает в качестве таковой, которая состоит из взаимосвязанной совокупности материальных и нематериальных элементов. Их взаимосвязь обуславливает наличие отношений между этими элементами, свойства которых могут быть одинаковыми и противоположными, то есть в отношениях индивида с самим собой существуют внутренние противоположности и противоречия.

Если исходить из материальных и нематериальных форм бытия сущего, то их свойства определяют противоположности в индивиде и отношения между его материальной формой и сознанием, где противоречие – один из свойств таких отношений. Вполне очевидно, что эти отношения являются определяющими во взаимодействии индивида с социальной системой общества, то есть они социальные. Поскольку в реальной действительности вещей без отношений не существует, то любая вещь состоит из других вещей и их отношений, которые пребывают только в движении. В совокупности это объективно обуславливает наличие социальных противоречий не только между материальной формой и сознанием индивида, но и в самих этих формах проявления бытия сущего. Например, социальные противоречия в сознании индивида – это формально-логические противоречия отношений взаимоотрицающих «противоположных утверждений» [156, с. 87].

С этой точки зрения индивидуальные социальные противоречия являются внутренними относительно внешних социальных противоречий в отношениях индивидов между собой, с социальной системой и реальной действительностью. Примером внутренних контрарных социальных противоположностей индивида могут служить инстинкт и рефлексия. В результате действия закона единства и борьбы противоположностей между ними возникает внутреннее контрарное социальное противоречие по поводу выбора индивидом способа обеспечения жизнедеятельности – инстинктивного или рефлексивного. Примером внутренних контрарных социальных противоположностей индивида служат интуиция и рефлексия. В «Новой философской энциклопедии» Института РАН интуиция – это

«способность прямого, ничем не опосредованного постижения истины» [141, с. 140], а рефлексия – «форма теоретической деятельности человека, которая направлена на осмысление собственных действий, культуры и ее оснований» [142, с. 445]. Вполне очевидно, что интуиция базируется на рефлексивном опыте постижения истины.

Поскольку все элементы социальной системы выполняют различные функции, то целесообразно различать функциональные социальные противоположности и противоречия [13]. Примером внешних контрарных функциональных противоположностей являются половые свойства индивидов – мужская и женская особь, а контрадикторных – активная или неактивная особь в социальном воспроизводстве. В системе отношений этих контрарных и контрадикторных противоположностей возникают соответствующие социальные противоречия по поводу функционального участия в этом процессе индивидов разного полового признака.

Способность выполнять определенные функции является внутренним свойством индивида. Способен или неспособен – это внутренние контрадикторные социальные противоположности. По этому поводу в сознании индивида возникает внутреннее контрадикторное социальное противоречие в его отношениях с самим собой. Если функциональная способность полностью утрачена, например, в результате физической травмы, тогда такое противоречие становится контрарным.

Таким образом, для любой социальной системы обобщающими критериями классификации социальных противоречий являются относительность, функциональность и направленность противоположностей в отношениях индивидов между собой, с социальной системой и реальной действительностью по поводу обеспечения жизнедеятельности (рисунок 2.6).

Для удовлетворения интересов индивиды используют ресурсы реальной действительности и самой социальной системы, с которыми вступают в определенные отношения [88]. Вполне логично, что в этих отношениях также существуют социальные противоречия по поводу обеспечения их жизнедеятельности, но они не главные. Поскольку индивиды – это главный

элемент социальной системы, то их *парные взаимоотрицающие социальные интересы по поводу обеспечения собственной жизнедеятельности выступают главными социальными противоположностями, а результат их единства и борьбы являются главными социальными противоречиями* (рисунок 2.7). В любом случае социальные противоречия могут быть *контрадикторными и контрарными*, где контрарные противоречия – это результат взаимодействия прямо противоположных противоположностей (рисунок 2.4).

Рисунок 2.6 – Сущность и виды социальных противоречий [составлено автором]

Рисунок 2.7 – Логический вывод сущности главных социальных противоречий [составлено автором]

Среди социальных систем реальной действительности наиболее сложной является социальная система человеческого общества. Обеспечение жизнедеятельности ее индивидов происходит за счет расширенного воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ (п. 1.2). Следовательно, отличительным критерием социальной системы человеческого общества от других социальных систем живых форм бытия сущего является воспроизводство экономических благ.

По поводу воспроизводства экономических благ индивиды вступают в определенные отношения между собой и со средствами производства. В научной литературе их часто определяют как экономические отношения. В марксистской теории они трактуются как производственные отношения. Например, в «Словаре современных экономических терминов» Б.А. Райзберга «производственные отношения – термин марксистской политической экономии, означающий

экономические отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ» [175, с. 300]. При этом существуют отличия в понимании этой категории. Основные дискуссионные точки зрения следующие: «1) Производственные отношения являются общественной или социально-экономической формой развития производительных сил; 2) Производственные отношения содержат организационно-экономические и технико-экономические отношения; 3) Производственные отношения тождественны экономическим отношениям; 4) Производственные отношения тождественны совокупности отношений экономической собственности» [300, с. 196].

Производственные отношения – это часть социальных отношений, где объективно существуют и непроизводственные отношения. Тогда в этих отношениях существуют как производственные, так и непроизводственные противоречия. Если социальную систему рассматривать как совокупность базисной социально-экономической системы и надстроечных политической и культурной функциональных систем (рисунок 1.5), то в базисной системе формируются производственные отношения, а в надстроечных системах – непроизводственные отношения. Здесь корректным становится утверждение, что «сама категория «производственные отношения» в определенной мере является аморфной, поскольку нацеливает на изучение материальных отношений между людьми в сфере производства (а не распределения, обмена и потребления). Поэтому ее необходимо употреблять в единстве в определенной совокупности родственных категорий, выделяя при этом их общие черты и отличия» [300, с. 366].

В данном случае родственными категориями выступают «социальные отношения» и «экономические отношения». Тогда отношения в базисной социально-экономической системе, которые объективно существуют по поводу воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ, являются социально-экономическими отношениями. По этому поводу объективно существуют соответствующие

отношения между базисной социально-экономической системой и надстроенными политической и культурной системами. Внутри надстроечных систем, кроме социально-экономических отношений, существуют и другие социальные отношения. Они имеют определенную структуру диалектически взаимосвязанных между собой отношений и соответствующих противоречий. Вполне логично, что возможность их регулирования разная. Очевидно, необходимо определить виды и регулируемость социально-экономических противоречий как источника остальных социальных противоречий.

2.3. Социально-экономические противоречия и их регулируемость при управлении социально-экономическими системами разных форм организации

Структуру социальной системы образуют диалектически взаимосвязанные надстроечные политическая, культурная и базисная социально-экономическая системы (рисунок 1.5). Они и их элементы взаимосвязаны между собой социально-экономическими отношениями по поводу воспроизводства экономических, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ (п. 2.2). В силу парадокса относительности систем [110, с. 43] политические и культурные социальные отношения существуют как вне, так и внутри социально-экономической системы, где с точки зрения науки управления ее экономическая система является управляемой, а политическая и культурная – управляющими системами (рисунок 2.2). Очевидно, в этом случае политические и культурные отношения вместе с экономическими становятся производственными отношениями, возникающими для управления воспроизводством экономических, а также распределением, обменом и потреблением неэкономических благ. В этих отношениях объективно существуют соответствующие противоречия.

Как правило, пытаются классифицировать один из видов производственных

противоречий, например, экономические противоречия, где иногда отсутствие логики, диалектического и системного подхода доводит до абсурдных выводов. Например, в работе [240, с. 33] утверждается: «Самым простым из экономических противоречий является противоречие элементарного отношения собственности, которое в одно и то же время есть присвоение и отчуждение, самым сложным – противоречие закона движения экономической системы. Руководствуясь этим критерием, можно предложить следующую классификацию экономических противоречий: 1. Противоречия основы экономической системы, противоречия производные, противоречия результата движения экономической системы. 2. Противоречия трудовых, технологических отношений, производительной и потребительной сил, производственных отношений, способа производства и хозяйствования. 3. Противоречия внутри экономических явлений и между ними, противоречия сущности и действительности экономических явлений 4. Противоречия самоцели экономической системы».

В работе [240, с. 33] констатируется, что экономические противоречия – «это противоречия субъективных (волевых) и объективных (вещных) отношений людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ». Но в этом процессе воспроизводства экономических благ также возникают отношения для распределения, обмена и потребления неэкономических благ. Они являются частью социально-экономических отношений для обеспечения жизнедеятельности индивидов (п. 1.2).

Иногда социальные противоречия отделяют от экономических. Например, в «Большом толковом социологическом словаре» указывается, что «экономические и социальные противоречия – ключевой термин марксистских исследований, указывающий на напряженность, противоположность или конфликт двух аспектов социальной структуры либо процессов в социальной структуре в целом» [54, с. 103]. Возможно, это следствие некорректного понимания марксистской теории, поскольку экономические противоречия – это часть социальных противоречий, которые возникают в результате отношений разнообразных «аспектов социальной структуры». Очевидно, имеет смысл использовать

сочетание этих терминов и определять социально-экономические противоречия.

Часто социально-экономические противоречия связывают с интересами индивидов, как правило, – с экономическими. Например, в работе [225, с. 63] утверждается, что «экономические противоречия всегда вырастают на основе разнонаправленных экономических интересов различных социальных субъектов. Это положение верно, так как любая из подсистем экономических противоречий производственных отношений в целом связывается с подсистемой противоречий экономических интересов». Но такое утверждение должно быть обоснованным с философской точки зрения, поскольку тогда источником развития социальной системы являются интересы ее индивидов.

Диалектически взаимосвязанные интересы индивидов возникают в сфере производства, распределения, обмена и потребления. Например, диалектическое единство производства и потребления описал еще К. Маркс: «Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее движение. Производство опосредствует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредствует производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами» [116, с. 181]. Очевидно, в отношениях этих противоположностей существуют определенные социально-экономические противоречия, разрешение которых в той или иной мере способствует прогрессивному развитию социально-экономической системы.

Прогрессивность развития социально-экономической системы проявляется в постоянном росте производства и потребления в долгосрочном периоде. Их взаимосвязь определяется законом спроса и предложения, который «отражает взаимозависимость между количеством товаров и услуг, которые хочет купить или получить потребитель, и объемом товаров и услуг, которые предлагает производитель» [300, с. 561]. Именно здесь проявляются социально-экономические противоречия между производителями и потребителями в виде

конфликта их интересов. Исходным, как утверждается в работе [225], является противоречие между постоянно растущими потребностями и ограниченностью производства экономических благ. Но как тогда быть с явлением перепроизводства, когда производство превышает спрос? Таким образом, это социально-экономическое противоречие не является исходным.

В экономической теории исходным считается основное экономическое противоречие, но здесь существует различное понимание его содержания как социально-экономического противоречия. Например, по К. Марксу – это противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов [119, с. 771-773]. В работе [241, с. 286] «обосновано, что основное экономическое противоречие выступает как противоречие между степенью развития форм организации общественного производства и формой (способом) присвоения». Но при этом указывается, что таковым является «противоречие между характером производственных отношений и уровнем развития производительных сил общества». В работе [239, с. 50] – это противоречие между частной и общественной собственностью, которое определяется как основное экономическое противоречие собственности. Но противоречие – это свойство отношений между материальными и (или) нематериальными формами бытия сущего (п. 2.2).

В «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного основное экономическое противоречие рассматривается «как объективное противоречие общественного способа производства, которое является главным источником развития экономической системы, а также определяющей формой связей между основными элементами этой системы (производительными силами, технико-экономическими, организационно-экономическими отношениями, экономической собственностью и хозяйственным механизмом) и обуславливает переход от менее совершенной и недостаточно развитой экономической системы к более совершенной и развитой» [302, с. 663-664]. Но являются ли отношения элементом социальной системы? Очевидно, нет, поскольку это связь между ее структурными элементами, а возникающие противоречия в отношениях между

ними – это системное свойство отношений их парных взаимоотрицающих свойств как социальных противоположностей (п. 2.2).

Противоречия в социальной системе общества возникают как внутри, так и между базисной социально-экономической системой и надстроечными политической и культурной системами. С этой точки зрения вполне логично, что исходными являются социально-экономические противоречия, которые возникают в базисной социально-экономической системе. В силу парадокса относительности систем в ней существует базисная экономическая и надстроенные политическая и культурная системы. Исходя из главной цели социальной системы общества, индивиды этих систем взаимосвязаны внутренними отношениями по поводу воспроизводства экономических, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ (п. 1.2). Но тогда, в силу парадокса относительности систем, такими отношениями взаимосвязаны индивиды базисной социально-экономической системы и надстроечных политической и культурной систем. Только это уже внешние социально-экономические отношения. Очевидно, *отношения внутри базисной социально-экономической системы по поводу воспроизводства экономических благ являются производственными социально-экономическими отношениями.*

В научной литературе существуют отличия в структуризации производственных отношений как социально-экономических. Например, в «Словаре терминов и понятий по обществознанию» А.М. Лопухова определяются «два вида производственных отношений: организационно-экономические и социально-экономические. Отношения первого вида характеризуют степень развития и организации производительных сил, комбинацию их элементов безотносительно к общественной форме производства (разделение труда, специализация, кооперирование производства, централизация и т. д.). Вторые характеризуют общественную форму производства. Их основу составляют отношения собственности на средства производства» [238, с. 324-325]. Они возникают в процессе воспроизводства экономических, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ. Поэтому организационно-

экономические отношения являются одним из видов социально-экономических отношений, в том числе и производственных [301, с. 643].

В «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного производственные отношения определяются как система экономических отношений. Это совокупность «... технико-экономических, организационно-экономических и отношений экономической собственности в процессе диалектического взаимодействия между ними (подсистемами), с одной стороны, и системой производительных сил – с другой» [302, с. 366]. Но организационно-экономические отношения и отношения экономической собственности существуют не только по поводу воспроизводства экономических благ, но и по поводу распределения, обмена и потребления неэкономических благ. Очевидно, что технико-экономические отношения возникают только в процессе воспроизводства экономических благ.

В «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного указывается, что основными элементами, подсистемами экономической системы являются производительные силы, технико-экономические, организационно-экономические и отношения экономической собственности, которые устанавливаются посредством хозяйственного механизма [301, с. 663]. Но эти отношения не взаимодействуют с производительными силами, как указывается в энциклопедии [302, с. 366]. Они возникают в процессе производства между ее элементами, которыми являются индивиды, производящие экономические блага, и средства производства. Но кроме производственных отношений, существуют и непроизводственные социально-экономические отношения.

Производственные отношения возникают между элементами системы производительных сил в сфере производства экономических благ. Непроизводственные отношения действуют в сфере распределения, обмена и потребления экономических и неэкономических благ. Здесь целесообразно использовать понятие потребительных сил социальной системы. «Ведение в анализ понятия потребительной силы, т.е. способности общества к потреблению, позволяет более рельефно выделить объективное содержание потребительной

деятельности, отмежеваться от часто встречающейся психологической ее характеристики, например, от сведения зависимости потребления от дохода к психологическому закону, выражающемуся в склонности людей к увеличению в известной мере своего потребления с ростом дохода» [62, с. 157].

Вполне логично, что носителями потребительной силы являются все индивиды социальной системы общества, в том числе и занятые воспроизводством экономических благ. В любом случае между ними возникают отношения по поводу распределения, обмена и потребления экономических, а также распределения и обмена неэкономических благ, а, следовательно, и соответствующие социально-экономические непродуцируемые противоречия. В любом случае существуют разные по значимости продуцируемые и непродуцируемые противоречия.

В «Новой философской энциклопедии» института философии РАН указывается, что производительные силы определяют содержание общественного способа производства, а продуцируемые отношения – его форму. «Как всякая форма продуцируемые отношения отстают от развития содержания – производительных сил. Возникает несоответствие, преодолеваемое через преобразование исторического типа продуцируемых отношений», где «решающая роль в структуре продуцируемых отношений принадлежит собственности на средства производства» [142, с. 362]. В «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного такое несоответствие определяется как всеобщее основное экономическое противоречие. При этом указывается, что существует и основное экономическое противоречие отдельного общественного способа производства [302, с. 663-664]. Очевидно, что *наиболее значимые социально-экономические противоречия возникают в системе производительных сил.*

С точки зрения марксистской теории, основное противоречие социально-экономической системы возникает в отношениях экономической собственности, поскольку именно она в диалектическом единстве с производительными силами формирует общественный способ производства. Очевидно, это относится к средствам производства. Но объектом собственности являются также товары и

услуги, где возникает противоречие в отношениях экономической собственности по поводу распределения добавленной стоимости. Исходя из СНС 2008, ее основными элементами являются оплата труда, прибыль собственников средств производства и налоги государства на производство и импорт.

Интересы государства и собственников средств производства относительно налогов на производство и импорт противоречивы. Они противоположны, но увеличение налогов негативно влияет на выпуск товаров и услуг, в чем государство не заинтересовано. Поэтому в отношениях экономической собственности по этому поводу между государством и собственниками средств производства объективно существует контрадикторное социально-экономическое противоречие. Но с точки зрения марксистской теории, это не основное противоречие в отношениях экономической собственности.

В марксистской теории основное противоречие существует между общественным характером производства и частной формой присвоения экономических благ: «...продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом. Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности» [304, с. 228]. Очевидно, это контрадное социально-экономическое противоречие возникает между прямо противоположными интересами наемных работников и собственников средств производства. Его целесообразно определять как *основное социально-экономическое противоречие между интересами наемных работников и собственников средств производства по поводу распределения оплаты труда и прибыли в добавленной стоимости.*

Форма присвоения экономических благ определяется правом владения средствами производства, которое всегда персонифицировано. Оно определяет право распоряжения и пользования ими. Это следует из теории прав собственности Р. Коуза. По поводу владения, распоряжения и пользования в отношении экономической собственности объективно существует социально-экономическое противоречие между собственниками средств производства, которое следует из их противоположных интересов. Но они не прямо противоположны, поскольку направлены на получение прибыли, то есть это

контрадикторное социально-экономическое противоречие, которое не является основным.

Следует отметить, что к наемным работникам относятся и индивиды, которым собственники средств производства делегировали право распоряжения и пользования собственностью, то есть те, которые имеют право распределять добавленную стоимость. Вполне логично, что между ними и остальными наемными работниками также объективно существует внутреннее контрарное социально-экономическое противоречие, поскольку они представляют интересы собственников средств производства. Кроме того, существует социально-экономическое противоречие между интересами наемных работников по поводу распределения оплаты труда. Однако оно не контрарное, поскольку, главным образом, зависит от квалификации работников и степени их участия в процессе производства экономических благ.

Таким образом, кроме противоречия в отношениях экономической собственности между интересами наемных работников и собственников средств производства по поводу распределения оплаты труда и прибыли в добавленной стоимости, все остальные противоречия в социально-экономической системе являются контрадикторными (рисунок 2.8).

Обострение и разрешение социально-экономических противоречий, возникающих в системе отношений производительных сил, приводят к развитию, а вследствие радикального обострения – к изменению типа социально-экономической системы, что исторически закономерно в развитии социальной системы человеческого общества. Исторически этот процесс происходит циклически, но в пределах одного типа социальной системы эти противоречия в той или иной мере регулируются субъективно ее индивидами и объективно вследствие действия объективных социально-экономических законов. Субъективный характер вмешательства индивидов в социально-экономические отношения актуализирует проблему регулируемости соответствующих противоречий.

Рисунок 2.8 – Источники и виды социально-экономических противоречий
[составлено автором]

В справочной литературе понятия регулируемости нет. В большинстве случаев регулируемость рассматривается как синоним управляемости, но регулирование – это часть процесса управления (п. 2.1). В понятии управляемости объект управления часто абстрагируется от субъекта управления. Например, в «Энциклопедии по социологии» управляемость определяется как «способность системы определенным образом в заданном направлении и временных границах реагировать на сигналы управления или на управленческое воздействие. Система управляема, если каждому воздействию управления соответствует строго определенное состояние параметров объекта, неуправляема или малоуправляема – если объект управления меняет свои параметры произвольно» [277]. В «Энциклопедическом социологическом словаре» А.И. Пригожина – это степень автономии управляемой системы относительно управляющей системы [251, с. 840].

В работе по социологии управления [271, с. 290] управляемость – это «степень влияния отношений или связей управления на социальные взаимодействия людей в процессе их совместной деятельности; она может быть высокой, средней или низкой». Такие отношения возникают между объектом и субъектом управления, которые в социологии рассматриваются как социальные субъекты. В работе [192, с. 36-37] их управляемость определяется, как «такое качество субъекта, которое свидетельствует о его способности и готовности к активной поддержке и корректировке социальных норм, а также к активному участию в реализации целей организации, сообщества, общества в целом». При этом «управляемость уже не принадлежит отдельно субъекту или институту, а является качеством их взаимосвязи в целом». Очевидно, такой подход целесообразно интерполировать и на понятие регулируемости противоречий в социально-экономической системе.

Целью социально-экономической системы является удовлетворение закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей в экономических и неэкономических благах. Эта цель достигается в процессе расширенного воспроизводства экономических благ, а также распределения,

обмена и потребления неэкономических благ. Вполне логично, что в этом процессе социально-экономические противоречия циклически обостряются и разрешаются. Это происходит в процессе развития производительных сил и производственных отношений в системе производительных сил. В научной литературе существуют некоторые различия в понимании сущности этого процесса. Например, в «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного развитие, прежде всего, технико-экономических отношений в системе производительных сил и производственных отношений рассматривается как экономическое [302, с. 263]. Тогда как быть с организационно-экономическими отношениями и отношениями экономической собственности, развитие которых в работе [19] определяется как необходимое условие развития экономики?

В работе [70, с. 19] утверждается, что «... развитие производительных сил ведет к зарождению новой формы производства и к возникновению противоречия между новой, зарождающейся, и старой, отмирающей, формами производства. Разрешение данного противоречия приводит к изменению социального содержания собственности, т.е. к смене одной формы собственности другой. В соответствии с новой формой собственности окончательно устанавливается и закрепляется новая форма производства, которая ранее проявляла себя как потенция развития производительных сил. Это приводит к развитию производительных сил и со временем – к обострению данного противоречия на новом, более высоком уровне».

Такое утверждение несколько некорректно, поскольку, во-первых, в экономической теории под формой производства понимается определенный способ его организации, где традиционно различают натуральное хозяйство или индивидуальное производство и товарное производство с целью дальнейшего распределения, обмена и потребления экономических благ. В марксистской теории такое производство определяется как общественное, осуществляемое в единстве производительных сил и производственных отношений как общественной формы способа производства. «Решающая роль в структуре производственных

отношений принадлежит собственности на средства производства (средства и предметы труда). Как всякая форма производственные отношения отстают от развития содержания – производительных сил. Возникает несоответствие, преодолеваемое через преобразование исторического типа производственных отношений» [142, с. 362].

В процессе исторического развития социальной системы одна форма собственности не заменяется другой, поскольку соответственно индивидуальному и общественному производству существуют индивидуальная и общественная формы экономической собственности. «Исторически их развитие происходило от индивидуального до общественного способа присвоения. То есть экономическая собственность может иметь общественную или индивидуальную форму присвоения факторов и результатов производства. Развитие форм присвоения неразрывно связано с развитием способа производства как способа соединения непосредственных производителей со средствами производства, от индивидуального до современного общественного производства» [19, с. 92]. Другими словами, происходит развитие форм экономической собственности.

Такой вывод не противоречит пониманию сущности развития производительных сил и производственных отношений в марксистской теории, где исторически этот процесс проявляется в смене одной общественно-экономической формации другой. Это явление объективно, поскольку происходит в результате действия объективных социально-экономических законов, то есть объективного саморегулирования производственных социально-экономических противоречий в процессе развития социальной системы человеческого общества (п. 2.1). Тем не менее, в пределах каждой общественно-экономической формации эти противоречия в определенной мере регулируются субъективно в процессе управления социально-экономической системой.

Производственные социально-экономические противоречия объективно существуют в социально-экономических микросистемах организаций, производящих экономические блага. Их системные объединения, сформированные по критерию однородности производства, образуют отраслевые

социально-экономические мезосистемы. Системная совокупность отраслей составляет социально-экономическую макросистему государства, где объективно существуют непродуцируемые отношения по поводу распределения, обмена и потребления экономических благ. Очевидно, что регулируемость каждого вида социально-экономических противоречий разная и зависит от уровня управления социально-экономической системой. Тогда необходимо определить регулируемость видов социально-экономических противоречий на микро-, мезо- и макроуровне управления. Чтобы это сделать, изначально следует уточнить сущность понятия, установить критерии и определить степень регулируемости противоречий.

Вполне логично, что понятие регулируемости следует из содержания понятия управляемости. Они связаны целью управления – добиться необходимых индивиду свойствам вещей и их отношений как проявлений бытия сущего. В нем материальные и нематериальные вещи связаны отношениями, где свойства вещей определяют свойства отношений. В любом случае их свойства определяются целевыми параметрами управления, а отклонения от них в допустимых пределах – целевыми параметрами регулирования (п. 2.1).

Если обобщить подходы к определению понятия управляемости, то его сущность заключается в способности субъекта управления воздействовать, а объекта управления – реагировать на эти воздействия через отношения между ними в существующей системе управления. Такая способность определяется совокупностью их свойств. Следовательно, управляемость и регулируемость – это системное свойство субъектов, объектов управления и их отношений в системе управления. Но управляемость – это системное свойство субъекта и объекта управления через существующие отношения достигать целевых параметров управления. Тогда *регулируемость – это системное свойство субъекта и объекта управления через существующие отношения поддерживать целевые параметры в рамках допустимых отклонений.*

Очевидно, что объектом управления и регулирования являются свойства вещей и их отношений. С философской точки зрения, они могут быть

одинаковыми и не одинаковыми, где существуют прямо противоположные контрарные свойства, а остальные – противоположные контрадикторные свойства, которые имеют другую направленность (рисунок 2.5). Эти свойства системные, поскольку взаимосвязаны со свойствами субъекта управления. Отсюда – разная управляемость и регулируемость свойств вещей и их отношений.

Системные свойства субъекта и объекта управления поддерживать целевые параметры управления в рамках допустимых отклонений разные. В первом случае системные свойства определяют меру способности воздействовать на объект управления, а во втором – реагировать на эти воздействия. Отсюда целесообразно различать соответствующие составляющие регулируемости. С точки зрения марксистской философии, вполне логично, что в системе управления социально-экономической системой они взаимосвязаны отношениями объекта и субъекта управления как базис и надстройка. В процессе управления и регулирования надстройка воздействует на базис через их отношения. В результате изменяются свойства базиса, которые определяют свойства надстройки. Тем не менее, существует временной лаг между изменением их свойств. Поэтому возникает частичное несоответствие свойств надстройки и базиса и противоречие в их отношениях.

В социально-экономической системе субъект и объект управления являются системными образованиями как управляющая и управляемая системы. В силу парадокса относительности социальных систем в них также существуют отношения базиса и надстройки, где содержатся социально-экономические противоречия. В любом случае в процессе управления они разрешаются в той или иной мере в результате воздействия управляющей системы на отношения между элементами управляемой системы. Очевидно, что отношения противоположностей в системе управления социально-экономической системой являются объектом, а социально-экономические противоречия – предметом регулирования.

Теоретически отсутствие противоречий, как и их сверхкритическое обострение, разрушает любую естественную систему, то есть существуют

критические границы обострения противоречий, в пределах которых происходит развитие системы. Тогда *регулируемость социально-экономических противоречий определяется способностью управляющей и управляемой систем не допускать их выхода за критические границы.*

Разрешение противоречий может быть разным. Это зависит от свойств как управляющей, так и управляемой системы. Свойства управляющей системы определяют характер воздействия, а управляемой – характер реагирования. Очевидно, что воздействие и реагирование может быть полным или частичным, прямым или косвенным, то есть опосредствованным через другие элементы и отношения управляющей и управляемой системы соответственно. В зависимости от этих критериев целесообразно определять меру регулируемости противоречий как высокую, среднюю и низкую (таблица 2.1).

Таблица 2.1. – Критерии и мера регулируемости противоречий [составлено автором]

Характер воздействия субъекта управления и реагирования объекта управления	Частичное	Полное
прямое	средняя	высокая
косвенное	низкая	средняя

В социально-экономической системе объектом управления выступает базисная управляемая социально-экономическая система, а субъектом управления – надстроечные управляющие политическая и культурная системы. Но в силу парадокса относительности социальных систем надстроечные управляющие системы существуют и в базисной социально-экономической системе, где управляемой является экономическая система (рисунок 2.2). В любом случае индивиды управляющей и управляемой системы взаимосвязаны определенными социально-экономическими отношениями, где объективно существуют соответствующие противоречия. Эти социально-экономические противоречия конкретизируют предмет регулирования в социально-экономической системе.

В социально-экономической системе базисными являются производственные социально-экономические противоречия, которые изначально возникают на микроуровне ее организации. Они включают взаимосвязанные с системой производительных сил технико-экономические, организационно-экономические противоречия и противоречия в отношениях экономической собственности (рисунок 2.8). Очевидно, мера их разрешения зависит от направленности противоположностей как свойств элементов системы производительных сил, которые определяют свойства производственных отношений.

Вещное содержание системы производительных сил составляют средства производства, их собственники и наемные работники как производители экономических благ. Контрарные и контрадикторные противоположные свойства элементов производительных сил определяют соответствующие противоречивые свойства технико-экономических, организационно-экономических отношений и отношений экономической собственности. Техничко-экономические, организационно-экономические противоречия между собственниками средств производства являются контрадикторными. Контрарным противоречием является основное социально-экономическое противоречие между интересами наемных работников и собственников средств производства по поводу распределения добавленной стоимости, основными элементами которой выступают оплата труда и прибыль (рисунок 2.8). Очевидно, с использованием критериев регулируемости (таблица 2.1) имеет смысл определить регулируемость этих социально-экономических противоречий на микро-, мезо- и макроуровне управления.

Здесь следует отметить, что в базисной социально-экономической системе технико-экономические противоречия возникают по поводу производства товаров и услуг, а противоречия в отношениях экономической собственности – по поводу распределения добавленной стоимости в системе производительных сил. Организационно-экономические противоречия возникают по поводу организации производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг в системе потребительных сил, где производительные силы являются их частью.

На микроуровне управления базисной социально-экономической системой надстроечную управляющую систему образуют субъекты управления организацией. Ими могут быть как собственники средств производства, так и индивиды, которым полностью делегировано право распоряжения и частично пользования экономической собственностью. В любом случае они могут полностью и прямо воздействовать на технико-экономические и организационно-экономические отношения и соответствующие противоречия, то есть их регулируемость на этом уровне управления высокая. Вполне логично, что на мезо- и макроуровнях субъекты управления могут лишь частично и косвенно воздействовать на них, то есть регулируемость технико-экономических и организационно-экономических противоречий в этом случае низкая (таблица 2.2).

Таблица 2.2 – Регулируемость социально-экономических противоречий
[составлено автором]

Отношения и противоречия	Уровень управления		
	микро	мезо	макро
Технико-экономические	высокая	низкая	низкая
Организационно-экономические	высокая	низкая	низкая
Между собственниками средств производства и наемными работниками (основное социально-экономическое противоречие)	низкая	низкая	средняя
Между собственниками средств производства	средняя	низкая	средняя

Что касается основного социально-экономического противоречия, то на микроуровне субъекты управления могут прямо воздействовать на отношения между собственниками средств производства и наемными работниками. Но прямой целью собственников средств производства является получение прибыли. Тогда оплату труда наемных работников можно рассматривать как косвенную цель субъектов управления, где ее минимальный уровень прямо устанавливается на макроуровне. Следовательно, на микроуровне управления это противоречие имеет низкую степень регулируемости, а на макроуровне – среднюю. Очевидно, что на мезоуровне субъекты управления могут воздействовать на отношения

собственников средств производства и наемных работников только косвенно и частично, то есть регулируемость основного социально-экономического противоречия на этом уровне управления низкая (таблица 2.2).

На микроуровне управления отношения между собственниками средств производства по поводу распределения прибыли регулируются прямо и частично, поскольку они прямо, но не полностью, регламентируются законодательством на макроуровне. То есть на микро- и макроуровнях управления существующие противоречия в таких отношениях экономической собственности имеют среднюю степень регулируемости. Очевидно, что на мезоуровне субъекты управления на эти отношения могут воздействовать только косвенно и частично. То есть регулируемость соответствующих социально-экономических противоречий на этом уровне управления низкая (таблица 2.2).

Вполне очевидно, что такое измерение регулируемости социально-экономических противоречий несколько утрировано, поскольку каждая их составляющая представляет собой соответствующую систему внутренних противоречий с разной степенью регулируемости. Кроме того, регулируемость не означает, что в реальности управляющая система в полной мере в границах возможного будет регулировать эти противоречия, а управляемая система реагировать на такие воздействия. Это зависит от интересов индивидов, которые их образуют.

Тем не менее, полученные результаты позволяют утверждать, что *среди социально-экономических противоречий наибольшую регулируемость на микроуровне управления имеют технико-экономические и организационно-экономические противоречия, а основное социально-экономическое противоречие – на макроуровне управления. Противоречия между собственниками средств производства в наибольшей степени могут регулироваться как на макро-, так и микроуровне управления.*

Обострение социально-экономических противоречий как движущей силы развития социально-экономической системы выводит ее из равновесного состояния, которое может выйти за критические пределы допустимых

отклонений. Это обуславливает необходимость регулирования, а, следовательно, и измерения социально-экономических противоречий.

Выводы к главе 2

Понятия управления и самоуправления, когда субъект и объект управления совпадают, не применимы к системе реальной действительности, которую образует организованная совокупность вещей и отношений, поскольку управление предусматривает реализацию функций управления. Управления и самоуправления свойственны только организациям индивидов, образующих различные социальные системы, в том числе и человеческое общество.

Сущность регулирования как части процесса управления системой заключается в поддержании ее равновесного состояния в пределах допустимых отклонений. При этом социальной системе свойственно явление саморегулирования, происходящего без вмешательства индивидов. Оно объективно, если саморегулирование осуществляется посредством объективных законов, устанавливающих закономерности в отношениях между элементами системы. Это определяет сущность механизма объективного саморегулирования.

Социальной системе также свойственно явление субъективного саморегулирования, поскольку изначально инстинктивные и рефлексивные способы (методы) и инструменты их реализации формально и неформально устанавливаются индивидами. Но такое явление возможно, если механизм субъективного саморегулирования не противоречит объективным законам и закономерностям. Это обуславливает его взаимосвязь с объективным саморегулированием, выступающим формой проявления механизма регулирования, который образует совокупность формальных и неформальных инстинктивных и рефлексивных способов (методов) и инструментов их реализации.

Организация системы управления социальной системой представляет собой иерархически взаимосвязанные посредством функционально-целевых механизмов надстроечные управляющие политические, культурные системы и базисную управляемую социально-экономическую систему, где объективно существует собственная управляемая базисная экономическая и управляющие политическая и культурная системы. Политическая система является господствующей в иерархии надстроечных отношений с культурной системой и отношений с базисной системой.

Управление социальной системой – это принципиальный процесс субъективного выбора индивидами институций управления комплекса экономических, политических и культурных социально-целевых параметров, определения и достижения их заданных значений посредством функционально-целевых механизмов, которые как институты управления в виде формальных и неформальных методов и инструментов обеспечивают прямую и обратную связь с управляемыми институциями и институтами.

Сущность регулирования как части процесса управления заключается в поддержании равновесного состояния социально-экономической системы в пределах допустимых отклонений ее экономических, политических и культурных социально-целевых параметров. Субъективное саморегулирование является формой регулирования, происходящей без вмешательства субъекта управления.

В реальной действительности субъективное саморегулирование диалектически взаимосвязано с объективным саморегулированием состояния социально-экономической системы. Их единство следует из интегративной целостности системы реальной действительности. В их отношениях существует противоречие, возникающее в результате действий индивидов, приводящих к отклонению от состояния равновесия не только социально-экономическую систему, но и другие естественные системы реальной действительности. Очевидно, что противоречия существуют и в отношениях индивидов. В любом случае – это социальные противоречия.

Противоречие – это системное свойство отношений противоположностей,

которые являются источником движения, а противоречия в их отношениях выступают движущей силой развития систем в реальной действительности. В реальной действительности существуют внешние противоположности и противоречия свойств вещей и их отношений и внутренние – в отношениях вещи к самой себе. Противоположности определяются свойствами вещей, где контрарные свойства вещей являются прямо противоположными, а остальные, не одинаковые свойства, – контрадикторными противоположностями. Они определяют соответствующие противоречия в отношениях между вещами, где наиболее значимы контрарные противоречия.

Социальное противоречие – это системное свойство отношений социальных противоположностей как парных взаимоотрицающих свойств элементов социальной системы. Они могут быть внутренним и внешним, контрарным и контрадикторным и отличаются по выполняемым индивидами функциям. Остальные противоречия существуют в отношениях индивидов с другими вещными формами бытия сущего. Интересы как свойства индивидов мотивируют их потребности в обеспечении жизнедеятельности. Разнонаправленные интересы индивидов являются социальными противоположностями, а результаты их единства и борьбы – социальными противоречиями.

Отличительным критерием социальной системы человеческого общества от других социальных систем живых форм бытия сущего, обладающих в той или иной мере сознанием, является наличие социально-экономических отношений по поводу воспроизводства экономических благ. В этих отношениях объективно существуют соответствующие противоречия как внутри базисной социально-экономической системы, так и в ее отношениях с надстроечной политической и культурной системами, где существуют свои отношения и социальные противоречия. Они отличаются, и возможность их регулирования разная.

В системе потребительных сил существуют производственные и непроизводственные отношения и соответствующие противоречия. Главной движущей силой развития социально-экономической системы являются производственные социально-экономические противоречия. Они объективно

существуют в системе отношений производительных сил между средствами производства, их собственниками и наемными работниками по поводу воспроизводства экономических, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ. Непроизводственные социально-экономические отношения возникают вне сферы производства по поводу распределения, обмена и потребления экономических и неэкономических благ.

Наемные работники и остальные индивиды социальной системы являются элементами системы потребительных сил. Социально-экономические противоречия, которые существуют между их интересами индивидов по поводу удовлетворения собственных потребностей, являются источником всех социальных противоречий.

Для развития социально-экономической системы наиболее значимо социально-экономическое противоречие между интересами наемных работников и собственников средств производства по поводу распределения оплаты труда и прибыли в добавленной стоимости соответственно. Это контрарное противоречие в системе производительных сил является основным социально-экономическим противоречием. Контрадикторными являются противоречия в отношениях экономической собственности между собственниками средств производства, а также технико-экономические и организационно-экономические противоречия.

Возможность регулирования социально-экономических противоречий зависит от системных свойств управляющей и управляемой систем через их отношения поддерживать целевые параметры управления в рамках допустимых отклонений. Это определяет сущность понятия регулируемости, где свойства управляющей системы определяют характер воздействия, а управляемой – характер реагирования. Критериями их измерения являются полное и частичное, прямое и косвенное воздействие и реагирование. В зависимости от их сочетания регулируемость социальных противоречий может быть высокой, средней и низкой.

Регулирование социально-экономических противоречий в той или иной степени осуществляется на микро-, мезо- и макроуровнях управления. В

наибольшей степени регулировать основное социально-экономическое противоречие можно только на макроуровне управления, а технико-экономические и организационно-экономические противоречия – на микроуровне. Противоречия между собственниками средств производства в наибольшей степени могут регулироваться как на макро- так и микроуровне управления.

Социально-экономические противоречия, как движущая сила развития обуславливают состояние социально-экономической системы. Их обострение выводит ее из равновесного состояния, которое может выйти за пределы допустимых отклонений. Это обуславливает необходимость регулирования, а, следовательно, и измерения социально-экономических противоречий.

Полученные научные результаты опубликованы в работах [205; 206, 208, 215; 218; 219; 222; 224].

ГЛАВА 3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК МЕРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

3.1. Эффект и результат в социально-экономической системе

В научной и справочной литературе понятие эффекта часто путают с понятием «результат». Например, в «Толковом словаре русского языка» эффект – это результат чего-нибудь, следствие чего-нибудь. Такое толкование практически не отличается от определения результата – то, что получено в завершение какой-нибудь деятельности, работы, итог чего-нибудь, следствие чего-нибудь [155]. Некоторые исследователи, опираясь на подход П. Друкера [59], эффект рассматривают как разницу между базовым и достигнутым результатами [23; 41; 131]. В любом случае результат – это не эффект. Очевидно, для разграничения этих понятий необходим соответствующий критерий.

В реальной действительности результат является следствием взаимоотношений вещей. С точки зрения диалектики он имеет количественную и качественную составляющие. Очевидно, что в первом случае он зависит от количества вещей, участвующих в процессе его получения, а во втором – от свойств их отношений, которые определяются свойствами вещей (п. 1.1). В стандартах ISO серии 9000:2000 результатом какого-либо процесса является продукция [52, с. 16]. Таким образом, объем продукции определяет количество вещей, участвующих в ее получении.

В стандартах ISO серии 9000:2000 понятия эффекта нет, но есть толкование эффективности как «связи между достигнутым результатом и использованными ресурсами» [52, с. 22]. Вполне логично, что количество использованных ресурсов или затраты ресурсов зависят от свойств вещей и их отношений. Очевидно, они качественно определяют результат как эффект, полученный с

использованием ресурсов. Их стоимость переносится на стоимость продукции как результата какого-либо процесса [80; 97; 234]. Следовательно, затраты ресурсов являются критерием разделения понятий результата и эффекта.

Подход к разделению понятий результата и эффекта, результативности и эффективности на основе критерия «затраты ресурсов» корректен применительно к социально-экономической системе. Ее образует совокупность индивидов, связанных социально-экономическими отношениями по поводу воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ (п. 1.2). Поскольку социально-экономической системе присуще расширенное воспроизводство, то *результатом* ее функционирования и развития являются экономические блага, полученные в процессе их расширенного воспроизводства. Тогда *эффект* – это результат функционирования и развития социально-экономической системы за вычетом затрат ресурсов, обеспечивших его получение.

Если структуру социально-экономической системы рассматривать как совокупность экономической и социальной сфер, то в экономической сфере формируются отношения для производства экономических благ. В социальной сфере формируется уровень жизни индивидов, зависящий от удовлетворения их закономерно развивающихся потребностей за счет потребления экономических благ. Отсюда появляется необходимость разделения понятий экономического и социального результата и, следовательно, экономического и социального эффекта.

Экономические блага производятся и затем потребляются. Разница между произведенными и потребленными экономическими благами определяет их запас. Его формирование объективно в силу действия закона спроса и предложения. Экономические блага потребляются индивидуально и неиндивидуально. Неиндивидуальное потребление – это производственное потребление экономических благ. В СНС 2008 это определяется как промежуточное потребление, которое не является социальным результатом. Производство реализованных экономических благ промежуточного и конечного использования

является *экономическим результатом*. *Социальный результат* – это потребленные экономические блага конечного использования. Очевидно, только они имеют значение для достижения главной цели социально-экономической системы – удовлетворения закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей.

Производство экономических благ обеспечивают затраты производственных ресурсов (трудовых, материальных и нематериальных). Стимулом к производству является прибыль, которая образуется только после реализации произведенных экономических благ промежуточного и конечного использования за вычетом из дохода от их реализации затрат ресурсов на их производство. Прибыль определяет экономический эффект в сфере производства. Тогда *экономический результат производства* – это реализованные экономические блага промежуточного и конечного использования, а *экономический эффект* – это разница между доходом от их реализации и затратами ресурсов на их производство.

На потребление экономических благ затрачиваются ресурсы индивидов. Оставшаяся часть ресурсов накапливается в виде сбережений. Тогда, по аналогии с экономическим эффектом, *социальный эффект* определяет сберегаемая часть ресурсов индивидов, оставшаяся после их затрат на потребление экономических благ конечного использования. Экономические и социальные результаты и эффекты взаимосвязаны диалектикой отношений производства и потребления экономических благ (рисунок 3.1).

Поскольку экономические блага выражаются в разных натуральных измерителях, то для их оценки используются стоимостные единицы. Поэтому экономический результат в стоимостном выражении определяется доходом от реализации экономических благ промежуточного и конечного использования, а экономический эффект – чистой прибылью, которая остается после вычета из него затрат ресурсов и налогов на прибыль и производство. Социальный результат определяется стоимостью экономических благ конечного назначения, а

социальный эффект – сберегаемой частью ресурсов индивидов, оставшейся после затрат на их конечное потребление.

Рисунок 3.1 – Взаимосвязь экономического и социального результатов и экономического эффекта в социально-экономической системе [составлено автором]

В СНС 2008 ресурсы индивидов идентифицируются как располагаемый доход домашнего хозяйства, которое они образуют. На стадии производства изначальными источниками формирования располагаемого дохода работающих индивидов как наемных работников является оплата труда. Она содержит в себе следующие основные компоненты: заработную плату, выплачиваемую в

денежной или натуральной форме; отчисления на социальное страхование, вносимые работодателями, включая отчисления в программы социального обеспечения; фактические отчисления в другие программы социального страхования, связанные с занятостью, и условно исчисленные отчисления в другие программы социального страхования, связанные с занятостью [237, с. 155].

Основным источником формирования располагаемого дохода частных собственников средств производства, как работающих, так и неработающих, является потребляемая часть чистой прибыли. Она остается после формирования капитализируемой ее части и отчислений налогов и сборов от осуществления хозяйственной деятельности в государственный бюджет. Эти налоги и сборы, а также потребляемая часть чистой прибыли от государственной собственности на средства производства являются основными источниками формирования государственного бюджета.

Независимо от формы собственности на средства производства из потребляемой части чистой прибыли могут осуществляться дополнительные выплаты наемным работникам, которые входят в оплату их труда. Оплата труда является первичным источником формирования доходов наемных работников [237, с. 145] и включает заработную плату и отчисления на социальное страхование в различные социальные фонды, из которых наибольший удельный вес приходится на пенсионный фонд. Часть заработной платы отчисляется в государственный бюджет в виде налогов на доходы, имущество и т. д. Оставшаяся часть образует располагаемый доход наемных работников в виде располагаемой заработной платы, который остается после уплаты налогов на доходы и имущество.

В СНС 2008 располагаемый доход индивидов, образующих домашнее хозяйство, интерпретируется как максимальная сумма, которую они «могут позволить себе израсходовать на потребительские товары и услуги в отчетном периоде, не прибегая к финансированию этих расходов за счет сокращения своих денежных активов, реализации других финансовых или нефинансовых активов

либо увеличения своих обязательств» [237, с. 181]. Источником располагаемого дохода индивидов также являются социальные выплаты (пенсии, пособия, стипендии, страховые и другие социальные выплаты) из государственного бюджета и социальных фондов. Располагаемый доход индивидов образуется и за счет доходов от собственности (от операций с личным имуществом и накоплений в финансово-кредитной сфере) и прочих доходов после уплаты соответствующих налогов и отчислений в государственный бюджет.

В социально-экономической макросистеме, согласно методологии СНС 2008, доход от реализации произведенных товаров и услуг учитывается валовым внутренним продуктом (ВВП): «Это сумма валовой добавленной стоимости всех резидентов-производителей в основных ценах плюс часть налогов на продукты (а возможно, весь итог) за вычетом субсидий на продукты, которая не включена в оценку выпуска. Валовая добавленная стоимость представляет собой разность между выпуском и промежуточным потреблением» [237, с. 37]. Очевидно, ВВП является экономическим результатом социально-экономической макросистемы. В него входит оплата труда наемных работников, валовая прибыль и валовой смешанный доход, а также налоги на производство и импорт, за исключением субсидий на продукты и производство.

Понятие валовой прибыли не совсем корректно для некорпорированных предприятий, принадлежащих домашним хозяйствам, поскольку содержит в себе элемент вознаграждения за работу, который не может быть отделен от дохода владельца или предпринимателя. В этом случае валовая прибыль называется валовым смешанным доходом [237, с. 146]. «На практике считается, что смешанный доход получают все принадлежащие домашним хозяйствам некорпорированные предприятия, которые не являются квазикорпорациями, за исключением владельцев жилых помещений, выступающих в качестве производителей жилищных услуг для собственного конечного потребления, а также домашних хозяйств, которые сдают в аренду жилые помещения или пользуются услугами наемной оплачиваемой домашней прислуги» [237, с. 147]. В связи с этим целесообразно использование понятия валовой прибыли, в

которую входит валовой смешанный доход.

В СНС 2008 некорпорированное предприятие, которое, «функционирует так же, как если бы оно было отдельной корпорацией», называется квазикорпорацией [237, с. 74]. Корпорации – это «институциональные единицы, которые могут производить прибыль или другие финансовые выгоды для их собственников; признаны законом как юридические лица, отдельные от их собственников, которые имеют ограниченные обязательства; учреждены для участия в рыночном производстве» [237, с. 73].

Налоги на производство и импорт «состоят из налогов на продукты и других налогов на производство. Налоги на продукты включают налоги на товары и услуги, уплачиваемые в связи с их производством, продажей, трансфертом, арендой или поставкой товаров и услуг, либо в связи с их использованием для собственного потребления или накопления. Другие налоги на производство состоят, в основном, из налогов на владение или использование в производстве, земли, а также налогов на рабочую силу или на фонд оплаты труда работников» [237, с. 509].

Экономический эффект как чистую прибыль можно определить путем вычитания из валовой прибыли затрат на производство, кроме оплаты труда наемных работников, и текущих налогов на доходы, имущество и т.д. Затраты на производство «представляют собой сумму промежуточного потребления, оплаты труда, потребления основного капитала и (других) налогов на производство. ... В затраты на производство включается доход на капитал. Субсидии на производство не вычитаются» [237, с. 509]. «Текущие налоги на доходы, имущество и т.д. включают, главным образом, налоги на доходы домашних хозяйств или прибыль корпораций и налоги на имущество, которые подлежат регулярной уплате в течение каждого периода сбора налогов (в отличие от капитальных налогов, обложение которыми происходит нерегулярно)» [237, с. 178].

Поскольку любая социально-экономическая система является открытой, то существуют внешние источники формирования доходов [101]. В социально-экономической макросистеме государства это доходы его резидентов из-за

рубежа. Доходы в макросистеме государства получают и нерезиденты, и которые, соответственно, выплачиваются за рубеж. Резидентами и нерезидентами могут быть как физические, так и юридические лица. Их доходы формируются из оплаты труда наемных работников и потребляемой части чистой прибыли как за рубежом, так и внутри макросистемы государства.

Сумма ВВП и доходов резидентов страны из-за рубежа за вычетом доходов нерезидентов, выплаченных за рубеж, образует валовой национальный доход (ВНД). В различной форме он распределяется между государством и домашними хозяйствами. Часть располагаемого дохода домашних хозяйств тратится на конечное потребление товаров и услуг, а другая – сберегается [1]. Расходы домохозяйств на конечное потребление «состоят из расходов на потребительские товары или услуги. Наряду с покупками потребительских товаров и услуг, включают условно оцененную их стоимость, полученную по бартеру и в натуральной форме, а также товары и услуги, произведенные и потребляемые одним и тем же домашним хозяйством. Не включается стоимость товаров и услуг, если они были приобретены не для собственного потребления» [237, с. 214]. Очевидно, что расходы домашних хозяйств на конечное потребление определяют социальный результат в стоимостном выражении.

В социально-экономической макросистеме, по аналогии с экономическим эффектом, сбережения из располагаемого дохода индивидов образуют *социальный эффект*. Вместе со сбережениями государства Дж. М. Кейнс рассматривал их в качестве основного источника чистых внутренних инвестиций. В СНС 2008 они определяются как сумма ресурсов на создание основного и оборотного капитала за минусом амортизации. Внутренние инвестиции осуществляются за счет собственных ресурсов социально-экономической системы [237]. Дж. М. Кейнс доказал, что с увеличением инвестиций растет занятость и выпуск товаров и услуг [85].

Таким образом, согласно методологии СНС 2008, в социально-экономической макросистеме формируются экономические и социальные результаты (рисунок 3.2).

Рисунок 3.2 – Упрощенная схема формирования экономического и социального результатов и эффектов [составлено автором]

В социально-экономических мезо- и микросистемах, согласно методологии бухгалтерского учета, *экономический результат* определяется чистым доходом, который образуется после отчислений из дохода от реализации товаров и услуг налогов и сборов на производство и импорт, за исключением субсидий на продукты и производство. *Экономический эффект* от реализации товаров и услуг определяется чистой прибылью. Она формируется после отчислений из чистого дохода от реализации товаров и услуг всех затрат на производство, в том числе заработной платы и отчислений на социальное страхование, а также налога на прибыль. *Социальный результат* определяется затратами на потребление товаров и услуг из начисленной заработной платы, которая остается в распоряжении наемных работников после отчислений налога на доходы, имущество и т.д. *Социальный эффект* определяется оставшейся, сбереженной частью начисленной заработной платы. Экономические и социальные результаты и эффекты взаимосвязаны с доходом от реализации товаров и услуг как основным источником их формирования (рисунок 3.3).

Рисунок 3.3 – Упрощенная схема формирования результата и эффекта в социально-экономической мезо- и микросистемах [составлено автором]

Таким образом, на стадии производства первичными источниками формирования располагаемого дохода индивидов являются начисленная заработная плата наемных работников и потребляемая часть чистой прибыли частных собственников средств производства экономических благ. На вторичной стадии распределения доходов такими источниками выступают социальные выплаты (рисунок 3.4).

Рисунок 3.4 – Основные источники формирования располагаемого дохода индивидов [составлено автором]

3.2. Эффективность результативности социально-экономической системы и ее взаимосвязь с социально-экономическими противоречиями

Критериями определения содержания понятий результативности и эффективности выступают соответственно понятия «результат» и «эффект», где разграничительным критерием являются затраты ресурсов (п. 3.1). В стандартах ISO серии 9000:2000 результативность определяется как «степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов» [52, с. 22]. Вполне очевидно, планируемые результаты являются целевыми, что свойственно только индивидам социальной системы. Чем больше степень достижения запланированного как целевого результата, тем выше результативность.

Но кроме планируемого результата, существуют максимально возможный и фактически достигнутый результаты [235]. Относительно времени они могут быть ретроспективными, но итог их сравнения во времени не является результатом, поскольку отражает только тенденцию в изменении его значения. Если исходить из стандарта ISO серии 9000:2000, где результатом является продукция, объем которой определяет количество вещей, участвующих в ее получении (п. 3.1), то их соотношение определяет содержание понятия результативности.

Итог сравнения результатов не является и эффектом, если отсутствует критерий «затраты ресурсов», которые качественно определяют результат как эффект, полученный с использованием ресурсов (п. 3.1). Это определяет содержание понятия эффективности. Например, в «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного эффективность определяется как «отношение эффекта, результата к затратам ресурсов, которые обеспечили этот результат [300, с. 508]. В стандартах ISO серии 9000:2000 эффективность определяется как соотношение достигнутых результатов и использованных ресурсов. В Современном экономическом словаре под эффективностью понимается «соотношение затрат ресурсов и получаемого при этом эффекта»

[177, с. 112]. С точки зрения относительности такие определения корректны, поскольку затраты ресурсов и эффект содержатся в результате.

Тем не менее, в научной литературе существуют неточности в определении результативности и эффективности социально-экономической системы [36; 60]. В некоторых случаях они отождествляются, а их виды смешиваются [10; 27]. Например, в «Современном экономическом словаре» нет толкования понятия результативности, но есть определение экономической эффективности. Это «результативность экономической деятельности, экономических программ и мероприятий, характеризуемая отношением полученного экономического эффекта, результата к затратам факторов, ресурсов, обусловившим получение этого результата» [177, с. 438].

В экономической литературе также встречаются некорректности по поводу определения видов результативности и эффективности. Например, в «Экономико-математическом словаре» Л.И. Лопатникова указывается, что в зависимости от того, какие результаты и затраты принимаются во внимание, следует разделять экономическую, социально-экономическую, социальную, экологическую эффективность, но они не конкретизированы. В результате вокруг них до сих пор ведутся активные дискуссии [297]. Например, в докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды развития отдельно выделяется экологическая эффективность, которую связывают с качеством окружающей среды [174].

Очевидно, что в качество окружающей среды входит не только качественное состояние таких жизненно необходимых природных ресурсов, как воздух и вода, но и качество потребляемых экономических благ. Тогда экологическая эффективность – составляющая социальной эффективности, критерием которой является социальный эффект. Социальная эффективность взаимосвязана с экономической, критерием которой выступает экономический эффект. Он формируется в сфере производства, которая прямо влияет на качество окружающей среды. Следовательно, экологическая эффективность является составляющей социально-экономической эффективности.

Если исходить из главной цели социально-экономической системы и методологии СНС 2008, ее количественным целевым результатом является произведенные и потребленные товары и услуги, полученные в процессе воспроизводства экономических благ. Свойства взаимоотношений индивидов качественно определяют этот результат, что характеризуется затратами ресурсов на его получение. Тогда результативность социально-экономической системы – это произведенные и потребленные товары и услуги, соотнесенные с соответствующим количеством индивидов, их производящих и потребляющих, а эффективность – это произведенные и потребленные товары и услуги, соотнесенные с соответствующими затратами ресурсов, обеспечивших их получение и потребление в процессе воспроизводства экономических благ [27]. Здесь возникает неясность в определении видов результативности и эффективности. Очевидно, их следует различать, исходя из диалектики отношений сферы производства и потребления товаров и услуг, где формируется экономический результат производства и социальный результат потребления (рисунок 3.5).

Исходя из этих критериев, возникает необходимость выделения соответствующих видов результативности социально-экономической системы. *Экономическая результативность* – это соотношение реализованных товаров и услуг с численностью индивидов, занятых их производством, а *социальная результативность* – это соотношение товаров и услуг конечного использования с численностью индивидов, их потребивших.

На производство реализованных товаров и услуг затрачиваются трудовые, материальные и нематериальные ресурсы [229; 273]. Разница между ними в стоимостном выражении определяет экономический эффект. Его критерием выступает полученная в процессе расширенного воспроизводства прибыль как синтетический результат между доходами от реализации экономических благ и затратами ресурсов в стоимостном выражении. Тогда *экономическая эффективность* – это соотношение доходов от реализации товаров и услуг и затрат ресурсов, обусловивших их производство.

Рисунок 3.5 – Понятия и критерии определения видов результативности и эффективности социально-экономической системы [составлено автором]

Социальная результативность формируется в сфере потребления, где существует промежуточное потребление для производства товаров и услуг конечного потребления. Среди конечных потребителей наиболее значимыми являются индивиды, образующие домашние хозяйства [132]. В соответствии с методологией СНС 2008 конечное потребление домохозяйств «является показателем стоимости приобретенных потребительских товаров и услуг, независимо от того, куплены ли они или получены в форме трансферта от единиц сектора государственного управления или некоммерческих организаций, обсуживающих домохозяйства (НКОДХ), и использованных домашними хозяйствами для удовлетворения их потребностей или желаний» [237, с. 208]. Доля домашних хозяйств в структуре конечного потребления товаров и услуг наибольшая [168]. Тогда сбережения их индивидов, которые зависят от располагаемого дохода и затрат на потребление, определяют социальный эффект. Таким образом, *социальная эффективность – это уровень затрат на конечное потребление товаров и услуг в располагаемом доходе индивидов.*

Любая социально-экономическая система не является замкнутой системой. Поэтому ее социальная и экономическая результативности и эффективности взаимосвязаны [56; 90], начиная от микро- и заканчивая макроформой ее организации. Результативность и эффективность социально-экономических микросистем организаций определяет результативность и эффективность их отраслевых мезосистем, от которых, в свою очередь, зависит результативность и эффективность социально-экономической макросистемы государства, и наоборот (рисунок 3.6).

В реальной действительности комбинации экономической и социальной эффективностей и результативностей могут быть разными. Это объективно в силу разнообразия свойств индивидов, неживых форм вещей и их отношений, которые образуют социально-экономические системы.

Социально-экономическая система всегда результативна, поскольку экономическим результатом ее функционирования являются произведенные и реализованные товары и услуги промежуточного и конечного потребления, а социальным результатам – товары и услуги конечного потребления (п. 3.1).

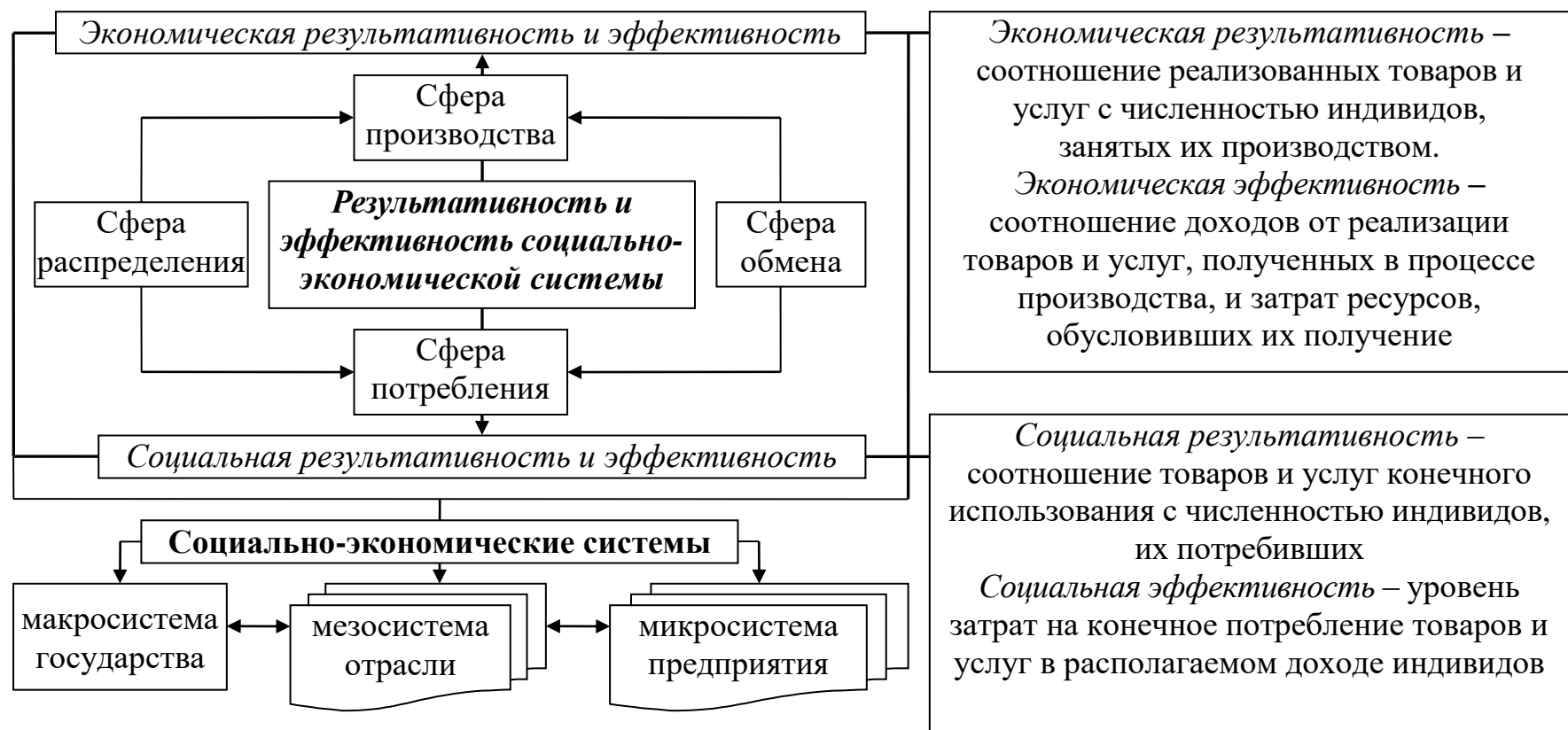

Рисунок 3.6 – Взаимосвязь экономической и социальной результативности и эффективности социально-экономических систем [составлено автором]

В силу объективности процесса их расширенного воспроизводства результативность социально-экономической системы в долгосрочном периоде закономерно растет. Это подтверждается ростом не только мирового ВВП на душу населения, но и отдельных стран, например, Евросоюза, Российской Федерации и Республики Беларусь (рисунок 3.7). Тем не менее, развитие может быть разным – от регрессивного до прогрессивного. Это объективно зависит от качества функционирования и развития социально-экономической системы. Очевидно, оно характеризуется ее эффективностью, которая является синтетической характеристикой результативности и затрат [109]. Следовательно, эффективность косвенно является и количественной характеристикой функционирования и развития социально-экономической системы. Отсюда возникает целесообразность понятия *«эффективность результативности социально-экономической системы»*.

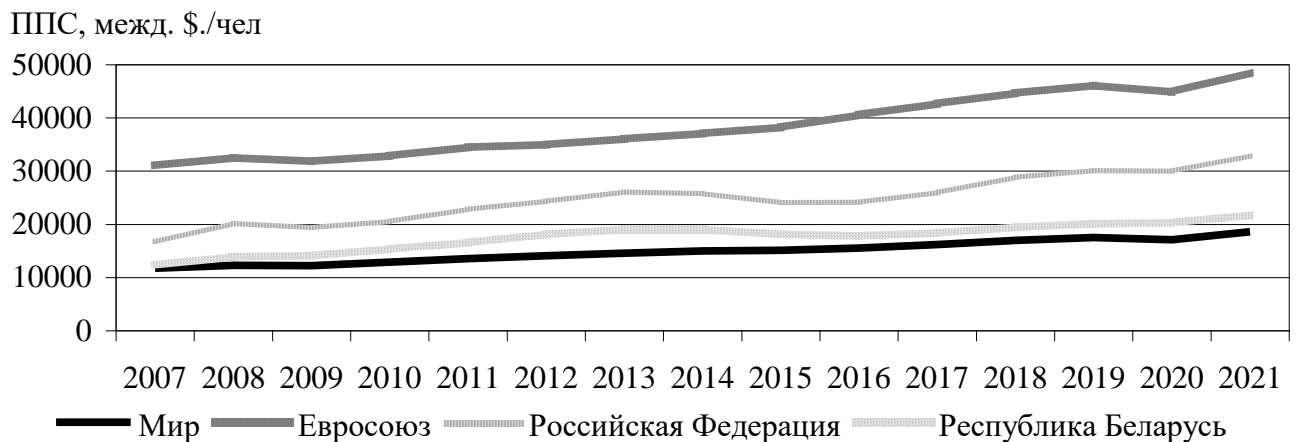

Рисунок 3.7 – Динамика среднедушевого ВВП в мире и отдельных стран [составлено автором по данным [316]]

Увеличение и повышение качества товаров и услуг закономерно вследствие объективности процесса расширенного воспроизводства. Этот процесс становится экономически эффективным, если затраты ресурсов на производство реализованных товаров и услуг в стоимостном выражении меньше, чем их стоимость. Это обуславливает взаимосвязь понятий экономической

результативности и эффективности социально-экономической системы и целесообразность их синтеза в понятие *«экономическая эффективность результативности социально-экономической системы»*.

Стимулом к производству является не только потребительский спрос на товары и услуги, но и интересы производящих их индивидов. Здесь на первое место выходят интересы собственников средств производства. Они определяются прибылью от производства и реализации товаров и услуг как разница между их стоимостью и стоимостью затрат ресурсов [35; 83]. Прибыль является критерием экономической эффективности и зависит от спроса потребителей, который определяется объемом реализованных им товаров и услуг, что, в свою очередь, выступает критерием экономической результативности (п. 3.1). Поэтому *экономическим критерием эффективности результативности социально-экономической системы является прибыль от производства и реализации товаров и услуг*.

Реализованные товары и услуги конечного потребления являются критерием социальной результативности. Стимулом к потреблению товаров и услуг выступает рост доходов индивидов. В результате увеличиваются их затраты на конечное потребление товаров и услуг. Оставшаяся часть доходов сберегается. Она выступает критерием социальной эффективности (п. 3.1). Это обуславливает взаимосвязь социальной результативности и эффективности социально-экономической системы и целесообразность их синтеза в понятие *«социальная эффективность результативности социально-экономической системы»*. С ростом доходов индивидов увеличивается конечное потребление товаров и услуг и, таким образом, сберегаемая часть доходов. Поэтому *социальным критерием эффективности результативности социально-экономической системы является сберегаемая часть располагаемого дохода индивидов, которая остается после затрат на конечное потребление товаров и услуг*.

Объемы реализованных товаров и услуг, полученных в процессе производства, и объемы потребленных товаров и услуг конечного использования являются количественной характеристикой результата их воспроизводства.

Качественно этот процесс характеризует экономическая эффективность производства и социальная эффективность конечного потребления товаров и услуг. Вполне очевидно, что увеличение прибыли в результате роста производства и конечного потребления товаров и услуг связано с увеличением сберегаемой части располагаемого дохода индивидов. На этом основании эффективность результативности социально-экономической системы следует рассматривать как комплекс количественного и качественного результата воспроизводства товаров и услуг, соотнесенного с соответствующим количеством индивидов и затратами ресурсов, обусловившими их производство и потребление (рисунок 3.8).

Рисунок 3.8 – Экономическая и социальная эффективности результативности социально-экономической системы [составлено автором]

Главной целью функционирования и развития социально-экономической системы является удовлетворение закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей (п. 1.2). Они удовлетворяются за счет производства и потребления товаров и услуг. Этот процесс может происходить с различной результативностью и ее эффективностью, что зависит от свойств социально-экономических отношений, касающихся производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. Если свойства отношений определяют свойства вещей (п. 1.1), то свойства социально-экономических отношений

определяются свойствами ее вещественных элементов. Следовательно, эффективность результативности социально-экономической системы определяется свойствами ее элементов, где противоположные свойства вызывают противоречия в их отношениях (п. 2.2).

Если исходить из главной цели социально-экономической системы, то ее главными элементами являются индивиды как носители потребительной силы. Часть из них, которая занята производством товаров и услуг, вместе со средствами производства составляет производительные силы социально-экономической системы. Здесь возникают противоречия в технико-экономических, организационно-экономических отношениях и отношениях экономической собственности, где объективно существуют противоречия между интересами собственников средств производства, их интересами и интересами наемных работников (п. 2.3). В совокупности эти отношения являются формами развития системы производительных сил.

В системе производительных сил «технико-экономические отношения характеризуют вещественную форму их развития. ... Экономическая составляющая не определяется отношениями экономической собственности, а только определяет принадлежность этих отношений к экономической системе» [302, с. 617]. В технико-экономических отношениях противоречия возникают как между индивидами, производящими товары и услуги, так и между ними и средствами производства (рисунок 2.8). Очевидно, свойства этих отношений определяются профессиональными свойствами индивидов и техническими свойствами средств производства. Между индивидами технико-экономические противоречия возникают в результате разного уровня профессиональной подготовки, а между ними и средствами производства – в результате несоответствия уровня профессиональной подготовки техническому уровню средств производства [178].

От уровня технико-экономических противоречий зависит производительность труда. В «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного указывается, что она характеризует эффективность производства товаров и услуг. Но в этом процессе средства производства как таковые

производительности не имеют. Только в процессе взаимодействия с трудом возникает синергетическая производительная сила, которая и характеризуется производительностью труда [302, с. 117]. Она измеряется соотношением количества произведенных товаров и услуг с численностью индивидов, занятых их производством, то есть производительность труда характеризует и экономическую результативность. Следовательно, экономическая эффективность результативности социально-экономической системы зависит от уровня технико-экономических противоречий.

По этому поводу в экономической теории определяется закон роста производительности труда. Например, в «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного – это закон, который «отражает причинно-следственные связи между развитием производительных сил, с одной стороны, и обусловленного этим ростом количества произведенной продукции и услуг, улучшения их качества – с другой» [300, с. 549]. Но количественный рост произведенных товаров и услуг зависит не только от производительности труда. Он ограничивается потребительским спросом, зависящим, в свою очередь, от доходов индивидов, из которых они осуществляют затраты на конечное потребление. Оставшаяся часть является критерием социальной эффективности. Следовательно, от уровня технико-экономических противоречий также зависит и социальная эффективность результативности социально-экономической системы.

Первичными источниками формирования доходов индивидов являются оплата труда наемных работников, потребляемая часть чистой прибыли и налоги государства на производство и импорт, а также на доходы индивидов, производящих товары и услуги (рисунки 3.2 и 3.3). Из чистой прибыли капитализируемая часть тратится на количественное и качественное повышение технического уровня средств производства. Очевидно, чем больше таких затрат, тем выше технический уровень средств производства. Если профессиональный уровень подготовки индивидов, производящих товары и услуги, остается прежним, то технико-экономические противоречия обостряются.

Оплата труда наемных работников является наиболее значимой частью доходов индивидов социально-экономической системы. Вторыми по степени

значимости выступают социальные выплаты индивидам из государственного бюджета, где налоговые поступления от производства и с доходов индивидов составляют его наибольшую часть (п. 3.1). В любом случае величина прибыли и других источников формирования доходов индивидов зависит от производительности труда. Таким образом, утверждение в «Экономической энциклопедии» [302, с. 617], что экономическая составляющая технико-экономических отношений не определяется отношениями экономической собственности, некорректно. В данном случае эта составляющая характеризует взаимосвязь технических отношений и отношений экономической собственности.

Распределение чистой прибыли на потребление и капитализацию определяется собственниками средств производства или индивидами, которым делегировано право распоряжения собственностью. По этому поводу между собственниками средств производства возникает противоречие в отношениях экономической собственности. Но в этих отношениях основным является контрастное противоречие между интересами собственников средств производства и интересами наемных работников. Оно возникает по поводу распределения добавленной стоимости между прибылью и оплатой труда (п. 2.3).

Прибыль выступает критерием экономической эффективности, а располагаемый доход индивидов – критерием социальной эффективности. В результате экономическая и социальная эффективности результативности социально-экономической системы связаны с технико-экономическими отношениями и отношениями экономической собственности, а, следовательно, и с соответствующими противоречиями в этих отношениях по поводу распределения располагаемого дохода между индивидами. Чем ниже уровень противоречий, тем выше экономическая и социальная эффективности результативности социально-экономической системы, и наоборот.

В «Экономической энциклопедии» под редакцией С.В. Мочерного указывается, что технико-экономические отношения и отношения экономической собственности возникают в системе производительных сил. Организационно-экономические отношения являются промежуточным звеном между этими видами отношений и организационной формой развития производительных сил

[301, с. 643]. В экономической теории эти отношения связывают с необходимостью организации производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг.

В теории управления организация – это функция менеджмента, которая реализуется в совокупности с функциями планирования, мотивации и контроля. Вполне логично, что они реализуются в процессе производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. Следовательно, организационно-экономические отношения возникают при управлении этим процессом. В этом процессе в той или иной мере участвуют все индивиды социально-экономической системы. Все они являются потребителями товаров и услуг конечного использования, в том числе наемные работники и собственники средств производства, которые производят товары и услуги не только конечного, но и промежуточного потребления, используемого в процессе производства. Следовательно, наемные работники и собственники средств производства являются не только производителями, но и потребителями товаров и услуг «валового» потребления.

Наемные работники и собственники средств производства между собой и средствами производства взаимосвязаны технико-организационными, организационно-экономическими отношениями и отношениями экономической собственности (рисунок 2.8). Следует отметить, что в сфере производства отношения экономической собственности возникают для присвоения объектов экономической собственности. Таковыми являются средства производства и произведенные товары и услуги, где добавленная стоимость в доходе от их реализации распределяется между оплатой труда наемных работников, прибылью собственников средств производства и налогами государства на производство и импорт (п. 2.3).

Производственные отношения возникают непосредственно в процессе производства товаров и услуг «валового» потребления, использования товаров и услуг промежуточного потребления, а также первичного распределения доходов от их реализации в процессе обмена (п. 3.1). Насколько экономически результативен и эффективен «валовой» выпуск товаров и услуг, зависит не только

от объема их реализации, количества занятых их производством и затрат на производство. Вполне очевидно, что экономическая результативность и эффективность выпуска товаров и услуг зависит от управления их производством, где также происходит прямое или косвенное распределение, обмен и потребление товаров и услуг. Следовательно, экономическая эффективность результативности также зависит от организационно-экономических отношений.

Организационно-экономические отношения возникают и вне сферы производства. Это отношения между наемными работниками, собственниками средств производства и остальными потребителями по поводу распределения, обмена и использования товаров и услуг конечного использования. Объем их потребления, количество индивидов и их затраты на конечное потребление определяют социальную эффективность результативности социально-экономической системы. Очевидно, что эта социальная характеристика зависит от организационно-экономических противоречий, которые возникают по поводу распределения, обмена и использования товаров и услуг конечного использования.

Таким образом, экономическая и социальная эффективности результативности социально-экономической системы определяются противоречиями в технико-организационных, организационно-экономических отношениях и отношениях экономической собственности, которые возникают в системе потребительных и производительных сил по поводу производства, распределения, обмена, промежуточного и конечного потребления товаров и услуг (рисунок 3.9).

Вполне логично, что изменение социально-экономических противоречий может как снижать, так и повышать эффективность результативности социально-экономической системы или по-разному влиять на соотношение ее экономической и социальной составляющих. Поскольку эффективность качественно характеризует результативность социально-экономической системы, то соотношение экономической и социальной эффективностей может быть мерой социально-экономических противоречий.

3.3. Сбалансированность социальной и экономической эффективностей в разрешении социально-экономических противоречий

Индивиды как носители потребительной силы выступают главными элементами социально-экономической системы. Часть из них, занятая производством товаров и услуг, вместе со средствами производства составляет ее производительные силы. Здесь возникают базисные социально-экономические противоречия в технико-экономических, организационно-экономических отношениях и отношениях экономической собственности. Обострение этих производственных социально-экономических противоречий негативно влияет на удовлетворение потребностей индивидов, общества и на реальную действительность. Их выход за критический уровень радикально изменяет состояние социально-экономической системы. Чтобы этого не допустить, необходимо их регулировать. Это осуществляется в процессе планирования, организации, мотивации и контроля отношений между индивидами, обществом и реальной действительностью. Здесь возникает проблема измерения уровня социально-экономических противоречий. Для решения этой проблемы, в первую очередь, следует определить, что, собственно, необходимо измерять.

Из взаимосвязи технико-экономических, организационно-экономических отношений и отношений экономической собственности с эффективностью результативности социально-экономической системы (п. 3.2) следует целесообразность измерения соотношения экономической и социальной составляющих. Их комплексными критериями, соответственно, являются прибыль собственников средств производства от реализации произведенных товаров и услуг и сберегаемая часть располагаемого дохода индивидов, которая остается после затрат на конечное потребление товаров и услуг.

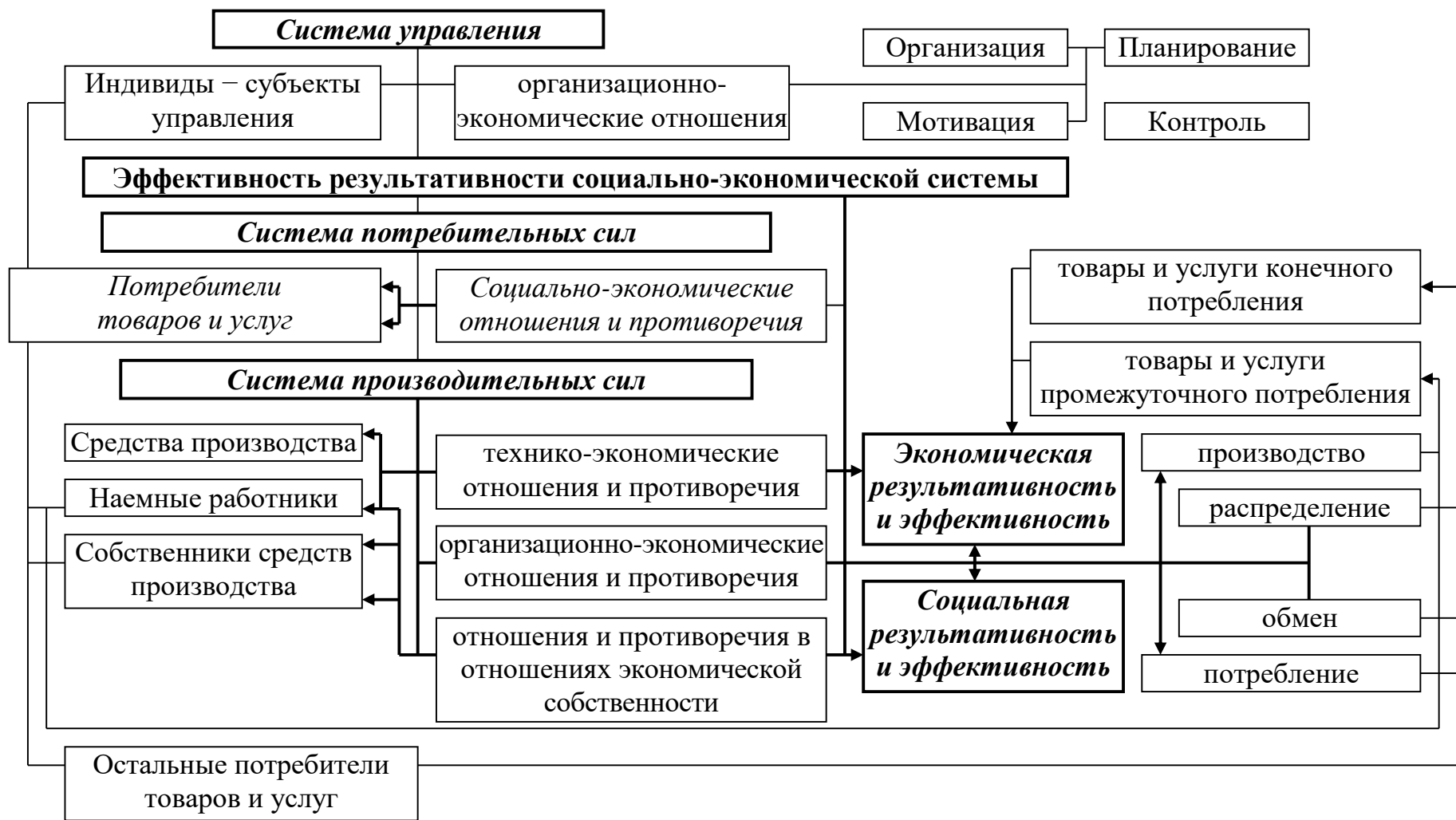

Рисунок 3.9 – Взаимосвязь социально-экономических отношений и противоречий с экономической и социальной эффективностями результативности СЭС [составлено автором]

Прибыль собственников средств производства определяет экономический эффект от производства и реализации товаров и услуг, а сберегаемая часть доходов индивидов – социальный эффект (п. 3.1). Эти критерии экономической и социальной эффективности имеют противоположную направленность, что следует из противоречий в отношениях экономической собственности (п. 3.2). В результате между экономической и социальной эффективностями объективно существует дисбаланс [105]. Очевидно, по его величине можно судить о состоянии социально-экономических противоречий.

В доходах индивидов наиболее значимой для социально-экономической системы является оплата труда наемных работников. Она и прибыль имеют прямо противоположную направленность, что следует из основного производственного социально-экономического противоречия [28; 66]. Поэтому невозможно увеличить любую из них, не уменьшив другую. Это лежит в основе понимания эффективности по В. Парето, как такого состояния «общественного сектора, что никакое другое достижимое размещение благ не сможет увеличить уровень полезности никого из индивидов без понижения его для кого-нибудь еще» [157].

Прибыль собственников средств производства и оплата труда наемных работников являются структурными элементами добавленной стоимости в доходах от производства и реализации товаров и услуг. Согласно СНС 2008 они являются элементами первичного распределения доходов на стадии производства ВВП. Третьим элементом выступают чистые налоги на производство и импорт. От них зависит наибольшая часть доходов государственного бюджета, большая часть из которых перераспределяется между остальными индивидами (рисунок 3.10). Эти элементы структуры являются противоположностями, поскольку интересы наемных работников, собственников средств производства и государства противоречивы. Но интересы наемных работников и собственников средств производства являются контрарными противоположностями, а в противоречии с интересами государства они выступают контрадикторными противоположностями.

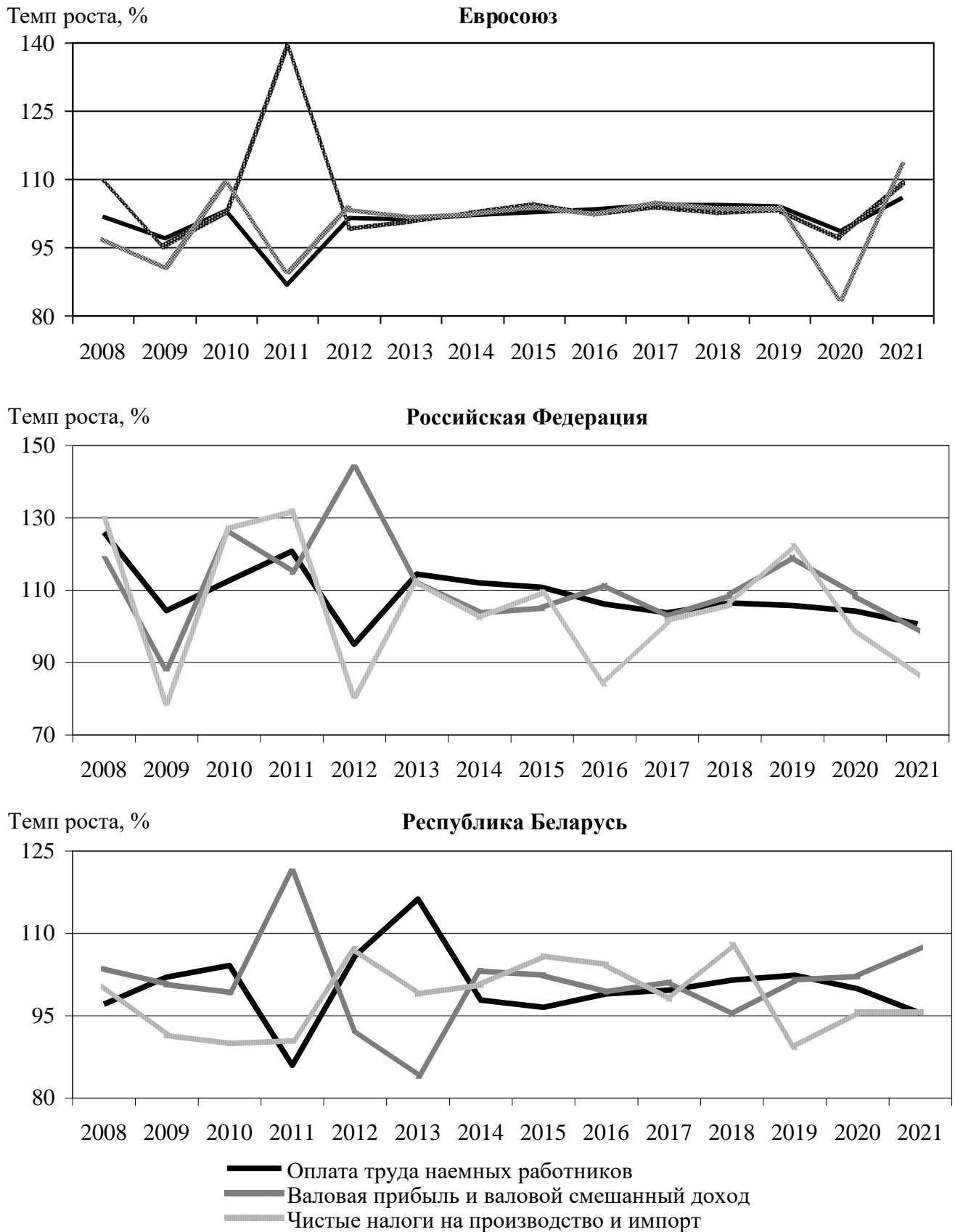

Рисунок 3.10 – Динамика доли элементов добавленной стоимости в структуре ВВП отдельных стран мира [составлено автором по данным [185-191; 255-261; 312; 315; 329]]

Противоположные интересы наемных работников, собственников средств производства и государства связаны социально-экономическими отношениями, где объективно существуют соответствующие противоречия по поводу первичного распределения доходов от производства и реализации товаров и услуг. Очевидно, что увеличение части прибыли приводит к снижению доли оплаты труда наемных работников. Это обусловлено контрастностью их противоположных интересов. Из-за контрадикторности их интересов и интересов государства повышение доли чистых налогов на производство по-разному влияет на изменение доли остальных структурных элементов первичного распределения доходов на стадии производства. Например, колебания доли оплаты труда наемных работников и доли валовой прибыли собственников средств производства в структуре ВВП происходят закономерно в противофазе. Это закономерно для Евросоюза, Российской Федерации и Республики Беларусь, что подтверждает контрастность противоположных интересов наемных работников и собственников средств производства по поводу распределения добавленной стоимости. В динамике их интересов с противоположными интересами государства, за исключением отдельных случаев, такой закономерности нет. Это подтверждает контрадикторность противоположных интересов наемных работников и государства, собственников средств производства и государства (рисунок 3.10). В любом случае социально-экономические противоречия обостряются периодически, что связано с закономерной цикличностью экономических процессов.

Вполне логично, что в определенной мере разрешению любых социально-экономических противоречий способствует экономический рост. В результате увеличивается производство потребляемых товаров и услуг, оплата труда, прибыль, налоги государства, и, следовательно, доходы всех индивидов и их сберегаемая часть, то есть повышается социальная и экономическая эффективность социально-экономической системы. В реальной действительности их соотношение может быть разным, но только при оптимальном их сочетании достигается максимально возможная эффективность ее результативности. Таким

образом, сбалансированность экономической и социальной эффективностей может быть мерой социально-экономических противоречий. Здесь возникает вопрос: что является критерием их сбалансированности?

Критерий сбалансированности экономической и социальной эффективностей целесообразно определять из главной цели социально-экономической системы – производства материальных и нематериальных экономических благ для удовлетворения закономерно развивающихся потребностей индивидов. Они удовлетворяются за счет затрат на конечное потребление из их располагаемого дохода, часть которого начинает сберегаться, если потребности индивидов в определенной мере удовлетворены. Тогда *сберегаемая или потребляемая часть располагаемого дохода индивидов может выступать критерием сбалансированности экономической и социальной эффективностей социально-экономической системы и, следовательно, мерой социально-экономических противоречий.*

Доля сберегаемой части зависит от величины располагаемого дохода индивидов и их затрат на конечное потребление товаров и услуг. По утверждению Дж. М. Кейнса, «... более высокий абсолютный уровень дохода, как правило, будет вести к увеличению разрыва между доходом и потреблением. Ведь побуждение к удовлетворению неотложных первостепенных нужд человека и его семьи обычно представляет собой более сильный мотив, чем побуждение к накоплению, и последнее только тогда начинает проявляться в полную силу, когда достигнут известный уровень благосостояния» [85, с. 37]. Развивая это положение, ученый ввел понятие предельной склонности к потреблению (*MPC* – *marginal propensity to consume*) – часть единицы потребляемого дохода, а для сберегаемой части единицы дохода – предельной склонности к сбережению (*MPS* – *marginal propensity to save*).

Математически $MPC = \frac{\Delta C}{\Delta D}$ и $MPS = \frac{\Delta S}{\Delta D}$, где ΔD , ΔS и ΔC – прирост дохода, сбережений и затрат на потребление соответственно. Исходя из математического содержания, предельная склонность к потреблению или сбережению является производной соответствующих функций, где аргументом

выступает доход. Они характеризуют скорость изменения критерия сбалансированности и рационального сочетания параметров экономической и социальной эффективности.

Первообразными предельной склонности к потреблению или сбережению являются средняя склонность к потреблению (APC – average propensity to consume) и средняя склонность к сбережению (APS – average propensity to save). Математически они определяются как удельный вес затрат на конечное

потребление и сбережений в доходах индивидов – $APC = \frac{C}{D}$ и $APS = \frac{S}{D}$, где D , S и C – величина дохода, сбережений и затрат на потребление соответственно.

Очевидно, что APC и APS являются статической, а MPC и MPS – динамической характеристикой процесса потребления и сбережения части доходов индивидов. В любом случае их значения находятся в интервале от 0 до 1. При $APC = 1$ и $APS = 0$ весь доход потребляется. Если $MPC = 1$ и $MPS = 0$, то весь прирост дохода направляется на потребление. Такая ситуация возникает при низких доходах индивидов, то есть в этом случае уровень социально-экономических противоречий самый высокий. Сбережения появляются, когда их потребности в определенной мере удовлетворены. Ситуации, когда $APC = 0$, $APS = 1$ и $MPC = 0$, а $MPS = 1$ в реальности не существует. Это означает, что индивид ничего не потребляет, следовательно, нет социально-экономических отношений и противоречий, то есть нет социально-экономической системы.

Очевидно, что в интервале значений показателей средней и предельной склонности к потреблению и сбережению от 0 до 1 существует оптимальное значение, при котором социально-экономические противоречия наиболее разрешены. Проблема поиска их рационального сочетания относится к классу экономических задач на равновесие. Конкретно она вытекает из задачи на равновесие между спросом и предложением, где целью ее решения является определение параметров оптимального экономического роста. Первым в начале 1960-х г.г. параметры оптимального экономического роста определил американский экономист Э. Фелпс на основе модели Р. Солоу, введя термин

«золотое правило накопления капитала». Ему соответствует оптимальная норма накопления, при которой происходит экономический рост с максимальным уровнем потребления [12; 276].

Для индивидов накопление есть не что иное, как часть сберегаемой части их располагаемого дохода. Она выступает критерием, а ее удельный вес в располагаемом доходе индивидов – показателем их средней склонности к сбережению (APS). Таким образом, для измерения сбалансированности экономической и социальной эффективности социально-экономической системы целесообразно использовать среднюю склонность к сбережению (APS) или среднюю склонность индивидов к потреблению ($APC = 1 - APS$), а не их предельные показатели.

Следует отметить, что на основе предельных склонностей к потреблению и сбережению Дж. М. Кейнс ввел понятие мультипликатора инвестиций ($k = 1/(1 - MPC) = 1/MPS$). По его утверждению, «... когда происходит прирост общей суммы инвестиций, то доход увеличивается на сумму, которая в k раз превосходит прирост инвестиций». Используя данные С. Кузнецца о национальном доходе США, он пришел к выводу, что «... мультипликатор, по-видимому, составляет меньше 3 и, по всей вероятности, довольно устойчив в области значений, близких к 2,5. Это соответствует предельной склонности к потреблению, не превышающей 60-70% (прим., или 30-40% для предельной склонности к сбережению)» [85, с. 50]. Вполне логично, что эти значения справедливы и для средних склонностей к потреблению (60-70%) и сбережению (30-40%). Очевидно, такие границы средних склонностей к потреблению и сбережению индивидов являются рациональными.

Из вывода Дж. М. Кейнса о значении устойчивости мультипликатора инвестиций следует, что в пределах рациональных значений средних склонностей к потреблению и сбережению (60-70% и 30-40% соответственно) происходит максимально возможный объем и рост производства и потребления товаров и услуг. Тогда вполне логично, что эти значения определяют рациональные границы сбалансированности экономической и социальной эффективности

(рисунок 3.11), где социально-экономические противоречия разрешены наиболее рационально.

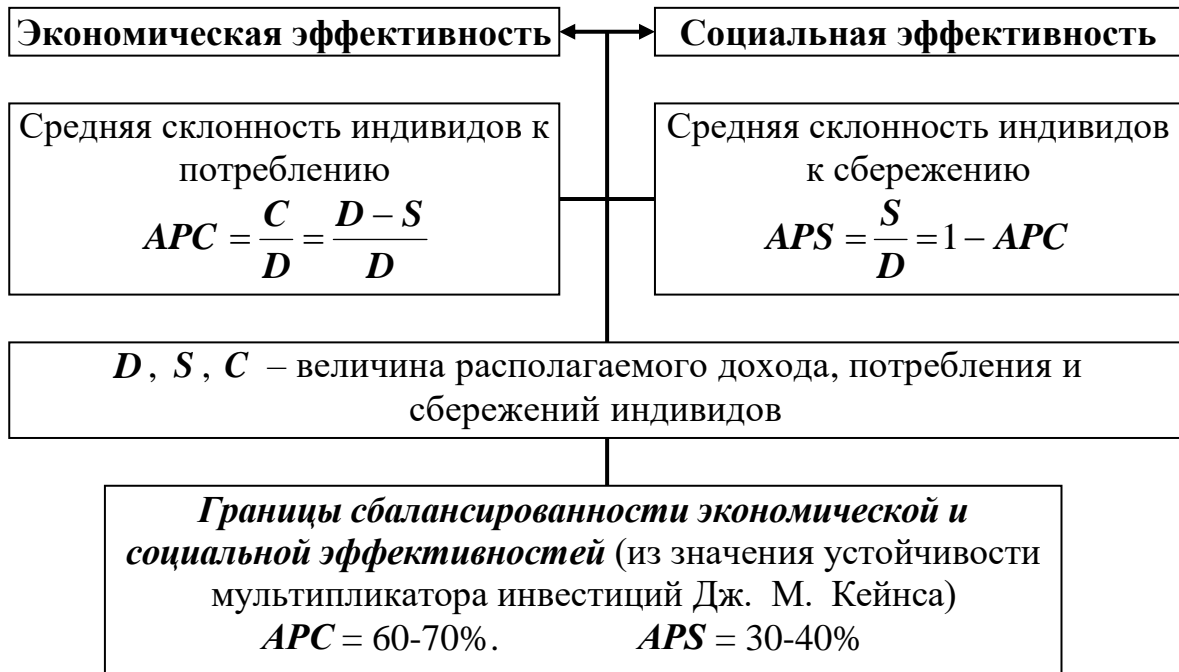

Рисунок 3.11 – Показатели сбалансированности экономической и социальной эффективности социально-экономической системы [составлено автором]

Следует отметить, что, по утверждению Дж. М. Кейнса, в зависимости от состояния социально-экономической системы значения предельной склонности к потреблению изменяются [246]. При этом, «цифра (60-70% предельной склонности к потреблению – прим.), которая кажется вполне согласующейся с условиями бума, но неожиданно и, как мне представляется, неправдоподобно низкой для кризиса (или значения 30-40% предельной склонности к сбережению являются высокими – прим.)» [85, с. 50]. Такой вывод Дж. М. Кейнса корректен для значений средних склонностей индивидов к потреблению и сбережению. Это подтверждается соответствующими значениями средней склонности к сбережению домашних хозяйств Евросоюза, Российской Федерации и Республики Беларусь в 2007-2021 г.г., которые рассчитаны относительно удельного веса их расходов на конечное потребление в располагаемых ресурсах. В определенной мере величина средней склонности к сбережению зависит от доходности страны,

оцениваемой по среднему душевому ВВП, который самый высокий в Евросоюзе, а самый низкий – в Республике Беларусь (рисунок 3.10). Тем не менее, средняя склонность их домашних хозяйств к сбережению до 2015 г. отличалась незначительно, а домашних хозяйств Российской Федерации была ниже. Очевидно, в период кризисов располагаемый доход и конечное потребление индивидов снижаются. В результате увеличивается его сберегаемая часть, но есть исключения, например в Республике Беларусь в период кризиса 2014-2015 г.г. (рисунок 3.12). Очевидно, это зависит не только от экономического, но и социального уровня развития страны.

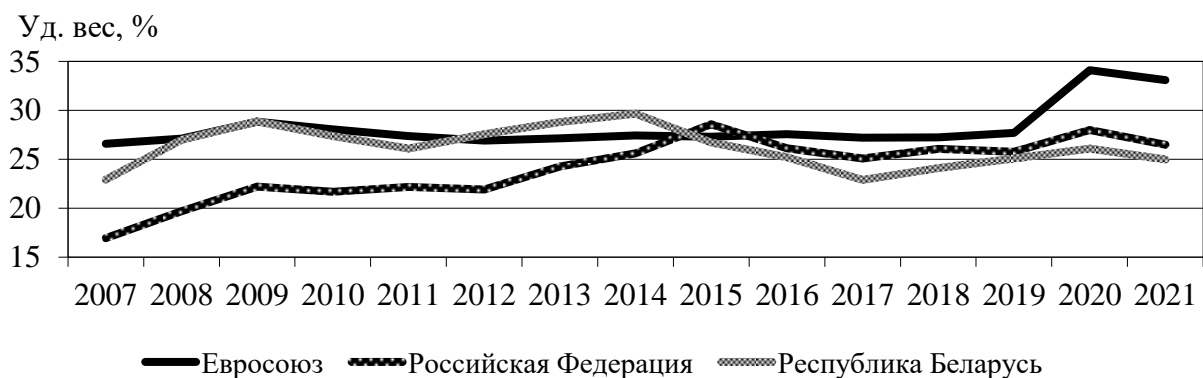

Рисунок 3.12 – Средняя склонность к сбережению домашних хозяйств отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным [57; 255-261; 308; 311; 314; 326]]

В распределении доходов определяющей является институциональная структура экономической собственности на средства производства как совокупности общественной и частной собственности. От нее зависит первичное распределение доходов между наемными работниками и собственниками средств производства. От политической системы зависит вторичное распределение доходов, получаемых индивидами в виде социальных трансфертов из государственного бюджета (рисунок 3.3). Это справедливо и для распределения доходов в социально-экономических мезо- и микросистемах (рисунок 3.4), где от управляющей системы как политической и культурной надстройки в системе управления зависит величина оплаты труда наемных работников. В совокупности

это определяет различные варианты рациональных пропорций между средними склонностями индивидов к сбережению и потреблению.

Очевидно, что в процессе развития пропорции между средними склонностями индивидов к сбережению и потреблению в социально-экономической системе изменяются в результате их воздействия на ее состояние. Тем не менее, они складываются объективно, что обусловлено действием объективных социальных законов. Эти пропорции рациональны, поскольку возникли в результате объективного саморегулирования социально-экономической системой собственной структуры. Следовательно, в разных по развитию социально-экономических системах объективно существуют собственные рациональные пропорции в распределении располагаемого дохода индивидов между сбережением и потреблением. Но это не оптимальные пропорции, при которых происходит максимально возможное удовлетворение индивидуальных и общественных потребностей.

Гипотетически существует такое оптимальное распределение располагаемого дохода индивидов между сбережением и потреблением, при котором достигается максимально возможная эффективность результативности социально-экономической системы. Очевидно, это соответствует ситуации, когда сбалансированность ее экономической и социальной эффективностей оптимальная. Следует отметить, что проблеме оптимальных пропорций в любых системах стало уделяться значительное внимание в математической науке, где выделено направление «математика гармонии» как составная часть теории гармонии. Ее основы появились еще до нашей эры в трудах Евклида, Пифагора и других философов. Первыми математическим понятием была «гармоническая пропорция». Согласно их представлению и современным знаниям все естественные структурные образования в реальной действительности объективно подчиняются закону гармонического деления.

Как утверждает в работе [262, с. 96], «стратегический просчет математиков 20-го века состоял в том, что они проигнорировали математическое открытие Джорджа Бергмана, которое по праву может быть отнесено к разряду

крупнейших математических открытий в области систем счисления (после открытия вавилонянами позиционного принципа представления чисел, десятичной и двоичной системы) и которое может дать начало новым компьютерам и новой («золотой») теории чисел, основанной на золотой пропорции».

Многие исследователи в области развития любого рода естественных систем приходят к выводу, что их устойчивое или гармоничное развитие происходит, если элементы системы структурированы по правилу «золотой пропорции» со структурным соотношением 0,618:0,382. В естественных системах существуют и другие варианты пропорций. Египетский математик Мидхат Дж. Газале в работе [319] определяет их из квадратного уравнения $x^2 - mx - 1 = 0$, которое имеет два корня. Его положительное значение ($x = (m + \sqrt{m^2 + 4})/2$) при положительных целых m называют обобщенным «золотым сечением» порядка m [294]. На этом основании определены варианты пропорций, где значению $m = 1$ соответствует «первая золотая пропорция» – 61,8% и 38,2% (рисунок 3.13).

Нетрудно заметить, что «первая золотая пропорция» находится в рациональных границах средних склонностей к сбережению и потреблению (30-40% и 60-70% соответственно). В реальности их значения могут выходить за пределы рациональных границ. Тем не менее, как утверждается в работе [171], для конкурирующих процессов в экономике распределение доходов и ресурсов наиболее целесообразно осуществлять по правилам золотой пропорции, и такое распределение наблюдается в Германии, Великобритании и других странах. Но вариантов «золотых пропорций» существует определенное множество».

В работе [19] путем экономико-математического моделирования доказано, что максимальному экономическому росту способствует оптимальное распределение структуры экономической собственности по правилу «первой золотой пропорции».

**Метод определения оптимальных пропорций в социально-экономической системе
(метод Мидхата Дж. Газале)**

$$x^2 - mx - 1 = 0$$

Первый корень уравнения: $x = (m + \sqrt{m^2 + 4})/2$

При любом положительном целом m значение $x = (m + \sqrt{m^2 + 4})/2 > 0$

Средняя склонность к сбережению $APS = 1 - (m + \sqrt{m^2 + 4})/2$

Средняя склонность к потреблению $APC = (m + \sqrt{m^2 + 4})/2$

Варианты оптимальных пропорций

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>APC (MPC)</i>	0,618	0,414	0,303	0,236	0,193	0,162	0,14	0,123	0,11
<i>APS (MPS)</i>	0,382	0,586	0,697	0,764	0,807	0,838	0,86	0,877	0,89

**Оптимальное значение сбалансированности экономической и социальной
эффективности**

$APS = 38,2\%$

$APC = 61,8\%$

Рисунок 3.13 – Варианты оптимальных пропорций в социально-экономической системе [составлено автором]

Очевидно, в этом случае происходит и оптимальное распределение доходов в обществе. Оптимум по В. Парето возникает тогда, когда «благосостояние общества достигает максимума, а распределение ресурсов становится оптимальным, если любое изменение этого распределения ухудшает благосостояние хотя бы одного субъекта экономической системы. В ситуации, оптимальной по В. Парето, нельзя улучшить положение любого участника экономического процесса, одновременно не снижая благосостояния как минимум одного из остальных. ... Согласно критерию В. Парето (критерию роста общественного благосостояния), движение в сторону оптимума возможно лишь при таком распределении ресурсов, которое увеличивает благосостояние, по крайней мере, одного человека, ни нанося ущерба никому другому» [4].

На этом основании с большой степенью вероятности можно утверждать, что *максимально возможная сбалансированность экономической и социальной эффективности и эффективность результативности социально-экономической системы, а, следовательно, и оптимальное разрешение социально-экономических противоречий, достигается тогда, когда значение средней склонности индивидов к сбережению составляет 38,2%, а к потреблению – 61,8%.*

Очевидно, относительно этих оптимальных пропорций между средними склонностями индивидов к потреблению и сбережению целесообразно оценивать реальную сбалансированность экономической и социальной эффективности социально-экономической системы. Тогда регулирование их сбалансированности должно быть нацелено на достижение оптимальных значений средних склонностей индивидов к потреблению или сбережению в пределах их рациональных границ.

Выводы к главе 3

Результатом функционирования и развития социально-экономической системы являются произведенные и потребленные экономические блага, а

эффектом – результат за вычетом затрат ресурсов, обеспечивших его получение. Затраты ресурсов выступают критерием разделения понятий результата и эффекта.

Из диалектической взаимосвязи сферы производства и сферы потребления следует, что экономический результат производства – это произведенные и реализованные экономические блага, которыми выступают товары и услуги промежуточного и конечного использования. В стоимостном выражении экономический результат определяется доходом от их реализации, а экономический эффект – чистой прибылью, которая остается после вычета из него затрат ресурсов и налогов на прибыль и производство.

Социальный результат – это потребленные товары и услуги конечного использования. Социальный эффект определяется сберегаемой частью располагаемого дохода индивидов, оставшейся после затрат на их потребление. Именно они имеют значение для удовлетворения закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей как главной цели социально-экономической системы. Экономические и социальные результаты и эффекты взаимосвязаны диалектикой отношений сферы производства и потребления.

На стадии производства первичными источниками формирования располагаемого дохода индивидов, которые образуют домашние хозяйства, являются начисленная заработная плата наемных работников и потребляемая часть чистой прибыли частных собственников средств производства экономических благ. Другим значимым источником выступают социальные выплаты на вторичной стадии распределения доходов в социально-экономической системе.

Результат и эффект являются критериями результативности и эффективности социально-экономической системы. Результативность определяется соотношением объема товаров и услуг как результата воспроизводства экономических благ с количеством индивидов, их производящих и потребляющих. Эффективность – это результат воспроизводства экономических благ, соотнесенный с затратами ресурсов, обеспечивших их получение и

потребление. Отсюда целесообразно различать экономическую результативность и эффективность производства и социальную результативность и эффективность потребления.

Экономическая результативность – это соотношение реализованных товаров и услуг с численностью индивидов, занятых их производством, а социальная результативность – это соотношение товаров и услуг конечного использования с численностью индивидов, их потребивших. Экономическая эффективность – это соотношение доходов от реализации товаров и услуг и затрат ресурсов, обусловивших их производство, а социальная эффективность – это уровень затрат на конечное потребление товаров и услуг в располагаемом доходе индивидов.

Социально-экономическая система всегда результативна, и результативность в долгосрочном периоде закономерно растет. Качественно она характеризуется эффективностью, которая может быть разной. Поэтому состояние социально-экономической системы характеризует эффективность ее результативности. Эффективность является синтетической характеристикой результативности и затрат, следовательно, она косвенно является и количественной характеристикой функционирования и развития социально-экономической системы. Отсюда целесообразно использование понятий «экономическая эффективность результативности» и «социальная эффективность результативности» социально-экономической системы. Их критериями выступают соответственно чистая прибыль собственников средств производства от реализации произведенных товаров и услуг и сберегаемая часть доходов индивидов.

Состояние социально-экономической системы обуславливается социально-экономическими противоречиями в системе отношений потребительных и производительных сил, где объективно существуют технико-экономические, организационно-экономические противоречия и противоречия в отношениях экономической собственности. Их состояние характеризуется эффективностью результативности социально-экономической системы. Поскольку эффективность

качественно характеризует ее результативность, то по соотношению экономической и социальной эффективности можно количественно оценивать состояние социально-экономических противоречий.

Чистая прибыль собственников средств производства и сбережения индивидов как комплексные критерии эффективности результативности социально-экономической системы определяют экономический и социальный эффекты соответственно. Они имеют противоположную направленность, что следует из противоречий в отношениях экономической собственности. В результате между экономической и социальной эффективностями объективно существует дисбаланс. Его величина выступает мерой социально-экономических противоречий.

Наибольший дисбаланс вызывает контрарное противоречие между интересами наемных работников и собственников средств производства по поводу распределения оплаты труда и чистой прибыли в добавленной стоимости. В меньшей мере на это влияют контрадикторные противоречия между их интересами и интересами государства по поводу налогов на доходы и производство. Поскольку от чистой прибыли и оплаты труда, главным образом, зависят экономическая и социальная эффективности, то их сбалансированность может быть мерой социально-экономических противоречий. Соответствующим критерием выступает сберегаемая часть располагаемого дохода индивидов.

Для измерения сбалансированности экономической и социальной эффективностей функционирования социально-экономической системы целесообразно использовать среднюю склонность индивидов к сбережению или потреблению. Она характеризуется удельным весом сберегаемой или потребляемой части в располагаемом доходе индивидов. В пределах его значений 30-40% и 60-70% соответственно сбалансированность экономической и социальной эффективностей становится рациональной. Эти значения определяют рациональные границы сбалансированности экономической и социальной результативной эффективности социально-экономической системы, где социально-экономические противоречия разрешены наиболее рационально.

В разных по уровню развития социально-экономических системах объективно существуют собственные рациональные пропорции в распределении располагаемого дохода индивидов между потреблением и сбережением. Но это не оптимальные пропорции, при которых происходит максимально возможное удовлетворение индивидуальных и общественных потребностей, поскольку существуют различные варианты оптимальных пропорций. Они зависят от уровня развития социально-экономической системы.

Оптимальной пропорцией между сбережением и потреблением индивидов является их удельный вес в располагаемом доходе 38,2% и 61,8% соответственно. В этом случае достигается максимально возможная сбалансированность экономической и социальной эффективностей и эффективность результативности социально-экономической системы, а, следовательно, и оптимальное разрешение социально-экономических противоречий.

Чтобы регулировать сбалансированность экономической и социальной эффективностей в пределах рациональных границ относительно оптимальной пропорции между сбережением и потреблением индивидов, необходимо адекватно измерять эффективность результативности социально-экономической системы.

Полученные научные результаты опубликованы в работах [196; 203; 206; 209-212].

ГЛАВА 4. ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МАКРО-, МЕЗО- И МИКРОСИСТЕМ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

4.1. Оценка экономической результативности и эффективности

Традиционно результативность социально-экономической системы характеризуется степенью достижения ее цели. Таких целей много, поэтому существует многообразие целевых показателей [8; 20; 172]. Их значения планируются субъектами управления. Соотношение фактического и планового значения целевого показателя определяет результативность социально-экономической системы. Но, используя такой подход, некорректно сравнивать фактическую результативность разных социально-экономических систем, например, развивающихся и развитых стран. Это не позволяет сравнивать их результативность и в разные промежутки времени, поскольку не учитываются масштабы изменения состояния социально-экономических систем. Поэтому необходим иной способ оценки результативности как результата расширенного воспроизводства товаров и услуг, соотнесенного с количеством индивидов в ней.

Если рассматривать социально-экономическую систему как совокупность сфер общественного воспроизводства, то, исходя из диалектики отношений сфер производства и потребления, следует различать экономическую и социальную результативности. Они взаимосвязаны между собой объемом произведенных товаров и услуг, которые были реализованы для потребления. Только они имеют значение для оценки экономической результативности социально-экономической системы. Это обусловлено ее целью.

Любые оценки товаров и услуг относительны. Во-первых, это связано с относительностью самой цели социально-экономической системы. Действительно, сколько необходимо их производить, чтобы потребности индивидов и социальной системы были полностью удовлетворены? Во-вторых,

из-за многообразия товаров и услуг их невозможно выразить в единой физической единице измерения. Их можно оценить только в стоимостном выражении, но такие оценки из-за изменения цен во времени будут относительными [167]. Поэтому требуется база сравнения. Таковым может быть значение показателя реализованных товаров и услуг, произведенных в предшествующие периоды (оценка в динамике), или в другой социально-экономической системе аналогичной формы организации. В любом случае необходимо, чтобы значения показателей были сопоставимы. Методы пересчета объема товаров и услуг в сопоставимых стоимостных единицах разные и зависят от цели сравнения. Для этого целесообразно использовать следующие показатели:

1) *номинальную стоимость товаров и услуг* как их стоимость в текущих рыночных ценах; этот показатель используется при оценке товаров и услуг в текущий период;

2) *реальную стоимость товаров и услуг* как их стоимость в ценах базисного периода; такая оценка используется для сравнения объемов реализованных товаров услуг в разные периоды с использованием индекса цен.

Исходя из этих показателей, можно определить следующие показатели экономической результативности:

1) *номинальную экономическую результативность социально-экономической системы* как соотношение номинальной стоимости реализованных товаров и услуг с численностью индивидов, занятых их производством;

2) *реальную экономическую результативность социально-экономической системы* как соотношение номинальной стоимости реализованных товаров и услуг, скорректированную на индекс цен, с численностью индивидов, занятых их производством.

При сравнении стоимости товаров и услуг разных стран она рассматривается в ценах, рассчитанных по паритету покупательной способности за одинаковый период. «Паритет покупательной способности (ППС) определяется как число единиц валюты страны В, необходимое в стране В, чтобы приобрести

такое же количество товаров и услуг, которое можно приобрести за одну единицу валюты страны А в стране А. Как правило, ППС страны выражается в валюте базовой страны, при этом обычно используется доллар США» [237, с. 373].

В социально-экономической макросистеме, согласно СНС 2008, произведенные и потребленные товары и услуги измеряются *ВВП*. Его номинальная величина определяется стоимостью всех конечных товаров и услуг, а реальная – с помощью индекс-дефлятора валового *ВВП*. Это ценовой индекс, предназначенный для сопоставления *ВВП* текущего и предыдущего периода, рассчитывается как индекс Паше, который «определяется как отношение фактической стоимости проданных товаров к их условной стоимости в ценах базисного периода [300, с. 646]. Эти показатели являются потоковыми. В статистике они рассчитываются за год или квартал. На их основе можно оценить следующие показатели результативности:

1) номинальную экономическую результативность социально-экономической макросистемы ($\mathcal{E}P_n$) как соотношение номинального *ВВП*, определенного в текущих рыночных ценах, с численностью работников, занятых его производством (\mathcal{C}_z); в СНС 2008 – это численность занятых в экономике [237]:

$$\mathcal{E}P_n = \frac{ВВП}{\mathcal{C}_z} ; \quad (4.1)$$

2) реальную экономическую результативность социально-экономической макросистемы ($\mathcal{E}P_p$) как ее номинальную экономическую результативность ($\mathcal{E}P_n$), скорректированную на индекс-дефлятор *ВВП* (D):

$$\mathcal{E}P_p = \frac{\mathcal{E}P_n}{D} = \frac{ВВП}{\mathcal{C}_z \cdot D} . \quad (4.2)$$

Использование индекс-дефлятора *ВВП* позволяет сравнивать экономическую результативность социально-экономической макросистемы в разные промежутки времени. Для сравнения экономической результативности разных макросистем значение *ВВП* пересчитывается по паритету покупательной

способности (ППС). Это «соотношение между двумя или несколькими денежными единицами, валютами разных стран, устанавливаемыми по их покупательной способности применительно к определенному набору товаров и услуг» [175, с. 260].

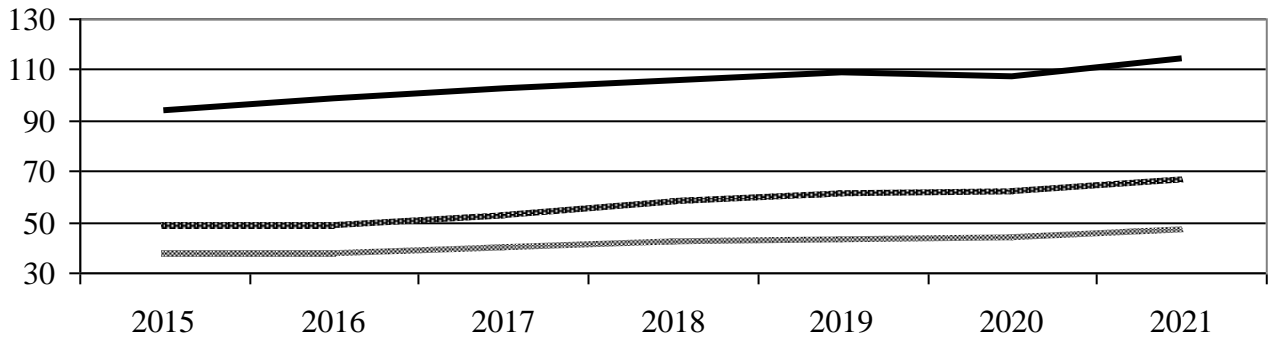
В статистике полученный показатель определяется как **ВВП** по ППС в международных долларах ($ВВП_{mnc}$). Если его значение использовать в методах (4.1) и (4.2), это позволяет сравнивать номинальную и реальную экономические результативности разных социально-экономических макросистем и в разные периоды. При этом должно соблюдаться условие использования одной методологии статистических исследований и достоверности информации.

Например, по данным Всемирного Банка, значения экономической результативности самые высокие в Евросоюзе. В Российской Федерации они меньше, но выше, чем в Республике Беларусь. В любом случае номинальная и реальная экономические результативности имеют тенденцию к росту, несмотря на высокие темпы роста инфляции (индекс-дефлятора ВВП), как, например, в Российской Федерации и Республике Беларусь (рисунок 4.1). Очевидно, тенденция к повышению результативности социально-экономических макросистем является следствием закономерности расширенного воспроизводства товаров и услуг в долгосрочном периоде.

В социально-экономической мезо- или микросистеме экономический результат определяется доходом от реализации товаров и услуг (D). Этот показатель дохода является потоковым. В статистике он приводится за год, квартал или месяц. При оценке за один период времени доход от реализации товаров и услуг рассчитывается в текущих рыночных ценах. При сравнении в разные периоды он рассчитывается в ценах базисного периода. Для этого используется соответствующий индекс цен производителей товаров и услуг, который в официальной статистике приводится по видам экономической деятельности. Он рассчитывается на основе цен и объемов производства отраслевых предприятий двух смежных периодов по данным бухгалтерской отчетности организаций. На этой основе оцениваются:

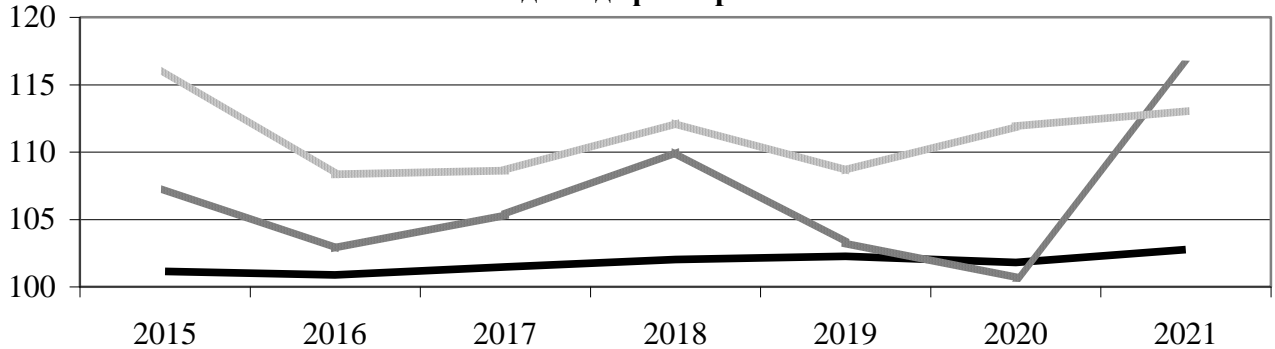
Тыс. междун. \$
по ППС/чел.

Номинальная экономическая результативность

Темп роста, %

Индекс-дефлятор ВВП

Тыс. междун. \$
по ППС/чел.

Реальная экономическая результативность

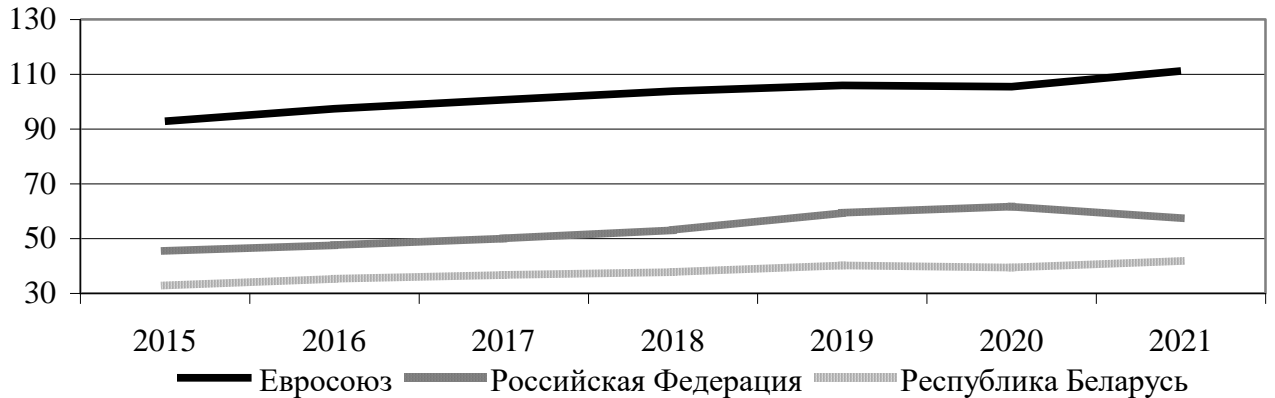

Рисунок 4.1 – Экономическая результативность отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным [188-191; 258-261; 313; 317; 324]]

1) номинальная экономическая результативность социально-экономической мезо- или микросистемы ($\mathcal{E}P_{mn}$) как соотношение дохода от реализации товаров и услуг (D) с численностью работников, занятых их производством ($Ч_m$):

$$\mathcal{E}P_{mn} = \frac{D}{\mathcal{C}_m}; \quad (4.3)$$

2) реальная экономическая результативность социально-экономической мезо- или микросистемы ($\mathcal{E}P_{mp}$) как номинальная экономическая результативность ($\mathcal{E}P_{mn}$), скорректированная на индекс цен производителей товаров и услуг (I_{cm}):

$$\mathcal{E}P_{mp} = \frac{\mathcal{E}P_{mn}}{I_{cm}} = \frac{D}{\mathcal{C}_m \cdot I_{cm}}. \quad (4.4)$$

Например, в Российской Федерации из трех отраслей национальной экономики наибольшее абсолютное значение экономической результативности имеет добыча полезных ископаемых, а затем – обрабатывающие производства. Наименьшие значения показателей – в сельском, лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве, но существует закономерная тенденция к росту как номинальной, так и реальной экономической результативности. Тем не менее, из-за санкций в 2020 г. на мировом рынке значительно выросли цены на продукцию добывающих отраслей (нефть, газ, уголь и т.д.). В результате их номинальная экономическая результативность резко повысилась, а реальная – снизилась (рисунок 4.2).

Вполне логично, что для оценки экономической эффективности социально-экономической системы необходимо использовать величину чистой прибыли, полученной от реализации товаров и услуг. Она является синтетическим абсолютным показателем. Чистая прибыль определяется разницей между доходом от реализации товаров и услуг и затратами ресурсов на их производство, которые включают затраты на их реализацию, а также оплату налогов и прочих обязательных отчислений в государственный бюджет [33; 183].

Экономическая эффективность является синтетическим относительным показателем, где чистая прибыль традиционно сравнивается с затратами ресурсов на производство реализованных товаров и услуг. В социально-экономической системе существуют разнообразные виды экономической деятельности, в том числе и те, которые непосредственно не связаны с производством товаров и услуг,

а связаны только с их перепродажей. В этом случае ресурсы организации тратятся на закупку и реализацию произведенных товаров и услуг. Тем не менее, это экономическая деятельность, от осуществления которой также необходимо учитывать чистую прибыль.

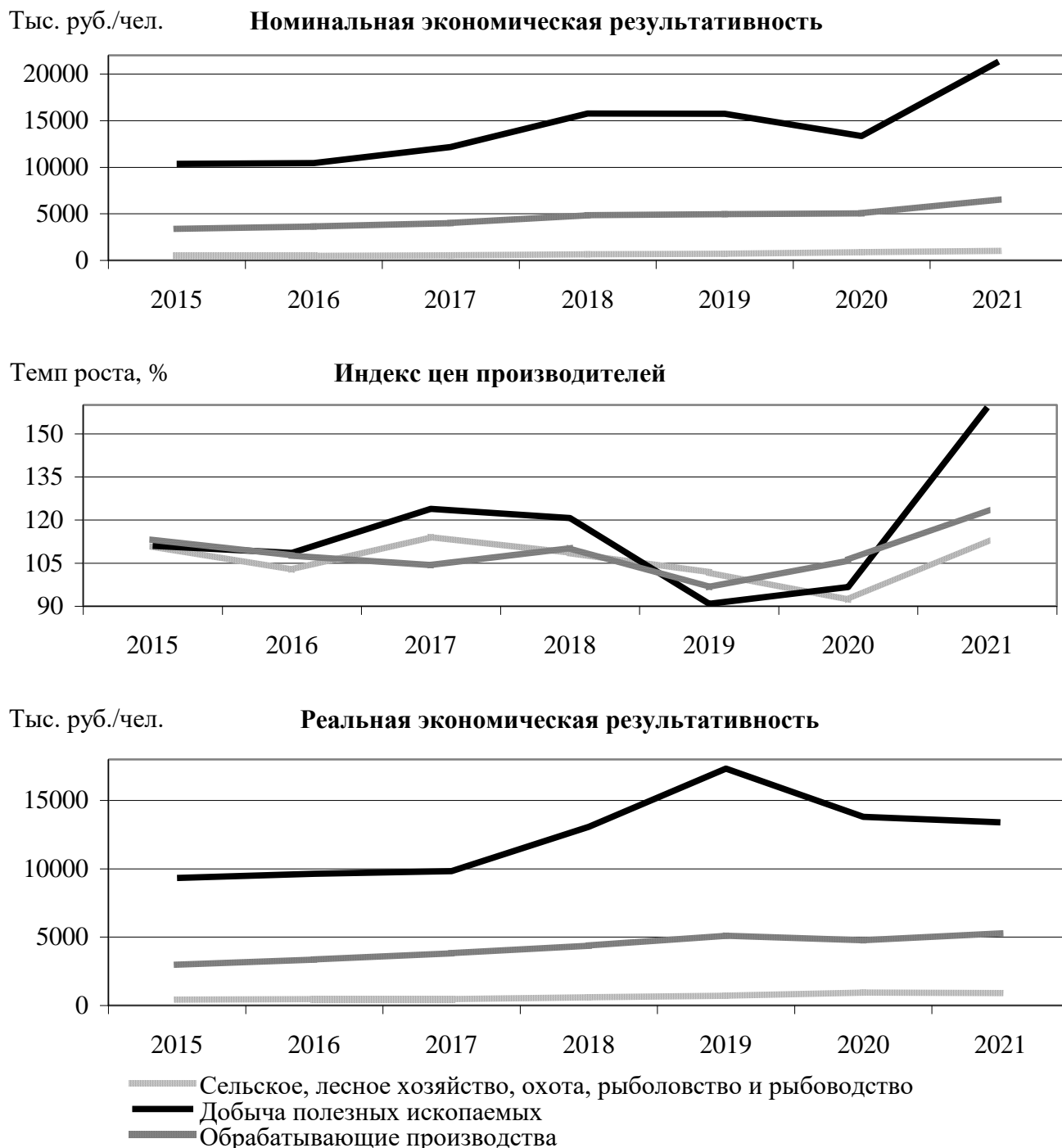

Рисунок 4.2 – Экономическая результативность отдельных отраслей экономики Российской Федерации [составлено автором по данным [188-191]]

Экономическая эффективность оценивается с использованием показателей чистого дохода от реализации товаров и услуг, затрат ресурсов и чистой прибыли. Эти исходные показатели содержат один и тот же ценовой фактор, что позволяет сравнивать экономическую эффективность не только в разные периоды одной, но и разных социально-экономических мезо- или микросистем тремя способами при условии одинаковой методологии статистических исследований и достоверности информации:

1) по показателю рентабельности (R_n), определяемому по соотношению чистой прибыли ($ЧП$) и затрат ресурсов на производство реализованных товаров и услуг ($З$); производство реализованных товаров и услуг эффективно, если рентабельность больше нуля ($R_n > 0$):

$$\mathcal{E}_1 = R_n = \frac{ЧП}{З}; \quad (4.5)$$

2) по удельному весу чистой прибыли ($ЧП$) в чистом доходе от реализации товаров и услуг ($Д$); этот показатель экономической эффективности (\mathcal{E}_2) непосредственно связан с показателем рентабельности (R_n); они имеют одинаковую целевую направленность, поэтому производство реализованных товаров и услуг эффективно, если $\mathcal{E}_2 > 0$:

$$\mathcal{E}_2 = \frac{ЧП}{Д} = \frac{1}{1 + 1/R_n}; \quad (4.6)$$

3) по удельному весу затрат на производство реализованных товаров и услуг ($З$) в чистом доходе от их реализации ($Д$); в отличие от показателей \mathcal{E}_1 и \mathcal{E}_2 производство реализованных товаров и услуг эффективно, если $\mathcal{E}_3 < 0$:

$$\mathcal{E}_3 = \frac{З}{Д} = \frac{1}{1 + R_n}. \quad (4.7)$$

Последний способ оценки удобен при факторном анализе экономической эффективности, где в качестве факторов выступают однородные группы затрат. Они группируются по экономическим элементам и могут отражаться в информации государственных статистических служб. Их влияние на

экономическую эффективность (\mathcal{E}_3) оценивается по удельному весу материальных затрат (M), расходов на оплату труда наемных работников (OT), отчислений на социальное страхование (OC), амортизации (A) и прочих затрат ($ПЗ$) в связанном с ними доходе (D) [21]:

$$\mathcal{E}_3 = \frac{З}{D} = \frac{M}{D} + \frac{OT}{D} + \frac{OC}{D} + \frac{A}{D} + \frac{ПЗ}{D}. \quad (4.8)$$

В официальной статистике, как правило, приводятся показатели дохода от реализации товаров и услуг, затрат на их производство и прибыли, а также показатели рентабельности. Однако в методологии разных государственных статистических служб соответствующие термины имеют некоторые отличия. Например:

1. В Евростате используется показатель «валовой операционный коэффициент» (gross operating rate). Это показатель (4.6), который соответствует доле валового операционного профицита в обороте и под которым понимается доход от реализации товаров и услуг [322]. Очевидно, что его можно пересчитать в показатель рентабельности (4.5).

2. В Федеральной службе государственной статистики Российской Федерации эффективность работы организаций характеризует показатель рентабельности проданных товаров, продукции, работ и услуг. Он рассчитывается как соотношение между величиной сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) от проданных товаров, продукции (работ, услуг) и себестоимостью проданных товаров, работ и услуг с учетом коммерческих и управленческих расходов [191].

3. В Национальном статистическом комитете Республики Беларусь используется показатель рентабельности продаж. Он рассчитывается как отношение прибыли к себестоимости реализованной продукции, товаров, работ и услуг. Прибыль определяется как разница между выручкой от реализации и себестоимостью реализованной продукции, товаров, работ, услуг, начисленными налогами и сборами из выручки [261].

Отличия в методологии государственных статистических служб разных стран не позволяют вполне корректно сравнить экономическую эффективность их социально-экономических макросистем. Например, если оценивать экономическую эффективность с помощью показателя (4.5), то рентабельность социально-экономической макросистемы Евросоюза и Российской Федерации снизилась, а Республики Беларусь – повысилась (рисунок 4.3). Вызывает сомнение такая противоположная динамика экономической эффективности этих макросистем.

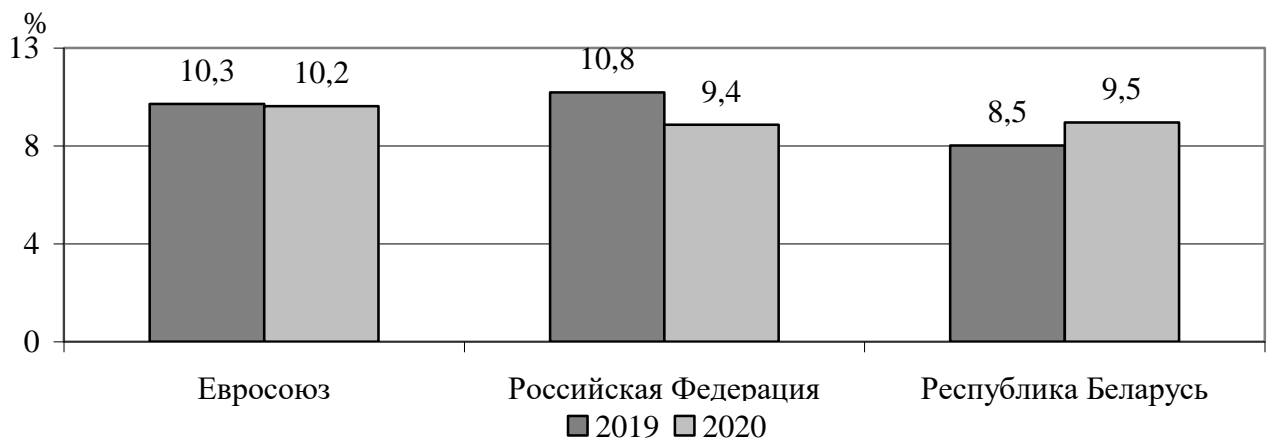

Рисунок 4.3 – Рентабельность отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным [191; 261; 310]]

В определенной мере можно ориентироваться на официальные оценки экономической эффективности социально-экономических систем государственными статистическими службами. При этом необходимо учитывать периодические изменения в методологии статистических исследований, а также субъективный фактор. Например, вызывает сомнение резкое повышение рентабельности экономики Российской Федерации в 2018 г. и в 2021 г. (рисунок 4.4).

Для социально-экономической макросистемы проблема сравнения экономической эффективности решается путем использования показателя

$$\mathcal{E}_2 = \frac{\text{ЧП}}{\text{Д}}$$

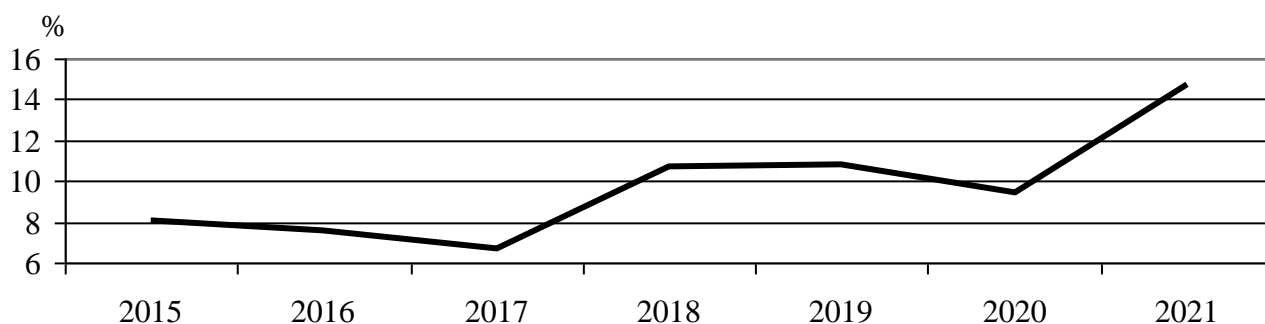

Рисунок 4.4 – Рентабельность реализованных товаров и услуг в Российской Федерации [составлено автором по данным [188-191]]

Здесь, в соответствии с методологией СНС 2008, размер дохода определяется, главным образом, величиной номинального **ВВП**, поскольку сальдо между доходами резидентов и нерезидентов в валовом национальном доходе, как правило, незначительно. Величина **ВВП** структурируется по источникам доходов. Они состоят из оплаты труда наемных работников (**ОТ**), валовой прибыли (**ВП**), а также чистых налогов на производство и импорт (**ЧН**). Они рассчитываются путем вычета из начисленных налогов субсидий на продукты и производство [139, с. 20].

Существуют особенности такого способа оценки. В СНС 2008 учет **ВВП** по источникам доходов не является прямым, поскольку **ВП** исчисляется балансовым методом, исходя из значения **ВВП**, полученного производственным методом путем суммирования валовой добавленной стоимости и чистых налогов на производство и импорт. Валовая прибыль представляет собой ту часть добавленной стоимости, которая остается у производителей после вычета расходов, связанных с оплатой труда наемных работников, и чистых налогов на производство и импорт.

Поскольку в структуре **ВВП** содержится только один экономический элемент затрат (оплата труда наемных работников), то содержание показателя валовой и чистой прибыли в СНС 2008 и в бухгалтерском учете разное. В СНС 2008 термин «валовой» означает «до вычета потребления основного капитала», тогда как термин «чистый» означает «после вычета потребления основного

капитала» [237, с. 115]. Но показатель чистой прибыли (чистого смешанного дохода) не всегда приводится в официальных данных государственных статистических служб. В этом случае целесообразно использовать показатель валовой прибыли (*ВПД*).

Национальные счета в статистике большинства стран построены по единой методологии СНС 2008, где ценовой фактор в текущих значениях *ВП* и *ВВП* учитывается индексом-дефлятором *ВВП*. Это позволяет использовать показатель удельного веса *ВП* в *ВВП* для оценки и сравнения экономической эффективности разных социально-экономических макросистем и в разные периоды при условии использования одной методологии статистических исследований и достоверности информации. Таким образом, экономическую эффективность социально-экономической системы на макроуровне целесообразно оценивать по удельному весу чистой прибыли (*ЧП*) или валовой прибыли (*ВП*) в валовом внутреннем продукте (*ВВП*):

$$\varepsilon = \frac{\text{ЧП}(\text{ВП})}{\text{ВВП}} \quad (4.9)$$

Методология государственных статистических служб может периодически корректироваться и иметь свои особенности. При этом существует проблема достоверности значений показателей. Поэтому сравнение экономической эффективности разных социально-экономических макросистем и в разные периоды будет относительно корректной.

Например, данные о размере валового внутреннего продукта Российской Федерации, начиная с 2014 г., пересмотрены Федеральной службой государственной статистики в марте 2019 г. и не сопоставимы с данными за 2011-2014 гг. [139].

С 2015 г. по 2017 г. значения показателя экономической эффективности Российской Федерации и Евросоюза приблизительно одинаковые. Начиная с 2017 г., в Российской Федерации его величина резко растет, а в Евросоюзе остается приблизительно одинаковой. В Республике Беларусь экономическая

эффективность наименьшая, а сравнительно существенное ее увеличение произошло в 2021 г. (рисунок 4.5).

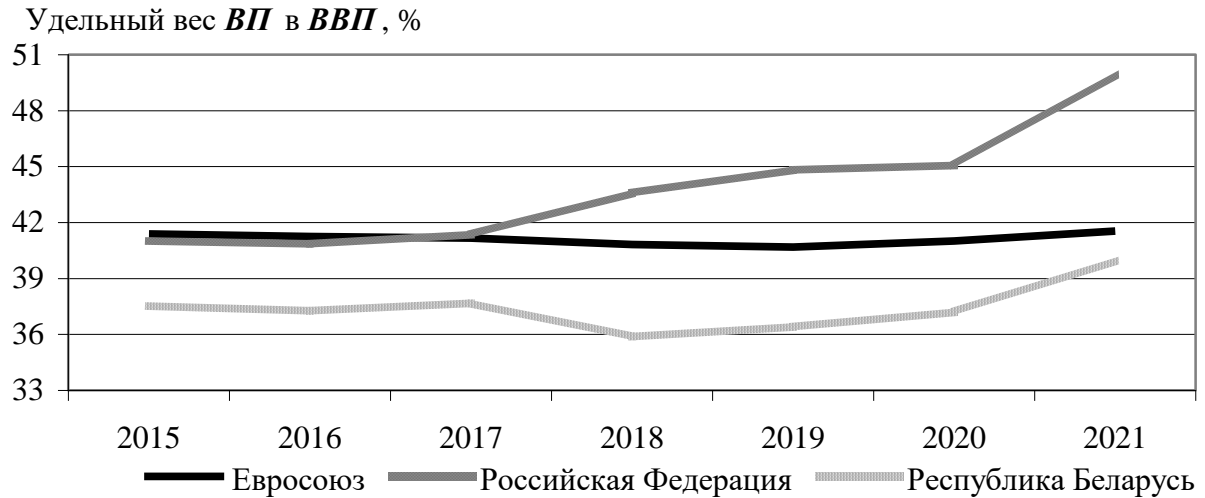

Рисунок 4.5 – Экономическая эффективность отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным [188-191; 258-261; 312; 315; 329]]

Для социально-экономической мезосистемы единая методология государственной статистической службы действует в течение определенного промежутка времени. Поэтому оценки и сравнения экономической эффективности разных мезосистем будут корректными в рамках одной макросистемы. Для мезосистем в официальной статистике, как правило, приводятся все исходные показатели для расчета экономической эффективности. Оценить экономическую эффективность социально-экономической системы на мезоуровне можно тремя способами:

1) по отраслевой рентабельности ($\mathcal{E}_{m1} = R_{н.м}$), определяемой как соотношение отраслевой чистой прибыли ($\mathcal{ЧП}_m$) и отраслевых валовых расходов (BP_m):

$$\mathcal{E}_{m1} = R_{н.м} = \mathcal{ЧП}_m / BP_m ; \quad (4.10)$$

2) по удельному весу отраслевой чистой прибыли ($\mathcal{ЧП}_m$) в отраслевом чистом доходе от реализации товаров и услуг ($\mathcal{Д}_m$):

$$\mathcal{E}_{м2} = \mathbf{ЧП}_м / \mathbf{Д}_м ; \quad (4.11)$$

3) по удельному весу отраслевых валовых расходов ($\mathbf{ВР}_м$) в отраслевом чистом доходе от реализации товаров и услуг ($\mathbf{Д}_м$):

$$\mathcal{E}_{м3} = \mathbf{ВР}_м / \mathbf{Д}_м . \quad (4.12)$$

Например, среди отдельных отраслей экономики Российской Федерации наибольшую рентабельность имеет добыча полезных ископаемых, а наименьшую – обрабатывающие производства. Относительно обрабатывающих производств вызывает некоторые сомнения более высокая рентабельность сельского, лесного хозяйства, рыболовства и рыбоводства, а также ее резкое повышение в период 2013-2015 г. (рисунок 4.6).

Рисунок 4.6 – Экономическая эффективность отдельных отраслей экономики Российской Федерации [составлено автором по данным [188-191]]

Для социально-экономической микросистемы в большинстве стран бухгалтерский учет доходов и затрат организован на основе международных стандартов финансовой отчетности [244]. Поэтому при оценке экономической эффективности использование способов расчета (4.10-4.12) не вызывает трудностей, но здесь следует определиться с объектом оценки. Таковым может быть экономическая эффективность хозяйственной деятельности организации, отдельных ее видов или использования ресурсов (рисунок 4.7).

Рисунок 4.7 – Виды хозяйственной деятельности, основных ее результатов и ресурсов организации [составлено автором]

Кроме чистой прибыли организации, в зарубежной практике в качестве критерия экономической эффективности используется показатель «*cash-flow*» (денежный поток). Он учитывает амортизационные отчисления, возвращаемые организации вместе с чистой прибылью. Эти средства остаются в распоряжении организации и в зависимости от состояния основных средств могут использоваться не только на реновацию, но и вкладываться в другие активы.

Специфическим свойством нестабильных и кризисных экономик является убыточность многих организаций. Это вызывает явление массовой неплатежеспособности, что приводит к росту текущей дебиторской и кредиторской задолженностей организаций, в первую очередь, за товары и услуги. В таких условиях показатель «*cash-flow*» целесообразно корректировать

на величину изменения текущей дебиторской задолженности организации. Это позволяет оценивать реальные денежные средства организации. На основе этих критериев с использованием данных бухгалтерской отчетности и методов (4.10-4.12) *рентабельность социально-экономической микросистемы* можно оценить тремя способами:

1) *по рентабельности хозяйственной деятельности организации:*

$$R_{H,m1} = \frac{ЧП_m}{ВР_m}, \quad R_{H,m2} = \frac{ЧП_m + A_m}{ВР_m}, \quad R_{H,m3} = \frac{ЧП_m + A_m - (ДБ_{m1} - ДБ_{m0})}{ВР}, \quad (4.13)$$

где $ВР_m$ – валовые расходы; $ДБ_{m0}$ и $ДБ_{m1}$ – вся текущая дебиторская задолженность на начало и конец исследуемого периода соответственно;

2) *по рентабельности операционной деятельности организации:*

$$R_{H,on1} = \frac{\Phi P_{on}}{PO}, \quad R_{H,on2} = \frac{\Phi P_{on} + A_m}{PO}, \quad R_{H,on3} = \frac{\Phi P_{on} + A_m - (ДБ_{m1} - ДБ_{m0})}{PO}, \quad (4.14)$$

где ΦP_{on} – финансовый результат от операционной деятельности; PO – операционные расходы; A_m – амортизация основных средств, связанных с осуществлением операционной деятельности; $ДБ_{m0}$ и $ДБ_{m1}$ – текущая дебиторская задолженность за товары и услуги на начало и конец исследуемого периода соответственно;

3) *по рентабельности отдельного вида экономической деятельности организации:*

$$R_{H,\varepsilon 1} = \frac{Д_\varepsilon - З_\varepsilon}{З_\varepsilon}, \quad R_{H,\varepsilon 2} = \frac{Д_\varepsilon - З_\varepsilon + A_\varepsilon}{З_\varepsilon}, \quad (4.15)$$

где $Д_\varepsilon$, $З_\varepsilon$ и A_ε – объем, операционные затраты на производство реализованных товаров и услуг от осуществления отдельного вида экономической деятельности и амортизация основных средств, связанных с его осуществлением соответственно [21].

4.2. Оценка социальной результативности и эффективности

Социальная результативность формируется в сфере потребления. От количества товаров и услуг конечного потребления и потребляющих их индивидов зависит степень достижения главной цели социально-экономической системы, а, следовательно, и ее развития. Тогда социальную результативность можно оценить по соотношению количества товаров и услуг, потребленных индивидами социально-экономической системы, и их численностью.

Потребление индивидами оценивается по их расходам, которые зависят от стоимости товаров и услуг. Расходы индивидов на потребление отличаются. Это зависит от неравномерности распределения в социуме доходов между ними. Поэтому в действительности значение социальной результативности будет меньше ее средней величины. Кроме того, в реальности расходы индивидов из-за инфляции могут увеличиваться, а количество потребленных товаров и услуг – нет. Поэтому для оценки социальной результативности целесообразно использовать следующие показатели:

- 1) номинальные расходы индивидов на конечное потребление как стоимость потребленных ими товаров и услуг в текущих ценах;
- 2) реальные расходы индивидов на конечное потребление как стоимость потребленных ими товаров и услуг в ценах базисного периода;
- 3) действительные расходы индивидов на конечное потребление как стоимость потребленных ими товаров и услуг, скорректированная на неравномерность распределения расходов;
- 4) численность индивидов социально-экономической системы;
- 5) неравномерность распределения расходов индивидов на конечное потребление товаров и услуг.

В социально-экономической макросистеме результат конечного потребления товаров и услуг индивидами, согласно СНС 2008, характеризуется расходами домашних хозяйств на конечное потребление. Они «состоят из

расходов на потребительские товары или услуги. Наряду с покупками потребительских товаров и услуг включают условно оцененную их стоимость, полученную по бартеру и в натуральной форме, а также товары и услуги, произведенные и потребляемые одним и тем же домашним хозяйством. Не включается стоимость товаров и услуг, если они были приобретены не для собственного потребления» [237, с. 214].

Расходы домашних хозяйств на конечное потребление имеют наибольший удельный вес в агрегированной структуре потребления **ВВП**. Расходы домашних хозяйств на конечное потребление постоянно растут в результате увеличения доходов индивидов в процессе закономерного развития социально-экономической системы. Но динамика этих процессов может быть разная. Например, опережающее увеличение роста цен над доходами замедляет конечное потребление индивидами товаров и услуг и сокращает их производство.

Показатель расходов домашних хозяйств на конечное потребление товаров и услуг является потоковым. В статистике он определяется методом опроса. На его основе и официальных данных о численности населения можно рассчитать следующие *показатели социальной результативности макросистемы*:

1) *номинальную социальную результативность* (CP_n) как соотношение номинальных расходов домашних хозяйств на конечное потребление (PDX) с численностью населения ($Ч_n$):

$$CP_n = \frac{PDX}{Ч_n} ; \quad (4.16)$$

2) *реальную социальную результативность* (CP_p) как соотношение номинальных расходов домашних хозяйств на конечное потребление (PDX), скорректированное на индекс потребительских цен (I_{nc}), с численностью населения ($Ч_n$):

$$CP_p = \frac{CP_n}{I_{nc}} = \frac{PDX}{Ч_n \cdot I_{nc}} . \quad (4.17)$$

Если использовать значение расходов домашних хозяйств на конечное потребление, рассчитанное по ППС, то можно сравнивать социальную результативность разных социально-экономических макросистем и в разные периоды. При этом должно соблюдаться условие использования одной методологии статистических исследований и достоверности информации.

Например, по данным Всемирного Банка значения номинальной и реальной социальной результативности по ППС самые высокие в Евросоюзе, в Российской Федерации – ниже, но выше, чем в Республике Беларусь, где наблюдается самый высокий уровень инфляции, оцениваемый по индексу потребительских цен (рисунок 4.8). Как и экономическая (рисунок 4.1), социальная результативность имеет закономерную тенденцию к росту в долгосрочном периоде. Это следует из закономерности расширенного воспроизводства товаров и услуг в долгосрочном периоде. Снижение инфляции приводит к росту реальной социальной результативности, например, в Российской Федерации и Республике Беларусь в период 2016-2018 г.г. Но более значимым фактором является увеличение доходности стран в 2021 г. (рисунок 3.7).

Расходы домашних хозяйств на конечное потребление зависят от их доходов, которые между индивидами объективно распределяются неравномерно. Поэтому степень удовлетворения их потребностей будет разная. В национальных статистиках неравномерность распределения доходов между индивидами определяется соответствующим показателем, как правило, коэффициентом Джини. Он «характеризует дифференциацию денежных доходов населения в виде отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного распределения между ними» [175, с. 168]. Коэффициент Джини рассчитывается как отношение площади фигуры, образованной кривой Лоренца, характеризующей неравенство в распределении доходов, и прямой равного распределения доходов, к площади треугольника, образованного этой прямой и осями координат. Чем меньше его значение отклоняется от нуля и приближается к единице, тем равномернее распределены доходы [300, с. 778].

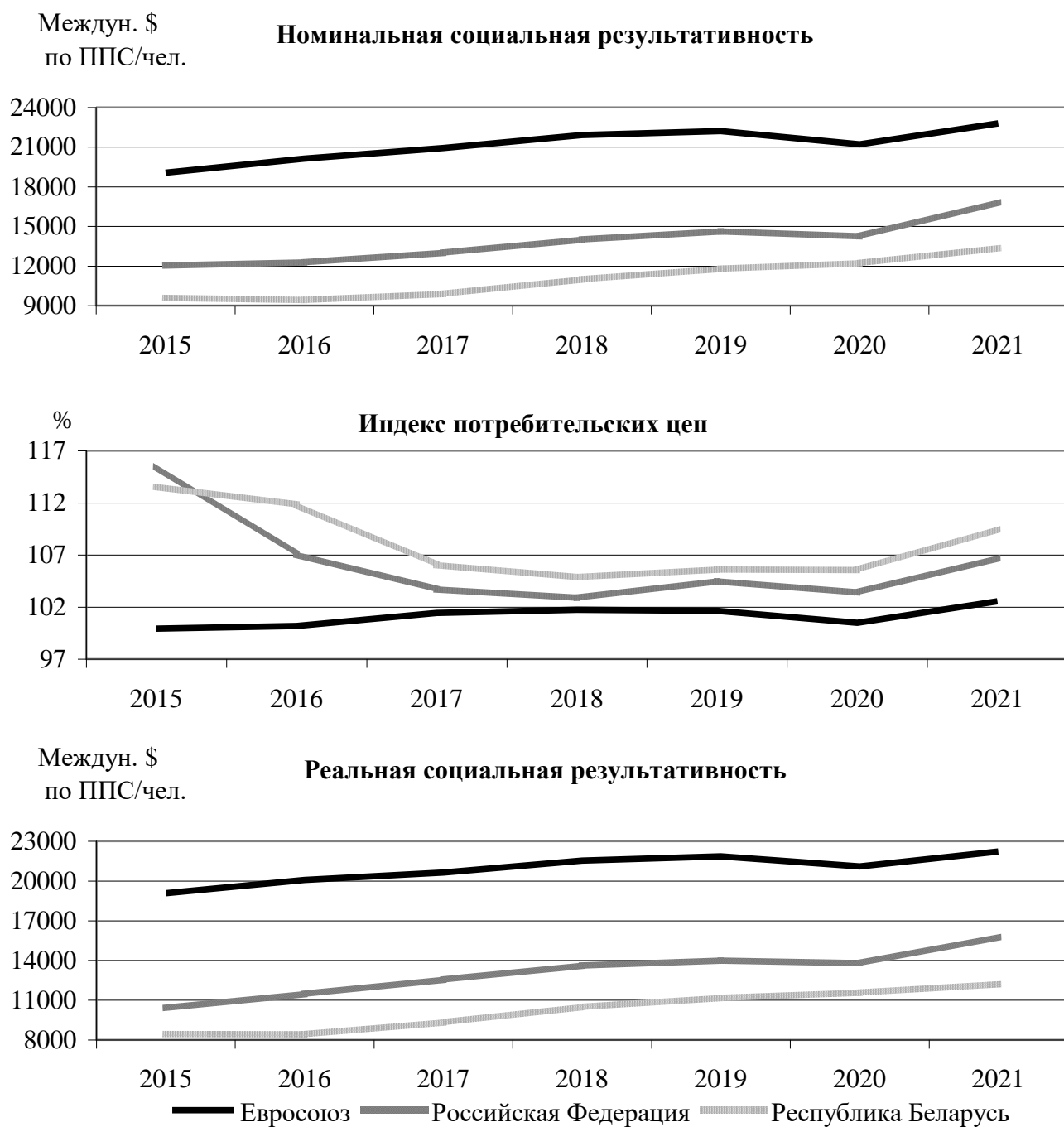

Рисунок 4.8 – Социальная результативность отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором] (по данным [320; 323; 327])

Очевидно, аналогичным способом можно оценить неравномерность распределения расходов домашних хозяйств. Соответствующий коэффициент неравномерности их распределения рассчитывается как отношение площади фигуры, образованной кривой фактического распределения расходов по группам

домашних хозяйств и прямой равного их распределения, к площади треугольника, образованного этой прямой и осями координат (рисунок 4.9).

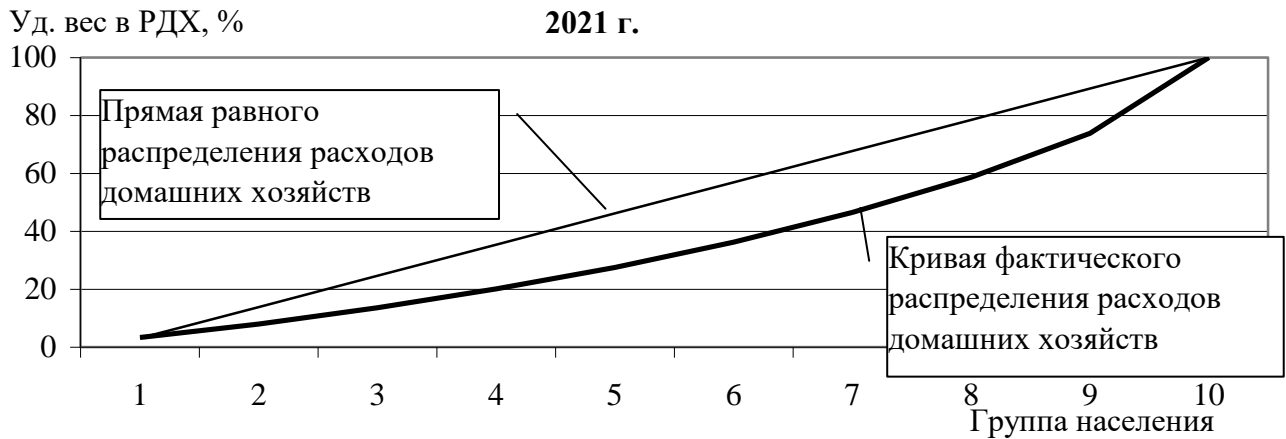

Рисунок 4.9. Распределение расходов домашних хозяйств Российской Федерации на конечное потребление товаров и услуг [составлено автором по данным [57]]

С учетом неравномерности распределения расходов домашних хозяйств на конечное потребление можно определить следующие значения социальной результативности макросистемы:

1) действительную номинальную ($CP_{дн}$) социальную результативность как соотношение номинальных расходов домашних хозяйств на конечное потребление ($РДХ$), скорректированное на коэффициент неравномерности их распределения ($K_{нр}$), с численностью населения ($Ч_n$):

$$CP_{дн} = CP_n \cdot (1 - K_{нр}) = \frac{РДХ \cdot (1 - K_{нр})}{Ч_n}; \quad (4.18)$$

2) действительную реальную ($CP_{др}$) социальную результативность как соотношение номинальных расходов домашних хозяйств на конечное потребление ($РДХ$), скорректированное на коэффициент неравномерности их распределения ($K_{нр}$) и индекс потребительских цен ($I_{пц}$), с численностью населения ($Ч_n$):

$$CP_{op} = CP_p \cdot (1 - K_{np}) = \frac{PDX \cdot (1 - K_{np})}{\mathcal{C}_n \cdot I_{nc}} \quad (4.19)$$

Например, действительные значения номинальной и реальной социальной результативности самые высокие в Евросоюзе. В Республике Беларусь – самые низкие значения показателей, но они незначительно отличаются от их значений в Российской Федерации (рисунок 4.10).

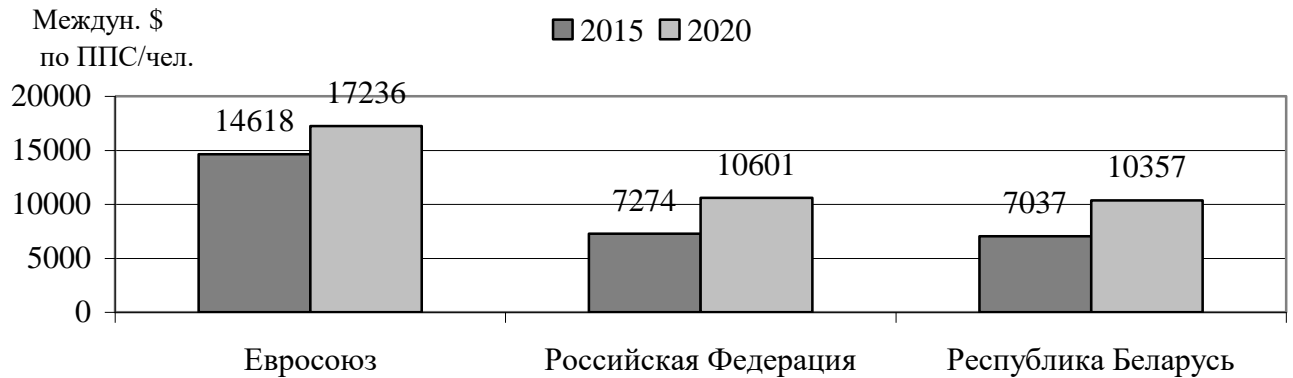

Рисунок 4.10 – Действительная социальная результативность отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным [57; 247; 248; 320; 323; 327]]

В Российской Федерации из-за высокой неравномерности распределения расходов домашних хозяйств на конечное потребление действительная величина реальной социальной результативности гораздо ниже, чем ее номинальное и реальное значение, на которое влияет инфляция. При этом после 2019 г. существует тенденция к социальному расслоению домохозяйств по неравномерности распределения доходов и расходов на конечное потребление (рисунок 4.11).

В социально-экономической мезо- или микросистеме товары и услуги непосредственно производятся наемными работниками отраслей и организаций соответственно. Их расходы на потребление в официальной статистике не оцениваются, но они связаны со статистически учитываемыми расходами на оплату труда в структуре затрат на производство и реализацию товаров и услуг. Отчисления на социальное страхование прямо пропорциональны величине

оплаты труда и не тратятся на потребление товаров и услуг в текущем периоде, поэтому отчисления на социальное страхование некорректно рассматривать в качестве социального результата.

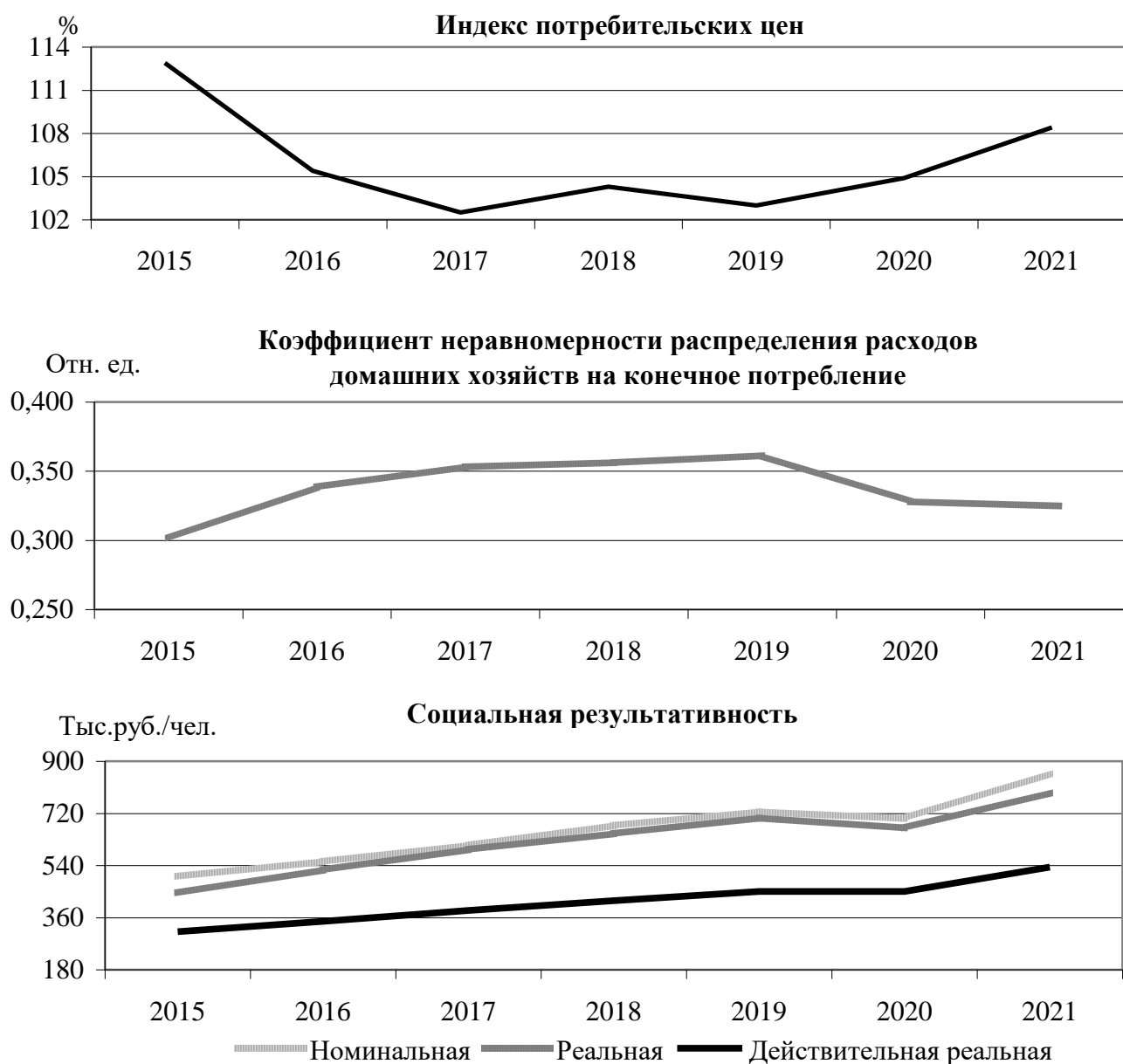

Рисунок 4.11 – Показатели социальной результативности Российской Федерации [составлено автором по данным [57; 188-191]]

В качестве социального результата также некорректно рассматривать доходы частных собственников средств производства из потребляемой части чистой прибыли, которая является экономическим эффектом. К тому же, количество частных собственников средств производства относительно другой части индивидов любой социально-экономической системы незначительно, а их

затраты частично ограничены физиологическими потребностями и большей частью связаны с предметами роскоши. Поэтому эти доходы частных собственников средств производства не являются потребительски значимыми.

Таким образом, в социально-экономической мезо- или микросистеме социальный результат, в основном, определяется оплатой труда наемных работников, в которую не входят отчисления на социальное страхование. В бухгалтерском учете оплата труда наемных работников без отчислений на социальное страхование идентифицируется как заработная плата. Различают номинальную ($ЗП_m$) и реальную ($ЗП_{mp}$) начисленную заработную плату наемных работников, которая определяется путем корректировки номинальной заработной платы на индекс потребительских цен ($I_{пц}$).

Начисленная заработная плата, уменьшенная на величину налога на доходы физических лиц и других обязательных отчислений, кроме отчислений на социальное страхование, образует располагаемую заработную плату. В официальной статистике, как правило, отражается номинальная начисленная заработная плата наемных работников. Ее средние значения приводятся для национальной экономики и ее отраслей. В организациях сведения о начисленной и располагаемой номинальной заработной плате в обязательном порядке отражаются в бухгалтерской отчетности.

На этой основе можно оценить следующие *показатели социальной результативности социально-экономической мезо- или микросистемы*:

1) *номинальную социальную результативность* ($СР_m$) как соотношение номинальной оплаты труда ($ОТ_m$) с численностью наемных работников ($Ч_m$); в результате ее показателем становится номинальная начисленная заработная плата ($ЗП_m$):

$$СР_m = \frac{ОТ_m}{Ч_m} = ЗП_m ; \quad (4.20)$$

2) *реальную социальную результативность* ($СР_{mp}$) как номинальную начисленную заработную плату ($ЗП_m$), скорректированную на индекс

потребительских цен; в результате ее показателем становится реальная начисленная заработная плата ($ЗП_{мр}$):

$$СР_{мр} = \frac{ЗП_{м}}{I_{пц}} = ЗП_{мр} \quad (4.21)$$

Объективно заработная плата распределяется между наемными работниками неравномерно. Поэтому в действительности социальная результативность мезо- и микросистем будет ниже ее средних значений. Неравномерность распределения заработной платы можно оценить способом, аналогичным расчету коэффициента Джини. В результате определяются:

1) *действительная номинальная социальная результативность* ($СР_{мд}$) как номинальная начисленная заработная плата ($ЗП_{м}$), скорректированная на коэффициент неравномерности ее распределения ($k_{нз}$):

$$СР_{мд} = (1 - k_{нз}) \cdot ЗП_{м}; \quad (4.22)$$

2) *действительная реальная социальная результативность* ($СР_{мдр}$) как номинальная начисленная заработная плата ($ЗП_{м}$), скорректированная на коэффициент неравномерности ее распределения ($k_{нз}$) и индекс потребительских цен ($I_{пц}$):

$$СР_{мдр} = \frac{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_{м}}{I_{пц}} \quad (4.23)$$

Например, в Российской Федерации из трех отраслей национальной экономики наибольшие значения социальной результативности (заработной платы) имеет добыча полезных ископаемых, затем – обрабатывающие производства, а наименьшее – сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство. Существует закономерная тенденция к отраслевому росту номинальных, реальных и действительных значений социальной результативности, а также к снижению внутриотраслевой неравномерности распределения заработной платы (рисунок 4.12).

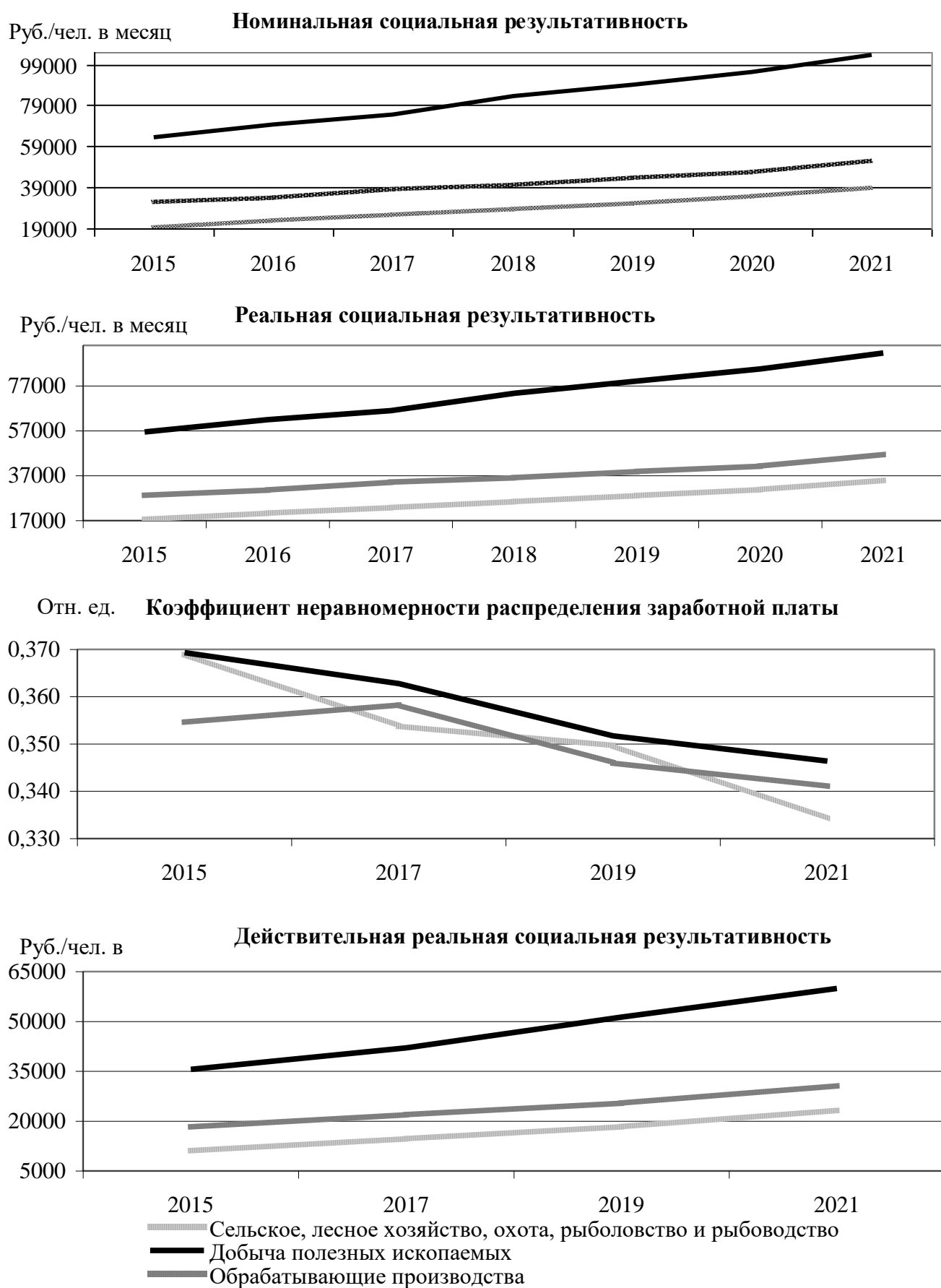

Рисунок 4.12 – Социальная результативность отдельных отраслей экономики Российской Федерации [составлено автором по данным [188-191; 232]]

Критерием социальной эффективности любой социально-экономической системы выступает определенный социальный эффект. Таких эффектов существует множество, например, бесплатное образование, медицина и т.п. Эти эффекты образуются за счет государственного бюджета и являются косвенными. Они не учитываются в доходах индивидов. Прямой социальный эффект в сфере потребления, по аналогии с экономической прибылью в сфере производства, определяется сберегаемой частью (сбережениями – $Cб$) доходов индивидов ($Д$) после осуществления расходов на потребление товаров и услуг ($РП$): $Cб = Д - РП$. Тогда социальную эффективность определяет соотношение сберегаемой части доходов индивидов и их расходов на потребление товаров и услуг. Поскольку сбережения индивидов являются синтетическим результатом их располагаемого дохода и расходов на потребление товаров и услуг, то возможны и другие варианты ее оценки по соотношению этих показателей.

Таким образом, социальную эффективность социально-экономической системы можно оценить по соотношению сбережений, располагаемого дохода и расходов индивидов на конечное потребление товаров и услуг в различной комбинации. Эти показатели содержат один и тот же ценовой фактор. Это позволяет сравнивать социальную эффективность социально-экономических систем одной формы организации и в разные периоды при условии сопоставимости учета показателей в методологии государственных статистических служб.

Очевидно, что любые комбинации сбережений, располагаемого дохода и расходов индивидов на конечное потребление товаров и услуг характеризуют *усредненное значение социальной эффективности*. Поэтому при оценке социальной эффективности необходимо учитывать неравномерность распределения располагаемых доходов и расходов индивидов на конечное потребление товаров и услуг. С учетом этого *действительную социальную эффективность* можно оценить как соотношения скорректированных на соответствующие неравномерности распределения сбережений, располагаемого

дохода и расходов индивидов на потребление товаров и услуг в различной комбинации.

Средние значения социальной эффективности социально-экономической макросистемы можно определить с использованием официальных статистических данных по соотношению располагаемого дохода ($ДДХ$), расходов на конечное потребление ($РДХ$) и сбережений домашних хозяйств ($СДХ$) в различной комбинации:

$$C_1 = \frac{СДХ}{РДХ}, \quad C_2 = \frac{СДХ}{ДДХ} = \frac{C_1}{1+C_1}, \quad C_3 = \frac{РДХ}{ДДХ} = \frac{1}{1+C_1}, \quad СДХ = ДДХ - РДХ. \quad (4.24)$$

При выборе способа оценки (C_1 , C_2 и C_3) следует учитывать разную векторную направленность этих показателей социальной эффективности: если она повышается, значение показателей C_1 и C_2 растет, а C_3 – снижается. Существуют некоторые различия в методологии государственных статистических служб разных стран в отражении информации о показателях $ДДХ$ и $РДХ$. Из-за этого оценки будут выполнены с некоторой погрешностью, но она вполне допустима при сравнении социальной эффективности разных социально-экономических систем на макроуровне.

В социально-экономической макросистеме в соответствии с методологией СНС 2008 доходы и расходы индивидов учитываются по домашним хозяйствам, которые выступают институциональной единицей [237, с. 67]. Для конечного потребления товаров и услуг значим только их скорректированный располагаемый доход. В соответствии с методологией СНС 2008 – это «максимальная сумма средств, которую домашнее хозяйство может израсходовать на потребительские товары и услуги в текущем периоде, не прибегая к финансированию этих расходов за счет сокращения своих денежных активов, реализации других финансовых или нефинансовых активов либо увеличения своих обязательств. Эта сумма средств исчисляется путем добавлений и вычитаний к располагаемому денежному доходу стоимости социальных

трансфертов в натуральной форме, подлежащих получению или выплате» [237, с. 206].

В официальных статистиках могут использоваться аналогичные по смыслу показатели. Например, в качестве показателя доходов в Российской Федерации и Республике Беларусь используется показатель располагаемых ресурсов домашних хозяйств. В отличие от располагаемого дохода, располагаемые ресурсы – это совокупность денежных доходов домохозяйств, сумм израсходованных накоплений и привлеченных (заемных) средств и стоимости натуральных поступлений. В Республике Беларусь в структуре располагаемого дохода не учитывается сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений [191; 261]. В Евросоюзе используется показатель «скорректированный валовой располагаемый доход домашних хозяйств». Он отражает покупательную способность домохозяйств и их способность инвестировать в товары и услуги или откладывать на будущее, с учетом налогов, социальных взносов и социальных пособий в натуральной форме. Включает скорректированный валовой располагаемый доход домашних хозяйств и некоммерческих учреждений, обслуживающих домашние хозяйства [325].

В качестве расходов домашних хозяйств в Российской Федерации отражается показатель расходов на конечное потребление товаров и услуг. В Республике Беларусь приводятся потребительские расходы домашних хозяйств, а в Евросоюзе – средние потребительские расходы. Что касается сбережений домашних хозяйств, то их отражение в официальной статистической информации носит выборочный характер (например, денежные сбережения) или отсутствует вообще. Это вполне логично, поскольку сбережения являются синтетическим показателем доходов и расходов. Их можно определить как разницу между скорректированным располагаемым доходом (располагаемыми ресурсами) домашних хозяйств ($ДДХ$) и их расходами на конечное потребление ($РДХ$): $СДХ = ДДХ - РДХ$. Тогда социальная эффективность макросистемы определяется показателем $C_1 = СДХ / РДХ$ или $C_{21} = СДХ / ДДХ$.

Например, наиболее высокое среднее значение показателя социальной эффективности C_2 в Евросоюзе, затем – в Российской Федерации, а наименьшее – в Республике Беларусь, которое начало расти после 2017 г. В Евросоюзе и Российской Федерации заметное повышение социальной эффективности произошло после 2020 г., но в 2021 г. во всех странах она снизилась (рисунок 4.13).

Согласно положению Дж. М. Кейнса, с ростом доходов люди увеличивают потребление, но не в той мере, в которой растет их доход [85]. Очевидно, на рост потребления, кроме доходов, оказывают влияние и другие факторы. Например, рост потребления ограничивается физиологическими потребностями человека. В результате неравномерность распределения расходов домашних хозяйств на конечное потребление будет отличаться от неравномерности распределения их доходов, которая в официальной статистике учитывается индексом Джини. При этом в его оценках разными статистическими службами существуют расхождения.

Уд. вес $СДХ$ в $ДДХ$, %

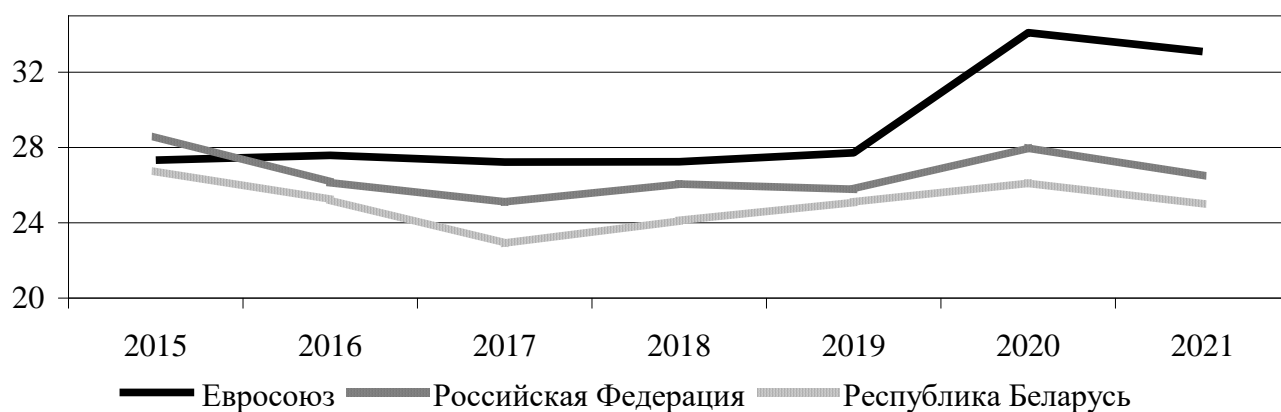

Рисунок 4.13 – Средние значения социальной эффективности отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным [57; 258-261; 308; 314; 326]]

Например, по оценкам Всемирного банка, в Российской Федерации в 2020 г. значение коэффициента Джини составляло 0,36, в Республике Беларусь – 0,244 [318], а по данным государственных статистических служб – 0,403 и 0,266

соответственно [191; 261]. Поэтому при оценке действительной социальной эффективности целесообразно использовать данные государственных статистических служб о распределении доходов домашних хозяйств и тот же метод оценки неравномерности их распределения, как и при оценке неравномерности распределения расходов на конечное потребление.

В официальной статистике Российской Федерации расходы на конечное потребление распределяются по децильным группам (10%) в зависимости от доходов домашних хозяйств, а в Республике Беларусь и Евросоюзе – по квинтильным группам (20%). В официальных статистиках этих стран приводится и распределение доходов домашних хозяйств по группам населения, но в Евросоюзе – только за 2010 г. и 2015 г. [191; 261; 325]. Кроме того, в Российской Федерации состав располагаемых ресурсов (располагаемого дохода) домашних хозяйств отражается в расчете на одного члена [191]. Евростат приводит значения показателей для расходов на конечное потребление и скорректированный валовой располагаемый доход домашних хозяйств на душу населения [325]. В Республике Беларусь сопоставимы только денежные значения этих показателей [261]. Несмотря на такие отличия, соответствующие оценки значений коэффициентов неравномерности их распределения будут вполне корректными, если эти показатели привести в сопоставимый вид.

Например, только в Российской Федерации растет неравномерность распределения располагаемых ресурсов и расходов домашних хозяйств на конечное потребление. При этом значение коэффициента неравномерности распределения располагаемых ресурсов домашних хозяйств в 2020 г. почти в 1,5 раза, а их расходов на конечное потребление – в 2 раза выше, чем в Республике Беларусь. Это подтверждается соответствующими индексами восприятия коррупции, который измеряется от 0 до 100 (самый низкий уровень коррупции). В Российской Федерации в 2020 г. значение индекса восприятия коррупции составляло 30, в Республике Беларусь – 47 [330]. В 2020 г. значения этого показателя в Евросоюзе составляло 64, а значения коэффициентов неравномерности распределения скорректированного располагаемого дохода и

расходов домашних хозяйств на конечное потребление занимают промежуточное значение (рисунок 4.14). Такое несоответствие связано с отсутствием в официальной статистике Евростата исходных данных, позволяющие привести эти показатели в сопоставимый вид.

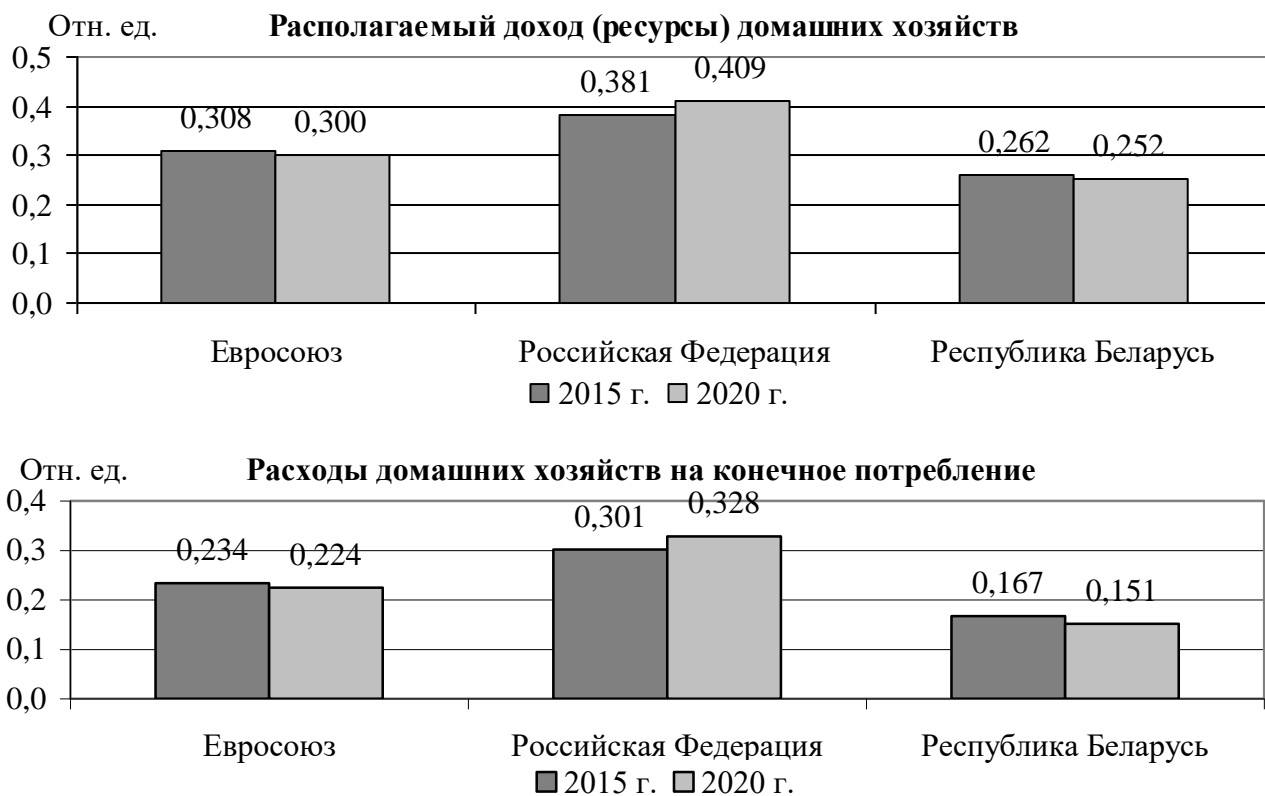

Рисунок 4.14 – Коэффициенты неравномерности распределения доходов и расходов на конечное потребление в отдельных социально-экономических макросистемах [составлено автором по данным [57; 260-261; 308; 311; 314; 326]]

По утверждению Дж. М. Кейнса, связь между доходами и расходами нелинейная, но прямая [85]. Очевидно, это свойственно и динамике коэффициентов неравномерности распределения дохода и расходов домохозяйств на конечное потребление, что подтверждается тесной взаимосвязью значений соответствующих коэффициентов. Например, в Российской Федерации величина коэффициента корреляции (r) между их значениями составила 0,816. При этом неравномерность распределения располагаемых ресурсов и расходов домашних хозяйств на конечное потребление повышалась до 2019 г., а затем начала снижаться (рисунок 4.15).

Располагаемый доход ($ДДХ$) и расходы домашних хозяйств на конечное потребление ($РДХ$) имеют разную векторную направленность с коэффициентами неравномерности их распределения ($K_{нд}$ и $K_{нр}$ соответственно). Поэтому показатели $ДДХ$ и $РДХ$ следует корректировать на соответствующие коэффициенты $(1 - K_{нд})$ и $(1 - K_{нр})$, обращая внимание на сопоставимость и достоверность статистических данных о значениях исходных показателей.

Соотношение в различной комбинации расходов на конечное потребление товаров и услуг ($РДХ$) и располагаемого дохода домашних хозяйств ($ДДХ$), скорректированные на неравномерность их распределения, позволяет оценить *действительную социальную эффективность макросистемы* следующими способами:

$$C_{3\partial} = \frac{(1 - K_{нр}) \cdot РДХ}{(1 - K_{нд}) \cdot ДДХ}, \quad C_{2\partial} = 1 - C_{3\partial}, \quad C_{1\partial} = \frac{1}{C_{3\partial}} - 1. \quad (4.25)$$

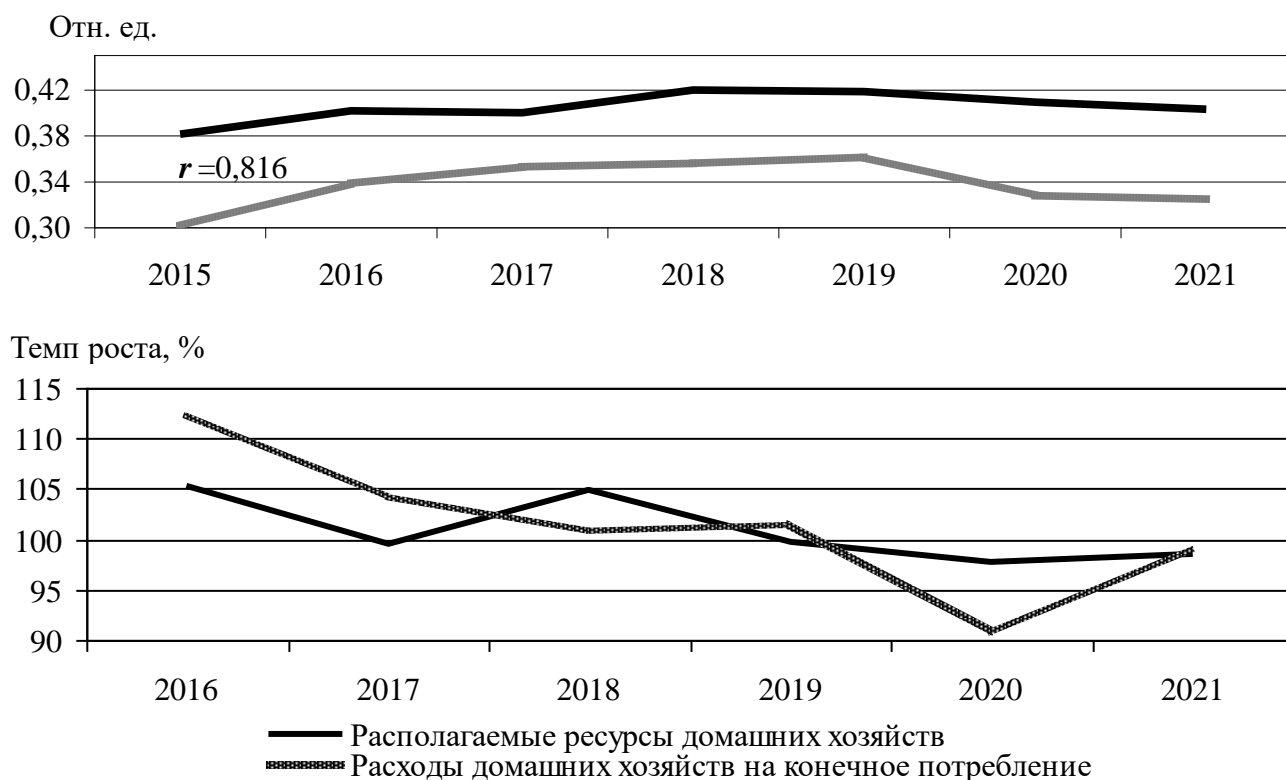

Рисунок 4.15 – Коэффициенты неравномерности распределения доходов и расходов домашних хозяйств на конечное потребление в Российской Федерации [составлено автором по данным [311]]

С практической точки зрения и, исходя из наличия данных в официальной статистике для социально-экономических макросистем, для оценки их действительной социальной эффективности целесообразнее использовать соотношение расходов на конечное потребление и располагаемого дохода домашних хозяйств с учетом неравномерности их распределения. Например, в Евросоюзе в 2020 г. значение действительной социальной эффективности (C_{2d}) значительно выросло и больше, чем в Российской Федерации, у которой этот показатель незначительно выше, чем в Республике Беларусь. При этом существует тенденция к снижению действительной социальной эффективности Российской Федерации и Республики Беларусь (рисунок 4.16) из-за разной динамики неравномерности распределения располагаемых ресурсов и расходов домашних хозяйств на конечное потребление (рисунок 4.14).

Уд. вес $C_{ДХ}$ в $ДДХ$, %

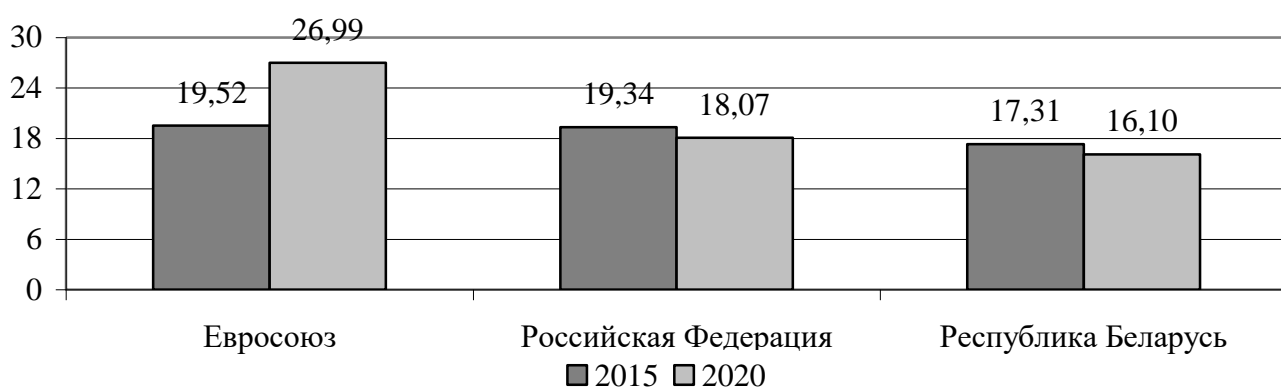

Рисунок 4.16 – Действительная социальная эффективность отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным [57; 260; 261; 308; 311; 314; 326]]

Для социально-экономических мезо- и микросистем критерием социальной эффективности является сберегаемая часть располагаемой заработной платы наемного работника отрасли или организации, которая не включает налог на доходы и отчисления на социальное страхование. Поскольку в статистике, как правило, отражается номинальная начисленная заработная плата, то на ее основе оценивается:

1) *средняя социальная эффективность* как соотношение номинальной начисленной заработной платы ($ЗП_m$) с расходами наемных работников на конечное потребление (PP) в различной комбинации:

$$C_{1м} = \frac{ЗП_m - PP}{PP}, \quad C_{2м} = \frac{ЗП_m - PP}{ЗП_m} = \frac{C_{1м}}{1 + C_{1м}}, \quad C_{3м} = \frac{PP}{ЗП_m} = \frac{1}{1 + C_{1м}}; \quad (4.26)$$

2) *действительная социальная эффективность* как соотношение номинальной начисленной заработной платы ($ЗП_m$) с расходами наемных работников на конечное потребление (PP) с учетом неравномерности их распределения ($k_{нз}$ и $k_{нр}$) в различной комбинации:

$$C_{1мд} = \frac{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_m - (1 - k_{нр}) \cdot PP}{(1 - k_{нр}) \cdot PP}, \quad C_{2мд} = \frac{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_m - (1 - k_{нр}) \cdot PP}{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_m} = \frac{C_{1м}}{1 + C_{1м}},$$

$$C_{3мд} = \frac{(1 - k_{нр}) \cdot PP}{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_m} = \frac{1}{1 + C_{1м}}, \quad (4.25)$$

где $k_{нз}$ и $k_{нр}$ – коэффициент неравномерности распределения номинальной заработной платы и расходов наемных работников на конечное потребление.

Практически определить расходы наемных работников на конечное потребление трудно, но социальными стандартами определяется прожиточный минимум для населения – это «стоимость минимально необходимого человеку набора благ, жизненных средств, позволяющих поддерживать жизнедеятельность» [175, с. 299]. Для трудоспособного населения – это стоимость минимально необходимого набора благ для обеспечения жизнедеятельности работников и членов его семьи по поводу воспроизводства

затраченной в процессе труда рабочей силы и продолжения рода» [302, с. 123]. Он характеризует степень удовлетворения минимальных потребностей одного наемного работника. Но каждый такой работник является членом домашнего хозяйства и обеспечивает его потребности. Поэтому в реальности его сбережения меньше, чем разница между располагаемой заработной платой и прожиточным минимумом.

В развитых странах величина прожиточного минимума устанавливается из возможности экономики его обеспечивать, но возможности экономики разных стран отличаются. В результате величина прожиточного минимума разная. При этом в некоторых странах, например, в Российской Федерации и Республике Беларусь, величина прожиточного минимума определяется ежеквартально по социально-демографическим группам населения (для трудоспособной части населения, пенсионеров, детей и в среднем для населения) на основе потребительской корзины. Потребительская корзина – это «расчетный набор, ассортимент продовольственных и непродовольственных товаров и платных услуг, характеризующий типичный уровень и структуру месячного (годового) потребления человека или семьи» [175, с. 280].

Другим социальным стандартом, нормирующим минимально допустимые расходы наемных работников на конечное потребление, является минимальная оплата труда. Согласно Рекомендации 135 Международной организации труда (МОТ) она должна учитывать индивидуальные потребности наемных работников и расходы на содержание семьи. В одних государствах, например, в Российской Федерации и Республике Беларусь, нормируется месячная, в других, например, в США, Канаде, – часовая минимальная оплата труда. В любом случае ее размер отражается в официальной статистке. Очевидно, в условиях отсутствия статистических данных о фактических расходах наемных работников на конечное потребление величина минимальной оплаты труда характеризует их минимально допустимое значение.

Разница между средней номинальной начисленной заработной платой и минимальной оплатой труда определяет максимально возможные сбережения

наемных работников. Их соотношение со средней номинальной начисленной заработной платой характеризует максимально возможную социальную эффективность социально-экономической мезо или микросистемы. Минимальная оплата труда устанавливается в фактических ценах. Поэтому при оценке социальной эффективности следует использовать статистически учитываемую начисленную номинальную, а не реальную заработную плату. Как правило, размер минимальной оплаты труда устанавливается, исходя из возможностей социально-экономической системы и корректируется в течение года, но в официальной статистике также приводятся усредненные значения этого показателя. В результате действительную максимально возможную социальную эффективность социально-экономической мезо- или микросистемы можно оценить следующим образом:

$$C_{1,мд} = \frac{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_{,м} - ОТ_{\min}}{ОТ_{\min}}, \quad C_{2,мд} = \frac{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_{,м} - ОТ_{\min}}{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_{,м}} = \frac{C_{1,м}}{1 + C_{1,м}},$$

$$C_{3,мд} = \frac{ОТ_{\min}}{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_{,м}} = \frac{1}{1 + C_{1,м}}, \quad (4.26)$$

Например, действительная максимально возможная социальная эффективность рассматриваемых отраслей экономики Российской Федерации имела тенденцию к снижению до 2019 г., а затем начала незначительно повышаться. Наиболее высокое значение показателя социальной эффективности $C_{2,мд}$ имеет добыча полезных ископаемых, а наименьшее – сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (рисунок 4.17).

В некоторых странах размер минимальной оплаты труда устанавливается не ниже прожиточного минимума. Но часто величина прожиточного минимума занижается из-за ограниченных возможностей экономики. Поэтому сравнение социальной эффективности мезосистем с использованием данных государственных статистических служб будет относительно адекватным, но только в один период и в рамках одной социально-экономической макросистемы, а микросистем – в рамках одной социально-экономической мезосистемы.

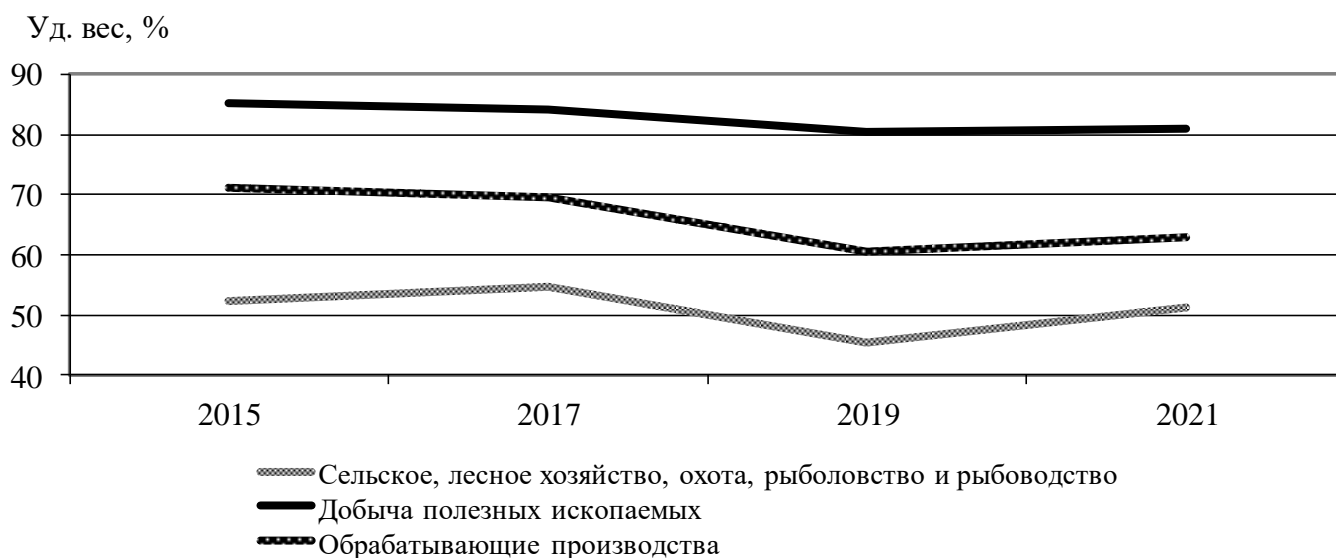

Рисунок 4.17 – Максимально возможная величина действительной социальной эффективности отдельных отраслей экономики Российской Федерации [составлено автором по данным [188-191; 232]]

Для оценки социальной эффективности в качестве базы сравнения можно также использовать рекомендуемые Всемирным Банком (ВБ) значения уровня бедности. В отличие от других международных организаций они учитывают возможности экономики стран с разным уровнем дохода. С сентября 2022 года Всемирным Банком установлен новый крайний уровень бедности – \$2,15 в ценах 2017 года, рассчитанного на человека в день по ППС. Для стран с доходом ниже среднего, со средним и высоким уровнем дохода он составляет \$3,2, \$5,5 и \$21,7 соответственно [254]. В сравнении с оценками относительно минимальной оплаты труда такие оценки социальной эффективности мезо- и микросистем могут быть завышенными.

Например, в 2021 г. Российская Федерация по среднему душевому ВВП (32863 международных долларов по ППС на человека) оценена ВБ как страна с высоким доходом (более 13205 международных долларов по ППС на человека). Если исходить из среднего курса доллара в этом году (73,6824 руб.) и уровня бедности для стран с высоким доходом (\$21,7 на человека в день), то минимальная оплата труда в Российской Федерации должна быть не ниже

47967 руб. Это более чем в 3,7 раза превышает ее величину, установленную законодательством. Очевидно, Российская Федерация является страной со средним уровнем дохода. Это подтверждается более реалистичными оценками максимально возможной величины действительной социальной эффективности отдельных отраслей экономики Российской Федерации (рисунок 4.18). Таким образом, величина минимальной оплаты труда в Российской Федерации больше соответствует значению уровня бедности, установленного ВБ для стран со средним уровнем дохода.

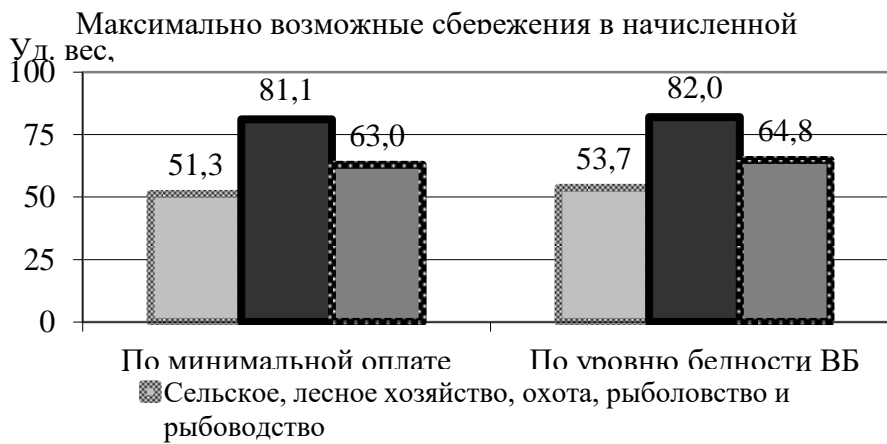

Рисунок 4.18 – Сравнение оценок максимально возможной величины действительной социальной эффективности отдельных отраслей экономики Российской Федерации [составлено автором по данным [188-191; 232; 254]]

Поскольку социальная результативность и эффективность взаимосвязаны с экономической результативностью и эффективностью диалектикой отношений производства и потребления товаров и услуг, необходима комплексная оценка социально-экономической результативности и эффективности.

4.3. Эффективность результативности: комплексная оценка социально-экономической результативности и эффективности

Главной целью функционирования социально-экономической системы является удовлетворение закономерно развивающихся потребностей социума и его индивидов за счет расширенного воспроизводства товаров и услуг. В сфере производства между индивидами формируются экономические отношения, а в сфере потребления – социальные (п 1.2). В сфере производства результатом экономических отношений является количество произведенных товаров и услуг. В сфере потребления результатом социальных отношений является количество потребленных товаров и услуг.

Количество произведенных и потребленных товаров и услуг выступает критерием экономической и социальной результативности. Эти виды результативности выступают количественной характеристикой диалектики отношений сфер производства и потребления, где формируется предложение производителей и потребительский спрос на товары и услуги соответственно. В результате экономическая и социальная результативности социально-экономической системы диалектически взаимосвязаны отношениями предложения и потребительского спроса на товары и услуги.

Поскольку социально-экономическая система является динамической, то производство и потребление, предложение и потребительский спрос постоянно изменяются во времени [275]. При этом темпы роста у них разные. Производство всегда имеет опережающую динамику, как при увеличении, так и снижении потребительского спроса. В результате темпы роста или темпы снижения реальной экономической результативности всегда выше, чем эти показатели динамики действительной реальной социальной результативности. Динамика значений показателей результативности социально-экономической системы циклическая, поскольку процессам производства и потребления свойственны закономерные экономические колебания (цикличность) [170]. Это

подтверждается, например, контрадикторной динамикой реальной экономической результативности и действительных значений реальной социальной результативности Российской Федерации до 2020 г. При этом темпы их снижения имели опережающую динамику (рисунок 4.19).

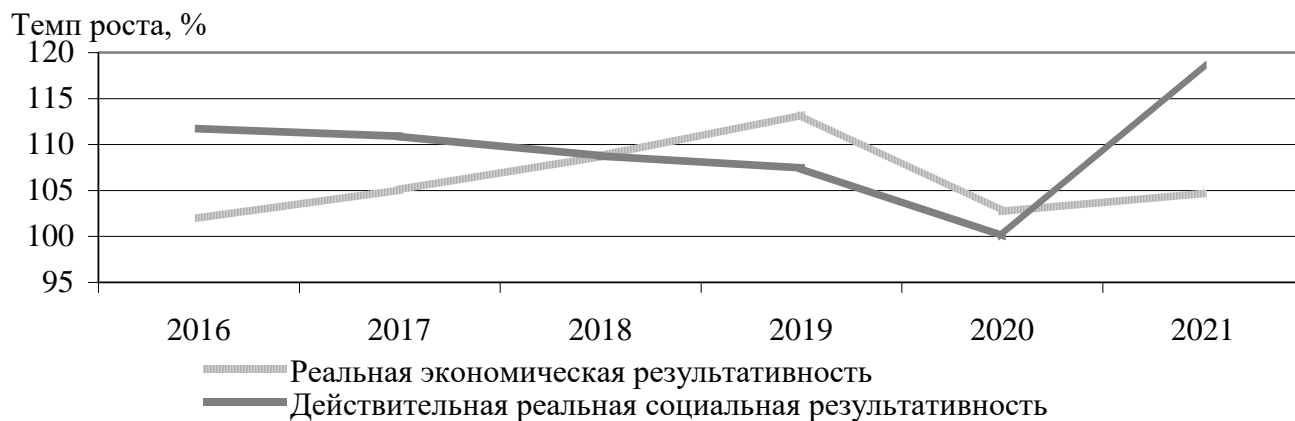

Рисунок 4.19 – Динамика результативности и эффективности социально-экономической макросистемы Российской Федерации [составлено автором по данным рисунков 4.1 и 4.11]

Разная динамика социальной и экономической результативности требует ее комплексной оценки, где учитывается ее социальная и экономическая составляющие. В результате возникает понятие социально-экономической результативности, которое имеет комплексное содержание. *Социально-экономическая результативность – это комплексный результат производства и потребления индивидами товаров и услуг, соотнесенный с численностью индивидов, их производящих и потребляющих соответственно.*

Если исходить из диалектической взаимосвязи сферы производства и потребления, то вполне логично, что социальные и экономические интересы индивидов отличаются. Они, как противоположности, могут быть контрарными и контрадикторными (рисунок 2.5). Отсюда разная векторная направленность социальной и экономической результативностей. Эти показатели относительны и неоднородны, что следует из неоднородности сферы производства и сферы потребления. Поэтому сделать вывод о результативности социально-экономической системы можно только путем сравнения их фактических величин

с базовыми (эталонными) значениями. Таковыми являются наилучшие значения показателей экономической и социальной результативностей в сравниваемых социально-экономических системах. При сравнении социально-экономической результативности одной социально-экономической системы в разные периоды времени в качестве базовых используются значения этих показателей в предыдущем периоде.

Исходя из требования сопоставимости значений исходных показателей, необходимо исключать влияние ценового фактора. В противном случае значения экономической и социальной результативностей будут искаженными. К такому же результату приводит использование усредненных значений показателей экономической и социальной результативностей. Поэтому при оценке и сравнении результативности социально-экономической системы целесообразно использовать значения показателей реальной экономической и действительной реальной социальной результативности.

При условии сопоставимости значений исходных показателей социально-экономическую результативность социально-экономических макро-, мезо- или микросистем можно оценить с помощью метода евклидовых расстояний. Данный метод учитывает степень близости фактических значений реальной экономической ($\mathcal{E}P_p$) и действительной реальной социальной результативности (CP_{dp}) к их эталонным значениям ($\mathcal{E}P_p^0$, CP_{dp}^0) [126]:

$$CЭP = \sqrt{\left(\frac{\mathcal{E}P_p}{\mathcal{E}P_p^0}\right)^2 + \left(\frac{CP_{dp}}{CP_{dp}^0}\right)^2}. \quad (4.26)$$

Например, если за эталонные взять наибольшие значения реальной экономической и действительной реальной социальной результативности в 2015 г., которые были у Евросоюза, то социально-экономическая результативность Российской Федерации в 2015 г. была в 2 раза, а Республики Беларусь – в 2,4 раза меньше. В 2020 г. отставание их социально-экономической результативности сократилось до 1,7 и 2-х раз соответственно. В любом случае социально-экономическая результативность их социально-экономических макросистем имеет закономерную тенденцию к росту в долгосрочном периоде,

что подтверждается ее значениями в Российской Федерации относительно 2015 г. (рисунок 4.20).

Рисунок 4.20 – Социально-экономическая результативность отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным рисунков 4.1, 4.10, 4.14 и 4.11]

Если социально-экономическая результативность выступает количественной характеристикой диалектики отношений сфер производства и потребления, тогда, с точки зрения категорий диалектики «количество» и «качество», социально-экономическая эффективность является качественной характеристикой этих отношений. Очевидно, что критерием разделения понятий социально-экономической результативности и социально-экономической эффективности социально-экономической системы выступают затраты на производство и потребление товаров и услуг. Критериями социально-экономической эффективности выступают социальный и экономический эффекты (п. 3.1). Отсюда, *социально-экономическая эффективность социально-экономической системы – это комплексный (экономический и социальный)*

эффект от производства и потребления товаров и услуг, соотнесенный с затратами на их производство и потребление соответственно.

Составляющим социально-экономической эффективности закономерно циклическое изменение их значений во времени. Это следует из основного контрарного социально-экономического противоречия между интересами наемных работников и собственников средств производства по поводу распределения добавленной стоимости между оплатой труда и прибылью соответственно (п. 2.3). В результате колебания экономической и социальной эффективности происходят в противофазе, но экономической эффективности присуща опережающая динамика. В любом случае экономическая и социальная эффективность в долгосрочном периоде повышается в силу закономерности прогрессивного развития социально-экономической макросистемы, как, например, в Российской Федерации (рисунок 4.21).

Рисунок 4.21 – Динамика эффективности социально-экономической макросистемы Российской Федерации [составлено автором по данным рисунков 4.5 и 4.16]

В комплексе оценить экономическую и социальную эффективности можно методом, аналогичным оценке (4.26). При сравнении социально-экономической эффективности ($C_{\mathcal{E}}$) разных или одной социально-экономической системы в разные периоды при условии сопоставимости исходных данных фактические величины экономической (\mathcal{E}) и действительной социальной эффективности ($C_{\mathcal{D}}$) сравниваются с их эталонными значениями (\mathcal{E}_0 и $C_{\mathcal{D}0}$ соответственно):

$$CЭ = \sqrt{\left(\frac{\mathcal{E}}{\mathcal{E}_s}\right)^2 + \left(\frac{C_d}{C_{db}}\right)^2} \quad (4.27)$$

Например, если за эталонные взять наибольшие значения экономической и действительной социальной эффективности в 2015 г., которые были у Евросоюза, то социально-экономическая эффективность Российской Федерации в 2015 г. была почти такая же, а Республики Беларусь – в 1,1 раза меньше. В 2020 г. отставание их социально-экономической результативности увеличилось до 1,2 и 1,4 раза соответственно. В любом случае социально-экономическая эффективность имеет закономерную тенденцию к росту в долгосрочном периоде, что подтверждается ее значениями для социально-экономической макросистемы Российской Федерации относительно 2015 г. (рисунок 4.22).

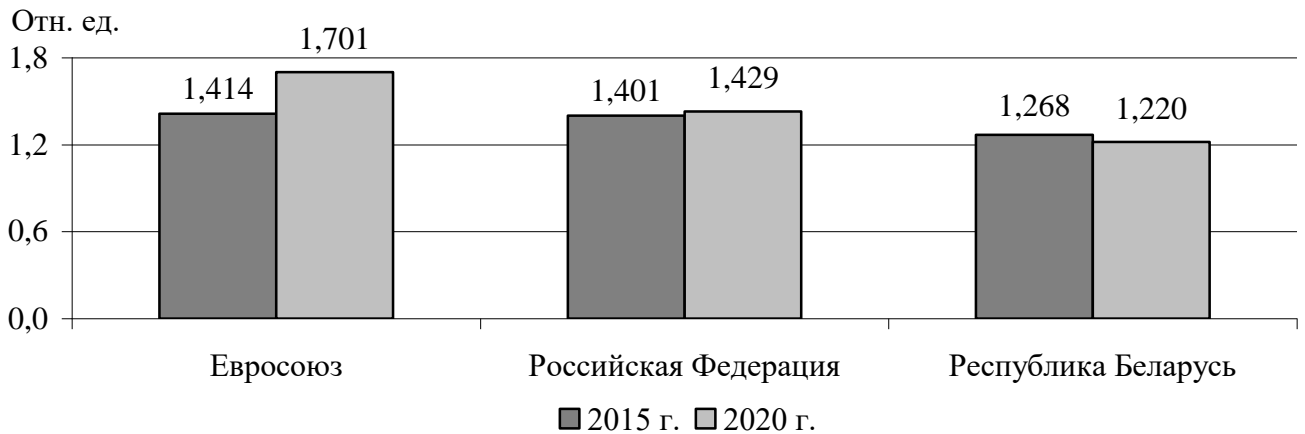

Рисунок 4.22 – Социально-экономическая эффективность отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным рисунков 4.5 и 4.16]

Следует отметить, что показатели социально-экономической эффективности и результативности относительны. В результате может возникнуть ситуация, когда значения социально-экономической эффективности разных социально-экономических систем отличаются незначительно, а результативности – существенно. Например, в 2020 г. значения социально-экономической эффективности в Российской Федерации были меньше, чем в Евросоюзе на 15%, а социально-экономической результативности – на 40% (рисунок 4.22 и 4.20). Поэтому при сравнении социально-экономических систем целесообразно оценивать эффективность их результативности.

Очевидно, что эффективность результативности социально-экономических систем содержит экономическую и социальную составляющие (п. 3.3). Экономический и социальный результаты и эффекты являются критериями экономической и социальной результативностей и эффективностей социально-экономической системы соответственно. Однородность экономического результата и эффекта в социально-экономической системе позволяет математически описать взаимосвязь между экономической результативностью и экономической эффективностью в мультипликативном виде. Это справедливо и для социальной составляющей. Эти *составляющие эффективности результативности социально-экономической системы* можно оценить следующим образом:

1) *экономическая составляющая* ($\mathcal{E}C_{pэ}$) как произведение ее реальной экономической результативности ($\mathcal{E}P_p$) и экономической эффективности (\mathcal{E}):

$$\mathcal{E}C_{pэ} = \mathcal{E}P_p \cdot \mathcal{E}; \quad (4.28)$$

2) *социальная составляющая* ($\mathcal{C}C_{pэ}$) как произведение ее реальной социальной результативности ($\mathcal{C}P_p$) и действительной социальной эффективности (\mathcal{C}_d):

$$\mathcal{C}C_{pэ} = \mathcal{C}P_p \cdot \mathcal{C}_d. \quad (4.29)$$

Несмотря на диалектическую взаимосвязь, экономическая и социальная составляющие эффективности результативности социально-экономической

системы неоднородны. Это следует из неоднородности сфер производства и потребления. Экономическая и социальная составляющие имеют разную направленность. Это следует из противоречия экономических интересов производителей и потребителей товаров и услуг. Поскольку любые оценки результативности и эффективности относительны, то *эффективность результативности социально-экономической системы* ($PЭ$) можно оценить с помощью метода эвклидовых расстояний, где сравниваются оценки экономической ($ЭC_{PЭ}$) и социальной ($CC_{PЭ}$) составляющих с их эталонными значениями ($ЭC_{PЭ}^э$ и $CC_{PЭ}^э$):

$$PЭ = \sqrt{\left(\frac{ЭC_{PЭ}}{ЭC_{PЭ}^э}\right)^2 + \left(\frac{CC_{PЭ}}{CC_{PЭ}^э}\right)^2}. \quad (4.30)$$

При сравнении социально-экономических систем в разные периоды в качестве эталонных берутся оценки экономической и социальной составляющих эффективности результативности в базовом периоде. При сравнении разных социально-экономических систем в качестве эталонных берутся лучшие значения оценок среди сравниваемых систем.

Для социально-экономической макросистемы критериями экономической составляющей являются критерий экономической результативности, которым выступает валовой внутренний продукт ($ВВП$), и критерий экономической эффективности, которым является чистая или валовая прибыль. Для адекватного сравнения эффективности результативности одной или разных социально-экономических макросистем необходимы оценки реальных значений ее экономической составляющей. Оценивать *реальное значение экономической составляющей эффективности результативности* ($ЭC_{PЭ}$) можно по соотношению чистой прибыли ($ЧП$) или валовой прибыли ($ВП$), определенных в текущих рыночных ценах и скорректированных на индекс-дефлятор $ВВП$ (D), и средней численности занятых его производством ($Ч_3$):

$$ЭC_{PЭ} = \frac{ЧП(ВП)}{D \cdot Ч_3}. \quad (4.31)$$

С точки зрения достижения главной цели социально-экономической макросистемы среди конечных потребителей наибольшее значение имеют домашние хозяйства. Уровень удовлетворения их потребностей зависит от величины расходов на конечное потребление из располагаемого дохода домашних хозяйств, который выступает критерием социальной результативности. Абстрагируясь от частных особенностей, изначально располагаемый доход домашних хозяйств формируется на стадии производства как первичной стадии распределения дохода от реализации товаров и услуг в виде располагаемой заработной платы и потребляемой части прибыли частных собственников средств производства. На этой стадии часть дохода от реализации товаров и услуг поступает в бюджет государства в виде потребляемой части прибыли от государственной собственности на средства производства и налогов на производство и импорт. На вторичной стадии перераспределения дохода от реализации товаров и услуг из бюджета государства в виде социальных выплат формируется другая часть располагаемого дохода домашних хозяйств. Разница между их располагаемым доходом и расходами на конечное потребление определяет сберегаемую часть дохода домашних хозяйств, которая выступает критерием социальной эффективности.

Таким образом, для социально-экономической макросистемы критериями социальной составляющей эффективности ее результативности являются расходы домашних хозяйств на конечное потребление и сберегаемая часть их располагаемого дохода. Исходя из этих критериев и одного из показателей (4.25), *действительное реальное значение социальной составляющей эффективности результативности социально-экономической макросистемы* (CC_{p3}) целесообразно оценивать как произведение действительной реальной социальной результативности (CP_{dp}) и действительной социальной эффективности (C_{δ} , например, $C_{3\delta}$):

$$CC_{p3} = CP_{dp} \cdot C_{\delta} = \frac{(1 - K_{np}) \cdot PDX}{Ч_n \cdot I_{nc}} \cdot \frac{(1 - K_{nd}) \cdot PDX}{(1 - K_{nd}) \cdot ДДХ} . \quad (4.32)$$

Для составляющих эффективности результативности социально-экономической макросистемы закономерна тенденция к повышению. Но из-за разной (контрадикторной и контрарной) направленности экономической и социальной результативностей и эффективностей их динамика может быть как противоположной, так и совпадать. Это подтверждается, например, результатами их оценки в Евросоюзе, Российской Федерации и Республике Беларусь (рисунок 4.23).

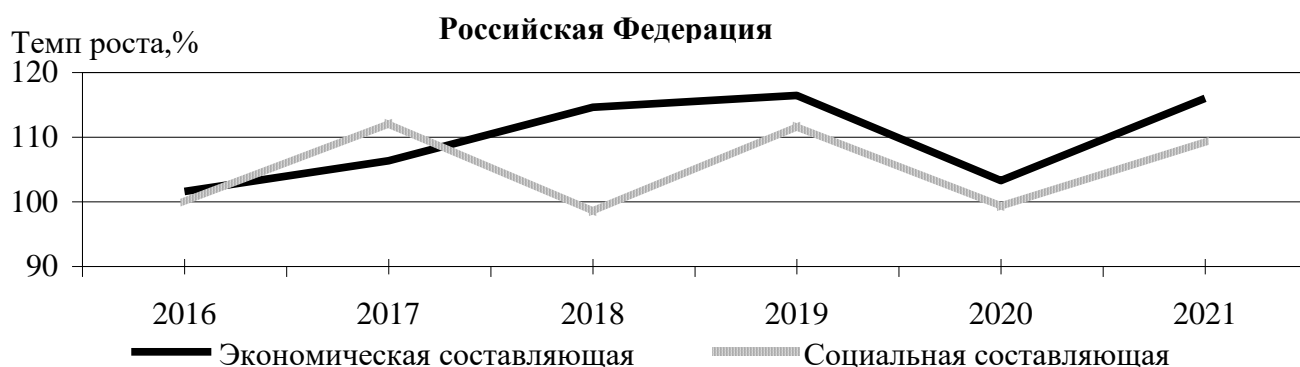
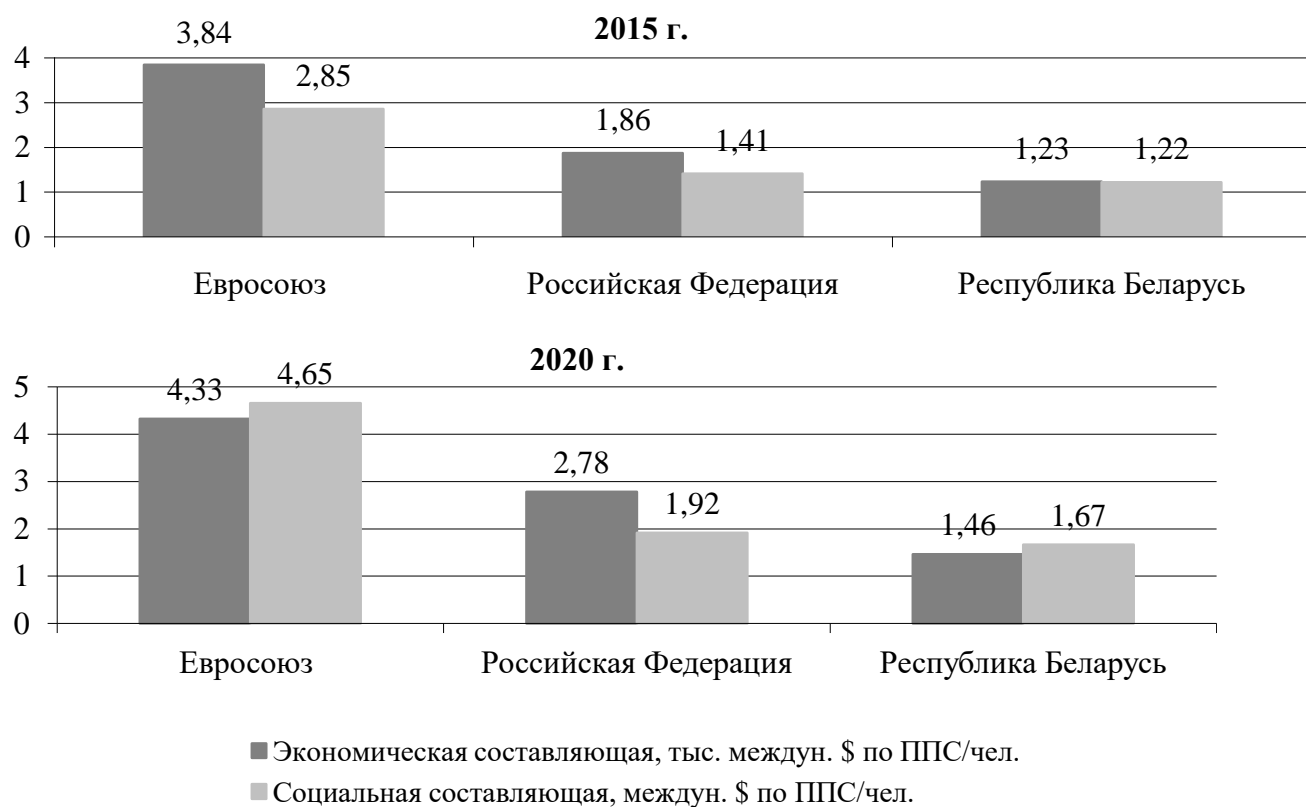

Рисунок 4.23 – Составляющие эффективности результативности отдельных социально-экономической макросистем [составлено автором по данным рисунков 4.20 и 4.22]

Эффективность результативности социально-экономической макросистемы определяется методом (4.30). Например, если за эталонные взять наибольшие значения экономической и социальной составляющих в 2015 г., которые были в Евросоюзе, то эффективность результативности Российской Федерации в 2015 г. была в 2 раза, а Республики Беларусь – в 2,6 раза меньше. В 2020 г. отставание эффективности результативности Российской Федерации не изменилось, а Республики Беларусь увеличилось до 2,8 раз. В любом случае эффективность результативности социально-экономических систем в долгосрочном периоде имеет закономерную тенденцию к росту и цикличность колебаний. Это подтверждается ее значениями для макроэкономической системы Российской Федерации относительно 2015 г., где амплитуда их колебаний имеет тенденцию к увеличению (рисунок 4.24).

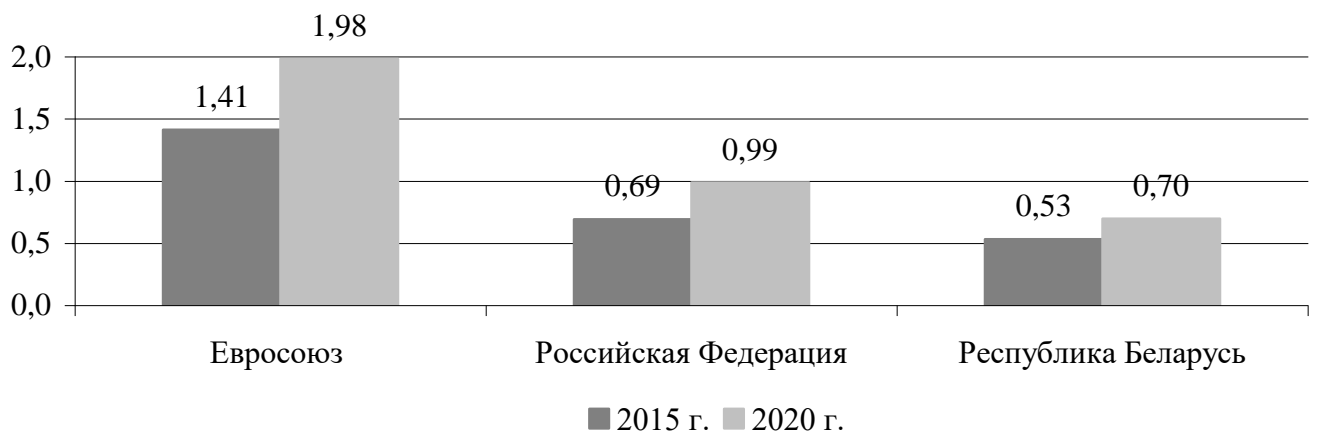

Рисунок 4.24 – Эффективность результативности отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным рисунка 4.23]

Для социально-экономической мезо- или микросистемы критериями экономической составляющей результативности являются объем реализованных товаров и услуг, который оценивается доходом от их реализации, и чистая прибыль от их производства и реализации.

По аналогии с методами оценки (4.31) и (4.32) экономическую составляющую можно рассчитать как произведение реальной экономической результативности и экономической эффективности. Эти показатели относительные. Поэтому оценивается реальный доход от реализации товаров и услуг в сопоставимых ценах путем их корректировки на индекс цен производителей. Чистая прибыль определяется в текущих рыночных ценах, поскольку при оценке экономической эффективности она сопоставляется с затратами, выраженными в этих ценах.

Если экономическую эффективность оценивать, например, по удельному весу прибыли (Π) в доходе от реализации товаров и услуг (D), то *экономическая составляющая эффективности результативности социально-экономической мезо- или микросистемы* ($\mathcal{E}C_{pэм}$) в конечном итоге определяется по соотношению чистой прибыли ($\mathcal{C}\Pi$), скорректированной на индекс цен производителей ($I_{цм}$), и средней численности работников, занятых производством товаров и услуг (\mathcal{C}_m):

$$\mathcal{E}C_{pэм} = \mathcal{E}P_{pэм} \cdot \mathcal{E}_m = \frac{D}{\mathcal{C}_m \cdot I_{цм}} \cdot \frac{\mathcal{C}\Pi}{D} = \frac{\mathcal{C}\Pi}{\mathcal{C}_m \cdot I_{цм}}. \quad (4.33)$$

С точки зрения достижения главной цели социально-экономической системы среди конечных потребителей наибольшее значение имеют работники, занятые производством товаров и услуг. Их оплата труда, в которую входят заработная плата и отчисления на социальное страхование, характеризует социальную результативность социально-экономической системы. Сберегаемая часть заработной платы является критерием социальной эффективности. Ее максимально возможная величина определяется как разница между располагаемой заработной платой и расходами наемных работников на конечное

потребление товаров и услуг.

В бухгалтерской отчетности указывается величина номинальной начисленной заработной платы. Поэтому для практического применения целесообразно использовать этот показатель. Тогда *критериями социальной составляющей эффективности результативности социально-экономической мезо- или микросистемы выступают* начисленная заработная плата и расходы наемных работников на конечное потребление товаров и услуг.

В действительности заработная плата между наемными работниками распределяется неравномерно, а ее номинальная величина, скорректированная на индекс потребительских цен, отражает их реальную платежеспособность. Поэтому социальную составляющую эффективности результативности социально-экономической мезо- или микросистемы можно определить, как произведение действительных значений реальной социальной результативности (показатель $CP_{мдр}$ в методе (4.23)) и действительных значений социальной эффективности по одному из показателей $C_{мд}$ в методах (4.25), например, $C_{2мд}$.

Таким образом, *социальная составляющая эффективности результативности социально-экономической мезо- или микросистемы* ($CC_{рэм}$) *определяется* как скорректированная на индекс потребительских цен ($I_{пц}$) разница между начисленной заработной платой ($ЗП_m$) и расходами наемных работников на конечное потребление товаров и услуг (PP) с учетом неравномерности их распределения ($k_{нз}$ и $k_{нр}$):

$$CC_{рэм} = \frac{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_m - (1 - k_{нр}) \cdot PP}{I_{пц}} . \quad (4.34)$$

Из-за разной (контрадикторной и контрарной) направленности экономической и социальной результативностей и эффективностей динамика экономической и социальной составляющих эффективности результативности мезо- и микро- социально-экономических систем может быть как противоположной, так и совпадать. Это подтверждается, например, результатами

оценки этих составляющих в отдельных отраслях экономики Российской Федерации (рисунок 4.25).

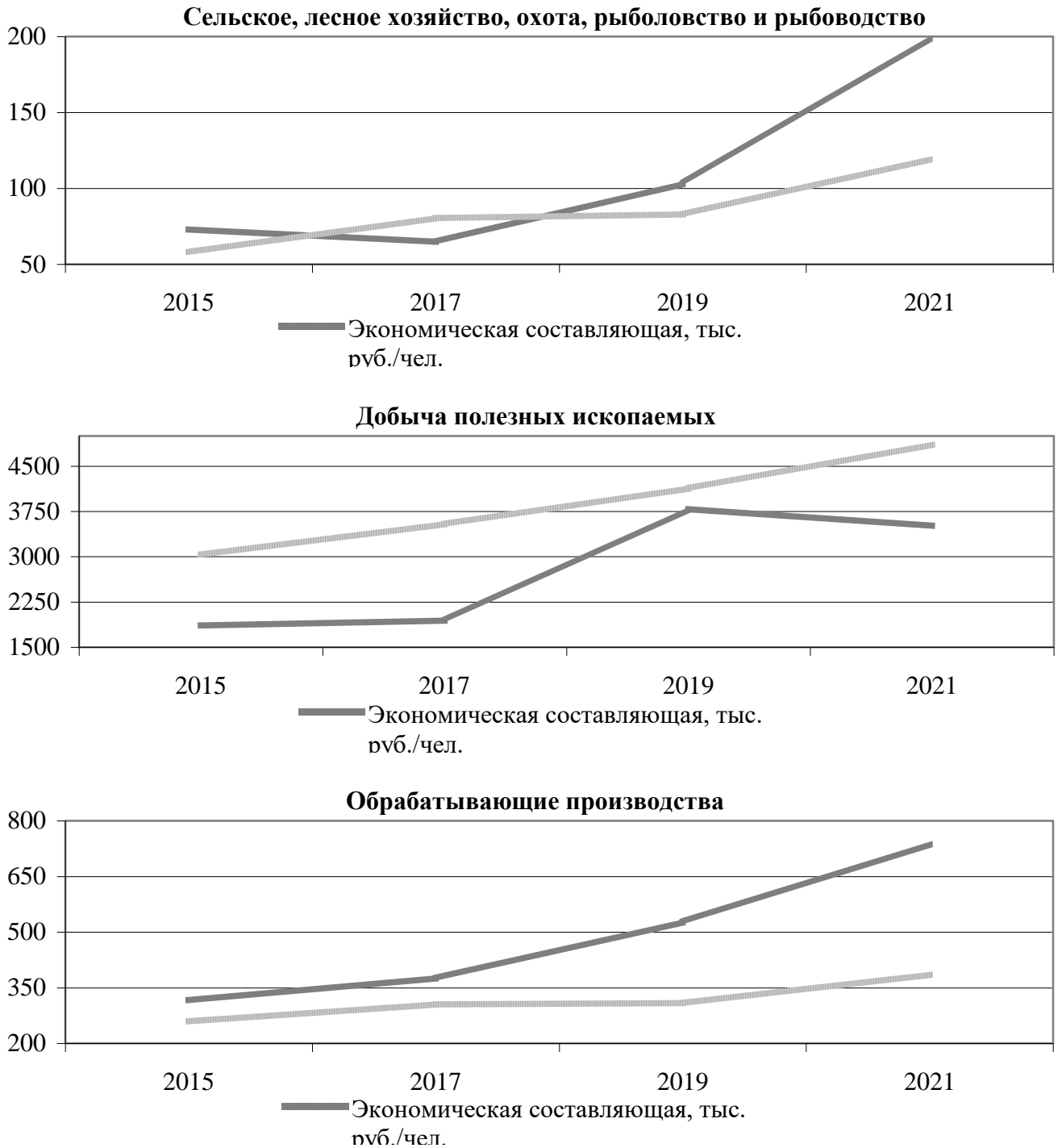

Рисунок 4.25 – Динамика составляющих эффективности результативности отраслей экономики Российской Федерации [составлено автором по данным рисунков 4.2, 4.5, 4.12 и 4.17]

Эффективность результативности социально-экономической мезо- или

микросистемы определяется методом (4.28), где фактические и эталонные значения экономической и социальной составляющих должны быть сопоставимы во времени. Например, среди сравниваемых отраслей экономики Российской Федерации в 2021 г. наиболее высокой была эффективность результативности добычи полезных ископаемых, а самой низкой – сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства (рисунок 4.26).

Рисунок 4.26 – Эффективность результативности отдельных отраслей экономики Российской Федерации [составлено автором по данным рисунка 4.25]

Противоположная динамика экономической и социальной эффективностей является следствием основного контрарного социально-экономического противоречия, от которого зависят остальные социально-экономические противоречия. Поскольку эффективность качественно характеризует результативность социально-экономической системы, то, с целью предотвращения кризисного обострения противоречий, необходимо регулировать сбалансированность ее экономической и социальной эффективностей. Это требует разработки соответствующих теоретико-методических основ регулирования эффективности социально-экономической системы.

Выводы к главе 4

Из диалектики отношений сфер производства и потребления социально-экономической системы следует взаимосвязь между экономической и социальной результативностями и эффективностями. Они взаимосвязаны объемом реализованных товаров и услуг промежуточного и конечного использования и затратами на их производство.

Стоимость всех реализованных товаров и услуг в текущих рыночных ценах, соотнесенная с численностью занятых их производством индивидов, характеризует номинальную экономическую результативность социально-экономической системы. Для оценки реальной экономической результативности стоимость товаров и услуг должна определяться с учетом индекса цен. В соответствии с Системой национальных счетов в социально-экономической макросистеме его характеризует индекс-дефлятор валового внутреннего продукта, который в стоимостных единицах характеризует весь объем произведенных и реализованных товаров и услуг. В социально-экономических мезо- и микросистемах он определяется доходом от их реализации и индексом цен производителей товаров и услуг.

Экономическая эффективность является синтетическим относительным показателем, где чистая прибыль от реализации товаров и услуг сравнивается с затратами ресурсов на их производство. Из-за отличий в методологии Системы национальных счетов разных стран и возможных ее изменений во времени существует проблема наличия и сопоставимости показателей, необходимых для оценки экономической эффективности. Для социально-экономической макросистемы она решается путем оценки удельного веса чистой (валовой) прибыли и чистого (валового) смешанного дохода в валовом внутреннем продукте.

Оценка экономической эффективности социально-экономической мезо- или микросистемы практически не вызывает проблемы сопоставимости исходных

показателей, поскольку их учет осуществляется в соответствии со стандартизированной Международной системой бухгалтерского учета. Экономическую эффективность социально-экономической мезо- или микросистемы можно оценивать тремя методами в зависимости от комбинации соотношения чистого дохода, чистой прибыли от реализации товаров и услуг и затрат ресурсов на их производство.

Для социально-экономической системы любой формы организации оценку реальной социальной результативности целесообразно осуществлять по соотношению объема товаров и услуг конечного потребления и численности потребивших их индивидов с учетом индекса потребительских цен на товары и услуги конечного потребления. Из-за неравенства распределения доходов индивидов их расходы на конечное потребление товаров и услуг также распределяются неравномерно. Поэтому целесообразно оценивать действительное значение реальной социальной результативности, определенное с учетом неравномерности распределения расходов индивидов на конечное потребление.

Для социально-экономических макросистем действительное значение реальной социальной результативности целесообразно оценивать по соотношению расходов домашних хозяйств на конечное потребление товаров и услуг с учетом индексов потребительских цен и численности населения. Для социально-экономических мезо- или микросистем действительное значение реальной социальной результативности определяется начисленной заработной платой с учетом индекса потребительских цен и неравномерности ее распределения между наемными работниками.

Для социально-экономической системы любой формы организации критерием ее социальной эффективности выступает сберегаемая или потребляемая часть располагаемого дохода индивидов. Ее удельный вес характеризует среднее значение социальной эффективности, а с учетом неравномерности распределения доходов и расходов индивидов на конечное потребление – действительное значение социальной эффективности.

Действительную социальную эффективность социально-экономических макросистем целесообразно оценивать по удельному весу сбережений или расходов домашних хозяйств на конечное потребление товаров и услуг в их располагаемом доходе, скорректированных на соответствующие неравномерности их распределения. Для оценки действительной социальной эффективности социально-экономических мезо- или микросистем начисленную заработную плату с учетом неравномерности ее распределения между наемными работниками целесообразно сравнивать с величиной минимальной оплаты труда, нормируемой социальным стандартом, или уровнем бедности, который устанавливается международными организациями для стран с разным уровнем доходности. Это обусловлено отсутствием в официальной статистике соответствующих данных о расходах наемных работников на конечное потребление.

Однородность результата и эффекта позволяет математически описать взаимосвязь как между экономической, так и социальной результативностью и эффективностью в мультипликативном виде. Из многомерности состояния социально-экономической системы следует целесообразность комплексной оценки социально-экономической результативности и ее социально-экономической эффективности методом эвклидовых расстояний. Поскольку социально-экономическая эффективность взаимосвязана с социально-экономической результативностью, то этот метод целесообразно использовать для комплексной оценки состояния социально-экономической системы, которое в конечном итоге характеризуется эффективностью ее результативности.

Значениям социальной и экономической эффективностей свойственна противоположная контрарная динамика колебаний. Она следует из основного социально-экономического противоречия между наемными работниками и собственниками средств производства по поводу распределения оплаты труда и чистой прибыли в добавленной стоимости, от которого зависят остальные контрадикторные противоречия в социально-экономической системе. Чтобы избежать кризисного обострения социально-экономических противоречий, необходимо регулировать сбалансированность ее экономической и социальной

эффективностей. Для этого следует определить соответствующую теоретико-методическую основу регулирования эффективности социально-экономических систем.

Полученные научные результаты опубликованы в работах [194; 199; 200; 206; 209; 217].

ГЛАВА 5. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

5.1. Содержание систем регулирования эффективности социально-экономической системы на макро-, мезо- и микроуровне управления

В процессе функционирования и развития социально-экономической системы объективно возникают отклонения от состояния равновесия. Существуют закономерные циклические и нециклические отклонения, вызванные случайным воздействием реальной действительности или сознательными действиями отдельных индивидов для достижения личных интересов, например, стихийные бедствия или искусственные финансовые кризисы, войны и т.п. Выход отклонения состояния социально-экономической системы за допустимые пределы может привести к ее катастрофе. Для предотвращения критических циклических и нециклических отклонений от состояния равновесия их необходимо регулировать в процессе управления социально-экономической системой. Это требует теоретического обоснования содержания соответствующей системы регулирования.

В работе [68, с. 7] утверждается, что «в современных условиях актуальным является углубленное исследование на основе синергетических подходов к решению проблем развития социально-экономических систем на различных иерархических уровнях экономики». В «Энциклопедическом словаре по философии» под редакцией А.А. Ивина [282] суть синергетического подхода «заключается в том, что сложноорганизованные системы, состоящие из большого количества элементов, находящихся в сложных взаимодействиях друг с другом и обладающие огромным числом степеней свободы, могут быть описаны небольшим числом существенных типов движения (параметров порядка), а все

прочие типы движения оказываются «подчиненными» (принцип подчинения) и могут быть достаточно точно выражены через параметры порядка».

С точки зрения синергетики социально-экономическая система является сложной самоорганизованной системой. Ей свойственна неустойчивость, что характеризуется колебаниями ее состояния. При этом существуют альтернативы развития в точках бифуркации выбора траектории [179, с. 86]. В работе [179] аргументируется, что неравновесное состояние социально-экономической системы является необходимым условием ее самоорганизации и развития. Отклонение социально-экономической системы от равновесного состояния в определенной мере устраняется путем не только объективного саморегулирования, но и регулирования субъектами управления [224]. В этом случае возникает проблема поиска «оптимального соотношения между мерой вносимых изменений, дестабилизирующих систему, и поддержанием ее сбалансированности, воспроизводственной целостности» [179, с. 86]. В этой многозначности существует конкретная проблема поиска оптимального баланса, но между чем?

Главной целью социально-экономической системы является удовлетворение закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей. В результате целенаправленных действий индивидов происходит изменение социально-экономической системы от одного состояния к другому. Количественно ее состояние характеризуется результативностью как соотношение произведенных и потребленных товаров и услуг с соответствующей численностью индивидов. В долгосрочном периоде результативность социально-экономической системы закономерно растет. Это подтверждается ростом не только мирового ВВП на душу населения, но и отдельных стран, например, Евросоюза, Российской Федерации и Республики Беларусь (рисунок 3.7) [309].

Таким образом, с точки зрения закономерности развития результативность может быть регрессивной только в случае нециклических колебаний, например, в результате катастроф. Следовательно, регрессивность или прогрессивность

развития социально-экономической системы объективно зависит от качества этого процесса. В работе [68, с. 7] совершенно справедливо утверждается, что «процесс изменения качества целевой направленности развития может иметь как полезное (прогрессивное), так и бесполезное и даже деструктивное направления. Поэтому возникает необходимость рассматривать качественное изменение элементов системы и системы в целом в контексте целевой направленности процессов развития, исходя из уровня достижения целей по количественно-качественным параметрам экологических, социальных, экономических индикаторов развития» [68, с. 7]. Здесь возникает вопрос, что определяет качество развития?

Очевидно, качество развития социально-экономической системы характеризуется ее эффективностью, которая является синергетической характеристикой результативности и затрат и регулируется на микро-, мезо- и макроуровне управления (п. 3.2). Следовательно, в отличие от результативности, эффективность не только качественно, но и количественно характеризует состояние социально-экономической системы, о развитии которой можно судить по сбалансированности ее социальной и экономической эффективностей (п. 3.3).

В процессе удовлетворения закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей реализации в отношениях индивидов между собой, с социально-экономической системой и реальной действительностью объективно возникают социально-экономические противоречия по поводу воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ. От того, насколько они разрешены в социально-экономической системе, зависит степень удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей (п. 2.3). Она определяет сбалансированность экономической и социальной эффективностей, поскольку выступает мерой социально-экономических противоречий (п. 3.3). Очевидно, это является отправной точкой синергетического подхода к регулированию отклонений в процессе управления состоянием социально-экономической системы.

В социально-экономической системе действия индивидов целенаправленны на изменение свойств вещей и их отношений. Поскольку свойства отношений определяются свойствами вещей (п. 1.1), то они являются предметом управления, а объектом управления выступают свойства вещей. Очевидно, что объектом и предметом управления выступают не только эти статические проявления бытия сущего, но и их динамические проявления как процесса изменения свойств вещей и их отношений в результате целенаправленного воздействия субъекта управления на объект управления (п. 1.3). В системе управления они взаимосвязаны прямой и обратной связью [44]. В результате система управления социально-экономической системой является сложной организацией индивидов, их отношений с ней, с реальной действительностью и между собой. Вполне логично, что в ней как субъект, так и объект управления имеют сложную организацию в форме управляющей и управляемой системы.

Управляемую систему социально-экономической системы образуют все ее индивиды и их социально-экономические отношения в системе потребительных сил, частью которой являются индивиды и их производственные отношения в системе производительных сил. В управляющей системе индивиды как субъекты управления связаны между собой управляемой системой, организационно-экономическими отношениями и отношениями экономической собственности по поводу организации, планирования, мотивации и контроля процесса воспроизводства экономических благ, а также распределения, обмена и потребления неэкономических благ. Управление осуществляется при помощи соответствующих функционально-целевых механизмов, которые связывают управляемую и управляющую системы (п. 1.3, 3.2). В совокупности это определяет содержание системы управления социально-экономической системой (рисунок 5.1).

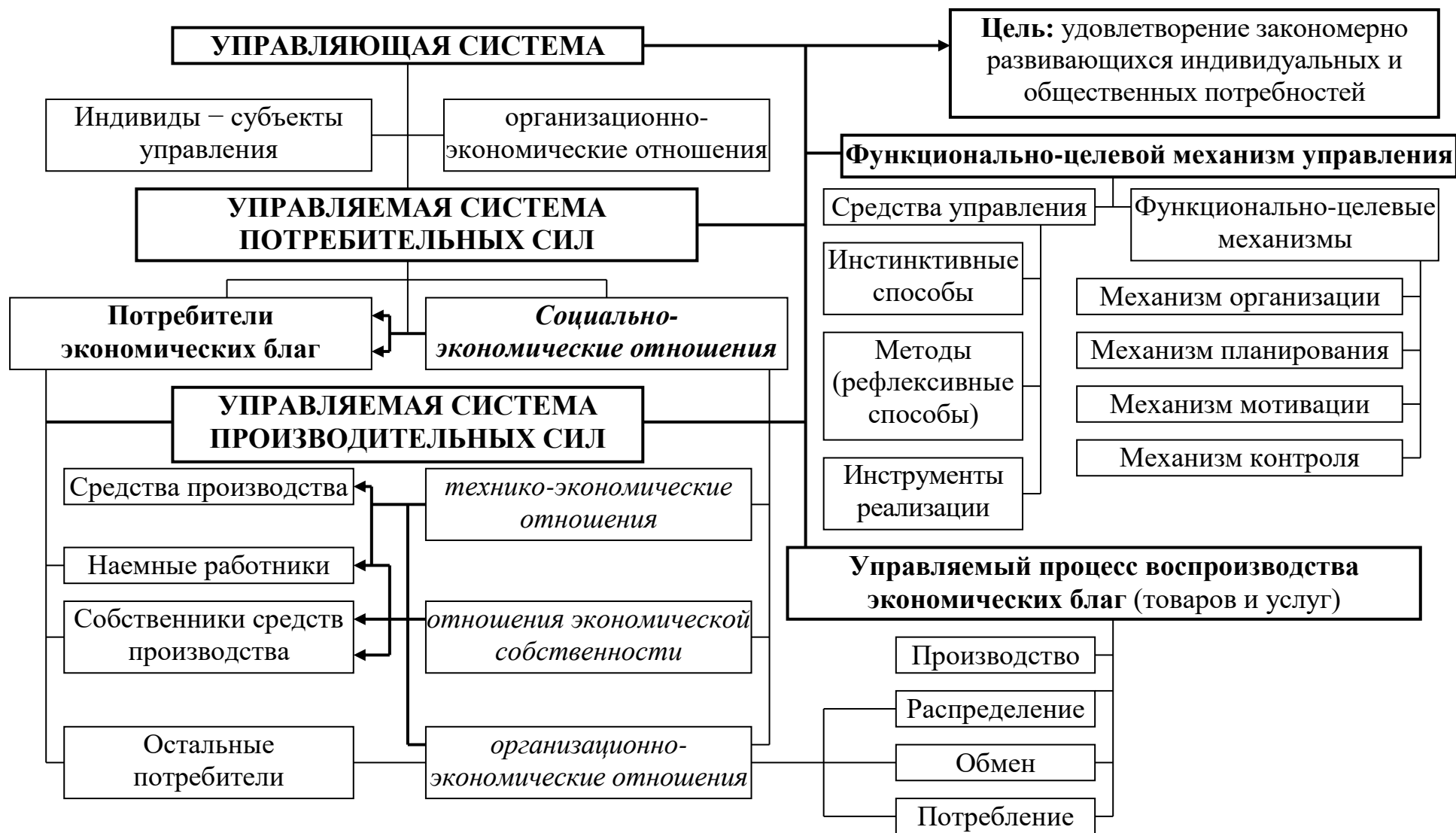

Рисунок 5.1 – Содержание системы управления социально-экономической системой [составлено автором]

В сложноорганизованных системах регулирование – это часть процесса управления [47]. Система регулирования также является частью системы управления, объектом управления которой выступает система потребительных и производительных сил, где объективно существуют производственные и непроизводственные социально-экономические отношения и соответствующие противоречия между противоположными интересами индивидов. Наиболее значимыми выступают производственные социально-экономические отношения, поскольку выступают главной движущей силой развития социально-экономической системы. Если они разрешены в наибольшей мере, то в этом случае происходит наиболее оптимальное ее развитие. Здесь возникает вопрос о критерии оптимальности [289].

Из понятия оптимальности по Парето следует, что общественное благосостояние достигает максимума, когда распределение ресурсов становится таким, что невозможно ухудшить благосостояние хотя бы одного субъекта экономической системы. В этом случае происходит оптимальное распределение ресурсов [274]. Из главной цели социально-экономической системы следует, что таким ресурсом являются экономические блага в виде товаров и услуг. Очевидно, что только в случае их расширенного воспроизводства происходит развитие социально-экономической системы.

Согласно теории Дж. М. Кейнса [85], оптимальное развитие происходит в пределах рациональных значений предельной склонности к потреблению и сбережению – 60-70% и 30-40% соответственно. Но эти показатели и их значения характеризуют рациональные границы сбалансированности экономической и социальной эффективности развития социально-экономической системы, где возможен максимальный рост производства и потребления товаров и услуг, то есть максимальная результативность (п. 3.3). Поэтому, применительно к распределению экономических благ в социально-экономической системе, оптимальность и эффективность по Парето имеют один и тот же критерий.

Главными элементами социально-экономической системы являются индивиды. Следовательно, максимально возможное ее развитие происходит при

оптимальном распределении между ними экономических благ. Исходя из критерия оптимальности, это происходит в пределах рациональных значений предельной склонности к потреблению и сбережению. Затраты на потребление благ осуществляются из доходов индивидов, а оставшаяся часть сберегается. Объективно невозможно достичь равного распределения дохода между индивидами, т.к. тогда исчезнут социально-экономические противоречия, а, следовательно, и сама социально-экономическая система [179]. Тем не менее, возможно такое равновесное состояние, когда ее социальная и экономическая эффективность сбалансированы.

Изначально распределение доходов между индивидами возникает на стадии производства экономических благ. На этой первичной стадии образования доходов между ними объективно существуют противоречия по поводу распределения добавленной стоимости от реализации экономических благ. Они возникают между интересами наемных работников по поводу оплаты труда и интересами собственников средств производства по поводу прибыли. На этой стадии также существуют противоречия между интересами индивидов и интересами государства по поводу налогов и прочих отчислений с их доходов (п. 2.3). Они формируют наибольшую часть государственного бюджета, из которого осуществляются социальные выплаты индивидам. На этой вторичной стадии перераспределения доходов объективно существуют противоречия между интересами индивидов и государством по поводу распределения социальных выплат. В любом случае эти социально-экономические противоречия регулируются функционально-целевыми механизмами распределения доходов между индивидами.

Вполне логично, что противоречия в социально-экономической системе по поводу распределения доходов между индивидами обуславливают объективность дисбаланса между ее социальной и экономической эффективностью. Они разрешаются в большей мере, если ее экономическая и социальная эффективность сбалансированы. В результате достигается главная цель социально-экономической системы. Это конкретизирует цель, объект и предмет

регулируемая в системе управления социально-экономической системой. *Цель регулирования* – достичь оптимального распределения доходов между индивидами. *Объектом регулирования* являются социально-экономические противоречия по поводу распределения доходов между индивидами, а *предметом регулирования* – сбалансированность экономической и социальной эффективности, где критерием сбалансированности выступает сберегаемая часть их доходов.

В системе управления социально-экономической системой регуляторами сбалансированности экономической и социальной эффективностей выступают индивиды управляющей системы, образующие социально-экономические институты управления, и функционально-целевой механизм регулирования (п. 2.1). Посредством его социально-экономические институты управления взаимосвязаны с объектом и предметом регулирования отношений между элементами управляемой системы (рисунок 5.2). Очевидно, что на разных уровнях управления социально-экономической системой регуляторы сбалансированности ее экономической и социальной эффективностей отличаются.

На микроуровне управления осуществляется первичное распределение доходов в виде оплаты труда и чистой прибыли между индивидами социально-экономической микросистемы. Таковыми выступают наемные работники и частные собственники средств производства, которые обладают правом владения, распоряжения и пользования ими. Распределение доходов осуществляется в управляющей системе. Она является социально-экономической институцией, которая посредством институтов в виде формальных и неформальных методов и инструментов (п. 1.3, 2.1) воздействует на управляемую систему.

В управляющей системе субъектами управления являются индивиды с различным правом собственности на средства производства. Это частные собственники и (или) наемные работники, которым делегировано право распоряжения и пользования как частной, так и общественной собственностью.

Рисунок 5.2 – Система регулирования эффективности социально-экономической системы [составлено автором]

От величины оплаты труда наемных работников зависит социальная эффективность, а от чистой прибыли собственников средств производства – экономическая эффективность социально-экономической микросистемы (п. 4.1, 4.2).

Вполне логично, что собственники средств производства не заинтересованы в повышении заработной платы в ущерб прибыли. Их мотивацией может быть только опережающий рост прибыли. Это происходит при росте доходов от реализации произведенных экономических благ и (или) снижении затрат на их производство и государственных налогов. Такое возможно при увеличении потребительского спроса, повышении технического уровня производства и (или) сокращении оплаты труда. В результате повышается экономическая

эффективность социально-экономической микросистемы, но снижается ее социальная эффективность.

Тем не менее, сбалансированность экономической и социальной эффективности может регулироваться индивидами с различным правом собственности на средства производства посредством соответствующего функционально-целевого механизма на макро-, мезо- и микроуровне управления. Он содержит методы планирования, организации, мотивации и контроля доходов организации и их распределения между прибылью и оплатой труда [43; 96]. Эти методы реализуются в управляющей системе посредством приказов, распоряжений и подобных инструментов управления (рисунок 5.3).

На мезоуровне управления социально-экономические микросистемы объединяют по признаку однородности производства в отраслевые социально-экономические мезосистемы [67]. Здесь управляющими социально-экономическими институтами выступают отраслевые управляющие организации (департаменты, министерства, ведомства и подобные им организации). Они не владеют средствами производства. Их задачей является внутри- и межотраслевое координирование хозяйственной деятельности социально-экономических микросистем. Тем не менее, отраслевые управляющие организации могут распоряжаться и пользоваться собственностью на средства производства, как правило, общественной собственностью (государственной муниципальной и т.п.), если им такое право делегировано [44; 81]. В этом случае отраслевые управляющие организации в определенной мере могут влиять на первичное распределение доходов между индивидами в процессе производства товаров и услуг. На вторичное распределение доходов они не влияют.

Таким образом, отраслевые управляющие социально-экономические институты могут быть регуляторами сбалансированности экономической и социальной эффективностей отраслевой социально-экономической мезосистемы, но только тогда, когда они могут распоряжаться и пользоваться собственностью на средства производства. В этом случае функционально-целевой механизм регулирования содержит методы планирования, организации, мотивации и

контроля доходов организации и их распределения между прибылью и оплатой труда. Они реализуются посредством постановлений, приказов, указов, распоряжений и подобных инструментов управления (рисунок 5.3).

Рисунок 5.3 – Регуляторы сбалансированности экономической и социальной эффективности на макро-, мезо- и микроуровне управления социально-экономической системой [составлено автором]

На макроуровне управления управляющими социально-экономическими институтами выступают органы государственной власти. Непосредственное управление социально-экономической системой осуществляется органами исполнительной власти (Совет Министров, Министерство экономики, финансов, социальной политики и т.д.) на основе законов, принимаемых органами законодательной власти (Парламент, Государственная Дума, Народный Совет и т.п. органы государственной власти). Их исполнение контролируется органами судебной власти.

Органы государственной власти частично влияют на первичное распределение доходов между индивидами на стадии производства. Полностью они осуществляют их распределение на вторичной стадии. На распределение доходов между индивидами определенное влияние оказывают органы местного самоуправления и некоммерческие организации, которые обслуживают домашние хозяйства, но их влияние не значимо. Очевидно, что при таком коллективном управлении персонифицировать индивидов как субъектов регулирования трудно.

Таким образом, регуляторами сбалансированности социальной и экономической эффективностей на макроуровне управления выступают социально-экономические институты государственной власти и местного самоуправления, а также соответствующий функционально-целевой механизм регулирования. Он включает методы планирования, организации, мотивации и контроля социальных стандартов (в т.ч. оплаты труда), прибыли, налогов и других отчислений в государственный бюджет и социальных выплат из него. Эти методы реализуются посредством законов, постановлений, приказов, указов, распоряжений и подобных инструментов управления (рисунок 5.3).

Увеличение оплаты труда противоречит интересам собственников средств производства, но более реально в случае общественной, чем частной собственности. Это существенно затрудняет регулирование сбалансированности экономической и социальной эффективностей на стадии первичного распределения доходов на микроуровне управления социально-экономической микросистемой. В случае общественной собственности на средства производства

становится возможным осуществлять регулирование сбалансированности экономической и социальной эффективностей на уровне управления отраслевыми социально-экономическими мезосистемами. В наибольшей мере осуществлять регулирование возможно только на макроуровне управления социально-экономическими системами любой формы организации, где частично регулируется первичное распределение доходов на стадии производства и полностью вторичное их перераспределение между индивидами.

5.2. Параметры управления социально-экономическими макро-, мезо- и микросистемами и регулирования их эффективности

Любое управление направлено на реализацию определенной цели. Она достигается путем воздействия субъекта управления на объект управления. В результате изменяется его состояние, характеризующееся определенными параметрами. В естественных системах таких параметров много. Они взаимосвязаны диалектикой отношений структурных элементов. Между отдельными элементами из-за их противоположных свойств объективно существует противоречие как свойство их отношений. Такие свойства характеризуются определенными параметрами. При воздействии на одни параметры изменяются другие.

В социальной системе воздействие на объект управления осуществляется субъектом управления, исходя из поставленной цели [136]. Параметры, определяемые целью управления, – это целевые параметры управления. Параметр управления, который является результатом сочетания частных параметров, выступает обобщающим. Очевидно, субъект управления может прямо или косвенно влиять на параметры управления. В любом случае среди параметров управления есть те, которые характеризуют одинаковые и противоположные свойства структурных элементов, которые обуславливают противоречия в

отношениях между ними. Таким образом, *параметры управления* – это те, на которые субъект управления может прямо или косвенно влиять, исходя из цели управления, а *параметры регулирования* – это те, изменение которых прямо или косвенно балансирует параметры управления.

Чтобы достичь желаемого состояния социально-экономической системы, определяемого параметрами ее структурных элементов, необходимо выделить те параметры, на которые целесообразно воздействовать и которые детерминируются целью управления. Структуру социально-экономической системы образуют индивиды и другие вещи реальной действительности, взаимосвязанные социально-экономическими отношениями.

Любая социально-экономической система объективно целенаправлена на количественное и качественное удовлетворение закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей, которые в конечном итоге удовлетворяются за счет производства экономических благ путем их потребления. Поэтому степень достижения главной цели количественно характеризуется параметрами результативности, а качественно – параметрами эффективности. Комплексно их характеризует эффективность результативности социально-экономической системы (п. 4.3). Очевидно, она является целевым параметром управления, где показатели экономической и социальной результативности и эффективности выступают параметрами, обобщающими частные параметры управления (п. 4.1 и 4.2), которые используются для их расчета (рисунок 5.4).

Политика субъекта управления должна быть направлена на повышение экономической и социальной результативностей и эффективностей социально-экономической системы. Экономическая и социальная результативности ограничиваются предложением и спросом на товары и услуги соответственно, которые должны быть сбалансированы. Баланс между ними достигается в результате объективного саморегулирования состояния социально-экономической системы, но частично – из-за объективности монополизации рынка товаров и услуг [108]. В итоге баланс предложения и спроса в определенной мере зависит от располагаемого дохода индивидов и от стоимости товаров и услуг конечного

потребления, которая определяется их ценой и объемом, а также от количества индивидов, их производящих и потребляющих.

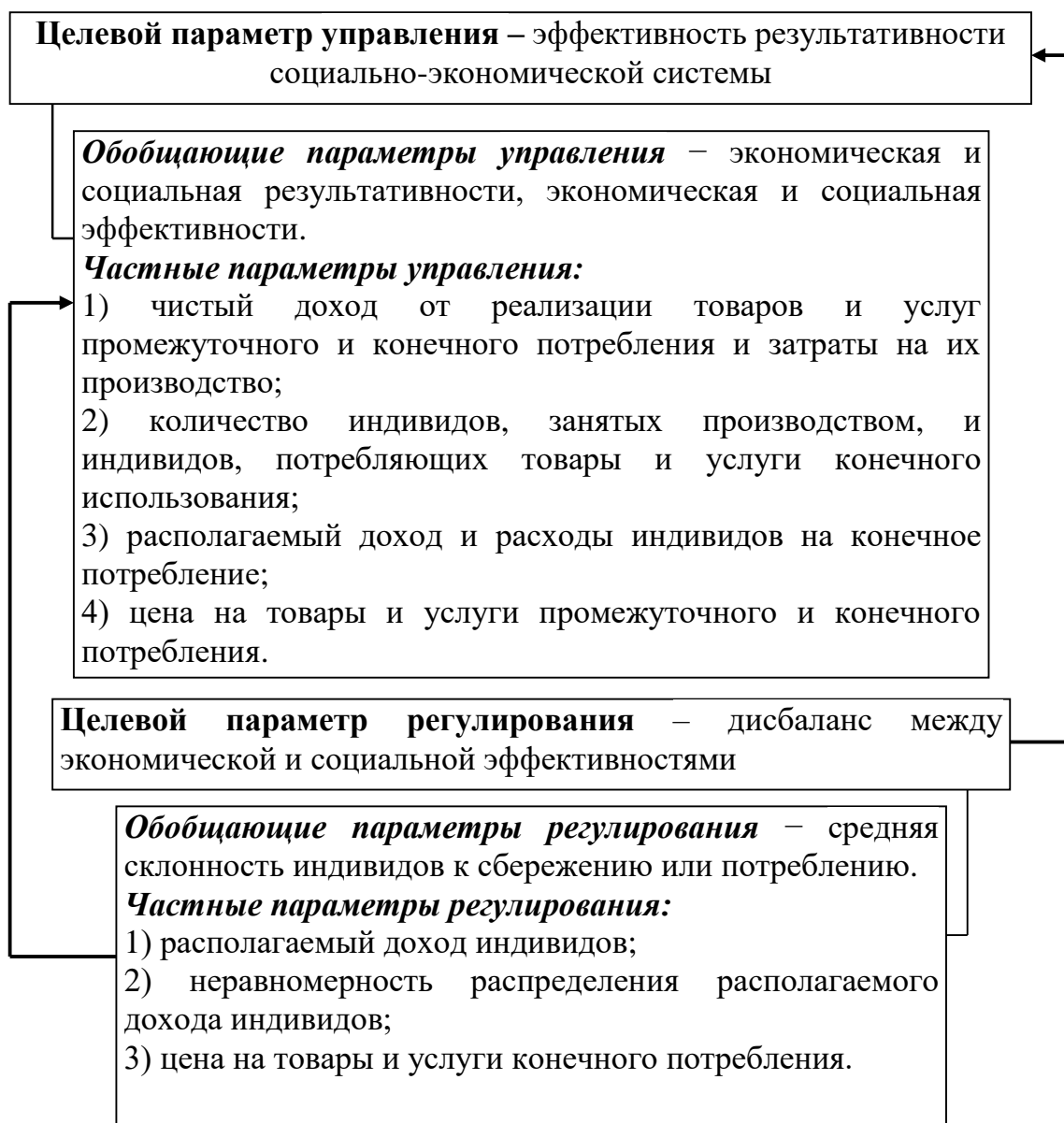

Рисунок 5.4 – Параметры управления социально-экономической системой и регулирования ее эффективности [составлено автором]

Это справедливо и для соотношения между предложением и спросом на товары и услуги промежуточного потребления, но в этом случае их потребителями выступают сообщества индивидов, которые как производители используют их для воспроизводства всех экономических благ. Их располагаемый доход определяется чистым доходом от реализации товаров и услуг, который

должен быть сбалансирован с затратами на их производство. Это характеризует экономическую эффективность и справедливо и для социальной эффективности, где располагаемый доход индивидов должен быть сбалансирован с их затратами на конечное потребление.

Очевидно, чистый доход от реализации товаров и услуг зависит от их объема и цены производителей, в которые входят цена товаров и услуг промежуточного и конечного потребления. Цена на товары и услуги промежуточного потребления влияет на величину затрат на производство товаров и услуг, а цены на товары и услуги конечного потребления – на потребительские расходы, где самыми значимыми являются расходы индивидов на конечное потребление. Таким образом, частными показателями управления эффективностью результативности социально-экономической системы, которые требуют определенного баланса между ними, выступают (рисунок 5.4):

- чистый доход от реализации произведенных товаров и услуг промежуточного и конечного потребления и затраты на их производство;
- количество занятых производством и индивидов, потребляющих товары и услуги конечного использования;
- располагаемый доход и расходы индивидов на конечное потребление;
- цена на товары и услуги промежуточного и конечного потребления.

Если экономическая и социальная эффективности сбалансированы, достигается максимально возможный объем производства и потребления товаров и услуг [94]. Критерием их сбалансированности и одновременно критерием социальной эффективности является сберегаемая часть доходов индивидов, которая остается после их расходов на конечное потребление (п. 3.3). Эти расходы являются критерием социальной результативности, поскольку непосредственно зависят от объема потребленных товаров и услуг. В результате социальная эффективность взаимосвязана с экономической результативностью социально-экономической системы. Следовательно, сбалансированность социальной и экономической результативности возможна при условии сбалансированности экономической и социальной эффективности. В этом случае

достигается максимально возможное удовлетворение индивидуальных и общественных потребностей.

В свою очередь, сбалансированность экономической и социальной результативности социально-экономической системы определяется сбалансированностью спроса и предложения произведенных экономических благ, где приоритетным является спрос индивидов. Величина спроса зависит от располагаемого дохода индивидов, из которых осуществляются расходы на потребление экономических благ. Поскольку спрос и предложение диалектически взаимосвязаны, то можно утверждать, что экономическая и социальная результативности социально-экономической системы сбалансированы, если сбалансированы ее экономическая и социальная эффективности. Тогда дисбаланс между ними является целевым параметром регулирования. Он зависит от предельной склонности к сбережению или потреблению индивидами, которые выступают критериями не только социальной эффективности, но и ее сбалансированности с экономической эффективностью (п. 3.3).

Предельная склонность к сбережению или потреблению зависит от располагаемого дохода индивидов, который распределяется неравномерно. В результате их расходы также распределяются неравномерно, но не в той пропорции, как доход. Дж. М. Кейнс это объяснял действием основного психологического закона о поведении потребителя. Величина расходов индивидов на конечное потребление также зависит от цены на товары и услуги конечного потребления. Чем больше неравномерность распределения располагаемого дохода и рост цен на товары и услуги, тем больше дисбаланс между экономической и социальной эффективностью результативности социально-экономической системы. В случае отсутствия дисбаланса объем производства и потребления товаров и услуг максимальный, а, следовательно, и удовлетворение индивидуальных и общественных потребностей максимальное.

Таким образом, предельная склонность к сбережению или потреблению индивидов является параметром регулирования, обобщающим располагаемый доход индивидов, неравномерность их распределения и цены на товары и услуги

конечного потребления, которые выступают частными параметрами регулирования сбалансированности экономической и социальной эффективности результативности социально-экономической системы (рисунок 5.4).

В п. 4.3 обобщающими параметрами управления (таблица 5.1) определены реальная экономическая результативность, действительная реальная социальная результативность, экономическая эффективность и действительная социальная эффективность. Балансировать их позволяют соответствующие параметры регулирования. Таковыми выступают действительная средняя склонность индивидов к сбережению или потреблению, отклонение которых от их оптимальных значений определяет дисбаланс между экономической и социальной эффективностью результативности социально-экономической системы. Для их расчета используются соответствующие частные показатели (п 4.1 и 4.2), определение которых зависит от уровня управления и формы организации социально-экономической системы. На макроуровне управления они определяются в соответствии с системой национальных счетов, построенной на основе СНС 2008, а на мезо- и микроуровне – в соответствии с действующей системой бухгалтерского учета (таблица 5.2).

В п. 3.3 обосновано, что в любых естественных системах структурное распределение элементов по правилу первой «золотой пропорции» (38,2% и 61,8%) является оптимальным. Такое распределение находится в рациональных границах допустимых отклонений действительной средней предельной склонности к сбережению (30-40%) и потреблению (60-70%). В этих границах, аргументированных, исходя из устойчивости мультипликатора инвестиций Дж. М. Кейнса и опережающего роста доходов над увеличением инвестиций, находятся оптимальные значения первой «золотой пропорции». Очевидно, они и являются оптимальными значениями действительной средней предельной склонности к сбережению ($APS_{opt.}$) и потреблению ($APC_{opt.}$):

$$\begin{cases} APS_{рац.}^{\min} = 30\% < APS_{opt.} = 38,2\% < APS_{рац.}^{\max} = 40\%, \\ APC_{рац.}^{\min} = 60\% < APC_{opt.} = 61,8\% < APC_{рац.}^{\max} = 70\%. \end{cases} \quad (5.1)$$

Таблица 5.1 – Параметры управления социально-экономической макро-, мезо- и микросистемой [составлено автором]

Уровень управления и форма организации системы	Частные параметры	Обобщающие параметры	Целевой параметр
Макро-	<p>ВВП и ВП – валовой внутренний продукт и валовая прибыль и валовой смешанный доход;</p> <p>D и I_{пц} – дефлятор ВВП и индекс потребительских цен;</p> <p>Ч_з и Ч_н – средняя численность занятых в экономике и населения;</p> <p>ДДХ и РДХ – располагаемый доход и расходы домашних хозяйств на конечное потребление;</p> <p>K_{нд} и K_{нр} – коэффициенты неравномерности распределения дохода и расходов домашних хозяйств.</p>	<p>ЭР_р – реальная экономическая результативность;</p> <p>СР_{ор} – действительная реальная социальная результативность;</p>	<p>РЭ – эффективность результативности социально-экономической системы</p>
Мезо- и микро-	<p>Д и ЧП – чистый доход от реализации товаров и услуг и чистая прибыль;</p> <p>I_{цм} и I_{пц} – индекс цен производителей товаров и услуг и индекс потребительских цен;</p> <p>ОТ_м и Ч_м – оплата труда и средняя численность наемных работников;</p> <p>ЗП_м и k_{нз} – начисленная заработная плата и коэффициент неравномерности ее распределения.</p>	<p>Э – экономическая эффективность;</p> <p>С_о – действительная социальная эффективность</p>	

Таблица 5.2 – Параметры регулирования эффективности социально-экономической системы [составлено автором]

Уровень управления и форма организация системы	Частные параметры	Обобщающие параметры	Целевой параметр
Макро-	<p>$ДДХ$ – располагаемый доход домашних хозяйств;</p> <p>$К_{нд}$ – коэффициент неравномерности распределения располагаемого дохода домашних хозяйств;</p> <p>$I_{пц}$ – индекс потребительских цен.</p>	<p>APS_{∂} или APC_{∂} – действительная средняя склонность домашних хозяйств к сбережению или потреблению.</p>	<p>$IB(IB_{м}) = \frac{APS_{\partial(\partial м)}}{APS_{opt.}} - 1 = \frac{APC_{\partial(\partial м)}}{APC_{opt.}} - 1$ – дисбаланс между экономической и социальной эффективностями социально-экономической системы,</p>
Мезо- и микро-	<p>$ЗП_{м}$ – начисленная заработная плата;</p> <p>$к_{нз}$ – коэффициент неравномерности распределения заработной платы;</p> <p>$I_{пц}$ – индекс потребительских цен.</p>	<p>$APS_{\partial м}$ или $APC_{\partial м}$ – действительная средняя склонность наемных работников к сбережению или потреблению.</p>	<p>где $APS_{opt.}$ и $APC_{opt.}$ – оптимальное значение средней склонности индивидов к сбережению и потреблению</p>

Объективная оптимальность в структурном распределении элементов свойственна всем естественным системам. Тогда такие оптимальны значения действительной средней предельной склонности к сбережению ($APS_{opt.} = 38,2\%$) или потреблению ($APC_{opt.} = 61,8\%$) целесообразно использовать для оценки дисбаланса между экономической и социальной эффективностями независимо от уровня управления и формы организации социально-экономической системы. Его можно оценить следующими методами:

Дисбаланс в социально-экономической макросистеме:

$$\begin{aligned}
 ДБ &= \left(\frac{APS_{\delta}}{APS_{opt.}} - 1 \right) \cdot 100\% = \left(\frac{(1 - K_{np}) \cdot (ДДХ - РДХ)}{(1 - K_{нд}) \cdot ДДХ \cdot APS_{opt.}} - 1 \right) \cdot 100\% \\
 \text{или} \quad ДБ &= \left(\frac{APC_{\delta}}{APC_{opt.}} - 1 \right) \cdot 100\% = \left(\frac{(1 - K_{np}) \cdot РДХ}{(1 - K_{нд}) \cdot ДДХ \cdot APC_{opt.}} - 1 \right) \cdot 100\% . \quad (5.2)
 \end{aligned}$$

Дисбаланс в социально-экономической мезо- или микросистеме:

$$\begin{aligned}
 ДБ_{м} &= \left(\frac{APS_{\delta м}}{APS_{opt.}} - 1 \right) \cdot 100\% = \left(\frac{ЗП - OT_{\min}}{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП \cdot APS_{opt.}} - 1 \right) \cdot 100\% \\
 \text{или} \quad ДБ_{м} &= \left(\frac{APC_{\delta м}}{APC_{opt.}} - 1 \right) \cdot 100\% = \left(\frac{OT_{\min}}{(1 - k_{нз}) \cdot ЗП_{м} \cdot APC_{opt.}} - 1 \right) \cdot 100\% . \quad (5.3)
 \end{aligned}$$

Например, относительно оптимального значения средней склонности к сбережению ($APS_{opt.} = 38,2\%$) наибольший дисбаланс между экономической и социальной эффективностями был в Республике Беларусь, а наименьший – в Евросоюзе. При этом в Российской Федерации и Республике Беларусь в 2020 г. он увеличился, а в Евросоюзе – уменьшился (рисунок 5.5).

Среди рассматриваемых отраслей экономики Российской Федерации в 2020 г. наибольший дисбаланс между экономической и социальной (оцененной относительно минимальной оплаты труда) эффективностями был при добыче полезных ископаемых, что связано со сверхвысокой прибылью этой отрасли, а наименьший – в сельском хозяйстве. Он снизился, что связано с ростом минимальной оплаты труда (рисунок 5.6).

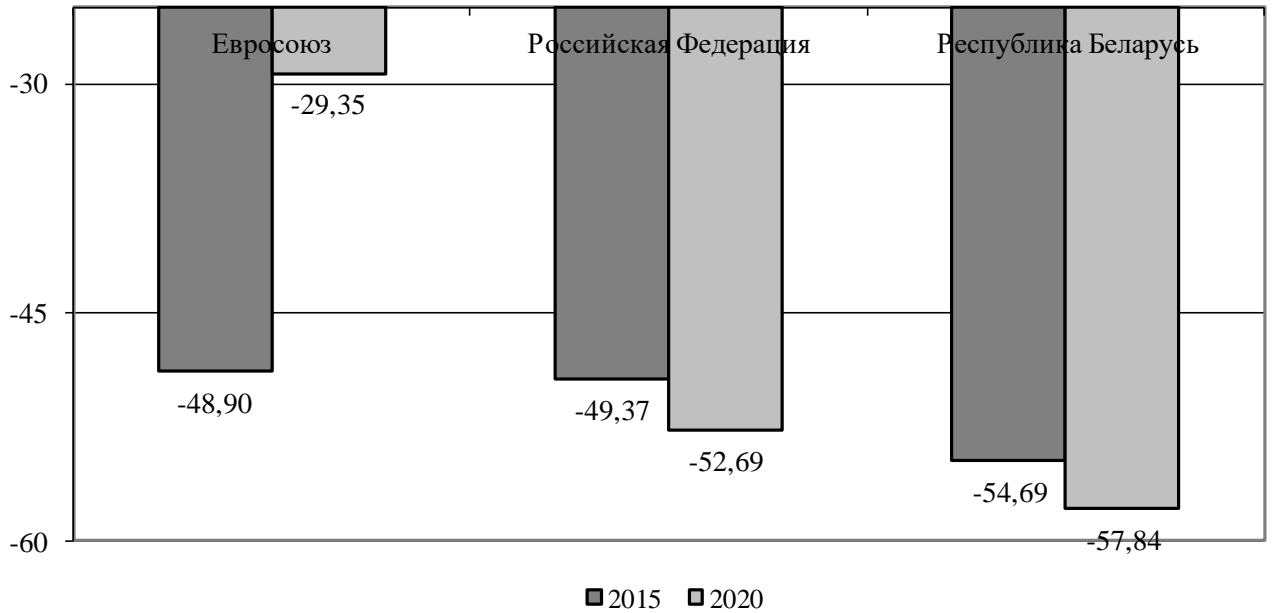
Откл. от *APSonm.*, %

Рисунок 5.5 – Дисбаланс между экономической и социальной эффективностями отдельных социально-экономических макросистем [составлено автором по данным рисунка 4.16]

Полностью устранить дисбаланс между экономической и социальной эффективностями невозможно. Это объективно обусловлено формой развития социально-экономической системы (рисунок 1.8), где определяющими являются отношения экономической собственности по поводу владения, распоряжения и пользования средствами производства и экономическими благами (п. 1.2).

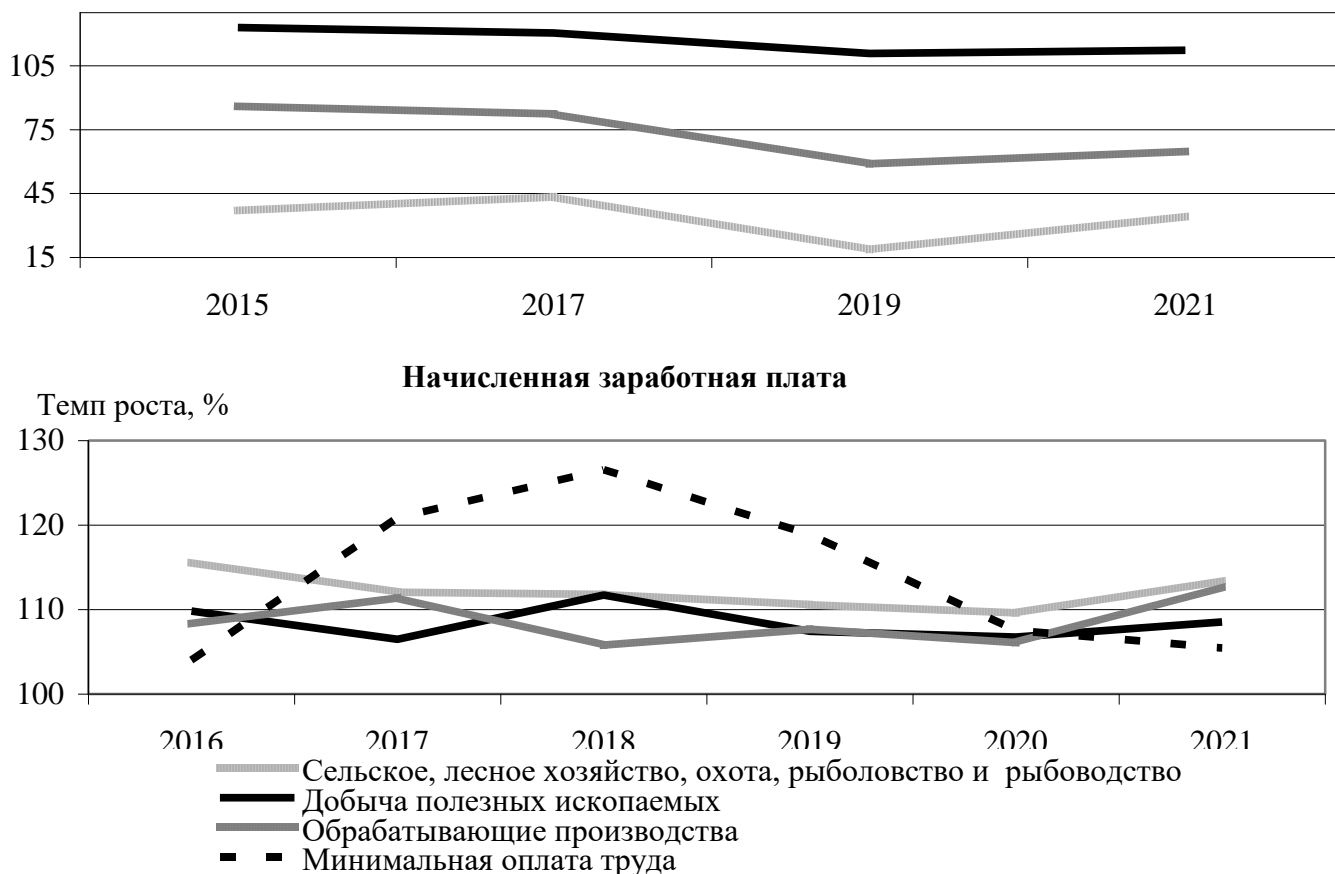
Откл. от *APS onm.*,

Рисунок 5.6 – Дисбаланс между экономической и социальной эффективностями отдельных отраслевых социально-экономических мезосистем [составлено автором по данным рисунка 4.17 и [188-191]]

Из основного социально-экономического противоречия между наемными работниками и собственниками средств производства следует, что основным фактором, влияющим на распределение доходов между индивидами социально-экономической системы, является структура экономической собственности на средства производства, которая в идеале должна быть сформирована по правилу первой «золотой пропорции» [19]. В реальности пропорции в ней иные. Поэтому в реальности *целью регулирования эффективности социально-экономической системы является сведение к минимуму дисбаланса между ее экономической и социальной эффективностями.*

Чтобы регулировать сбалансированность экономической и социальной эффективности, необходимо установить взаимосвязь параметров управления. Объективно они взаимосвязаны экономическими законами как необходимыми, устойчивыми, повторяющимися, причинно-обусловленными связями и взаимозависимостями экономических явлений в сферах производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг [300, с. 572].

Одним из общих для всех социально-экономических систем является экономический закон спроса и предложения. Предложение экономических благ формируется в сфере производства, а спрос на них – в сфере потребления. Стоимость произведенных и потребленных товаров и услуг определяет цена и объем их производства. Цена устанавливается в точке равновесия между предложением и спросом. От стоимости товаров и услуг и расходов на их производство и потребление зависят соответственно экономическая и социальная эффективности социально-экономической системы. Если они сбалансированы, происходит максимальное удовлетворение потребностей индивидов и максимальный рост производства товаров и услуг.

В сфере производства в доходе от реализации товаров и услуг в результате его распределения и последующего перераспределения образуются персонифицированные доходы наемных работников и собственников средств производства, которые вместе с незанятыми в экономике индивидами образуют домашние хозяйства, и не персонифицированные доходы государства. В сфере потребления одна часть доходов домашних хозяйств и государства обменивается на потребляемые экономические блага, а другая – сберегается (рисунок 5.7).

Изначально доходы индивидов, образующих домашние хозяйства, и государства формируются в социально-экономических микросистемах. В совокупности они образуют доход социально-экономической макросистемы. Внутри нее они образуются и распределяются на стадии производства **ВВП** и тратятся на стадии его потребления (рисунок 5.8).

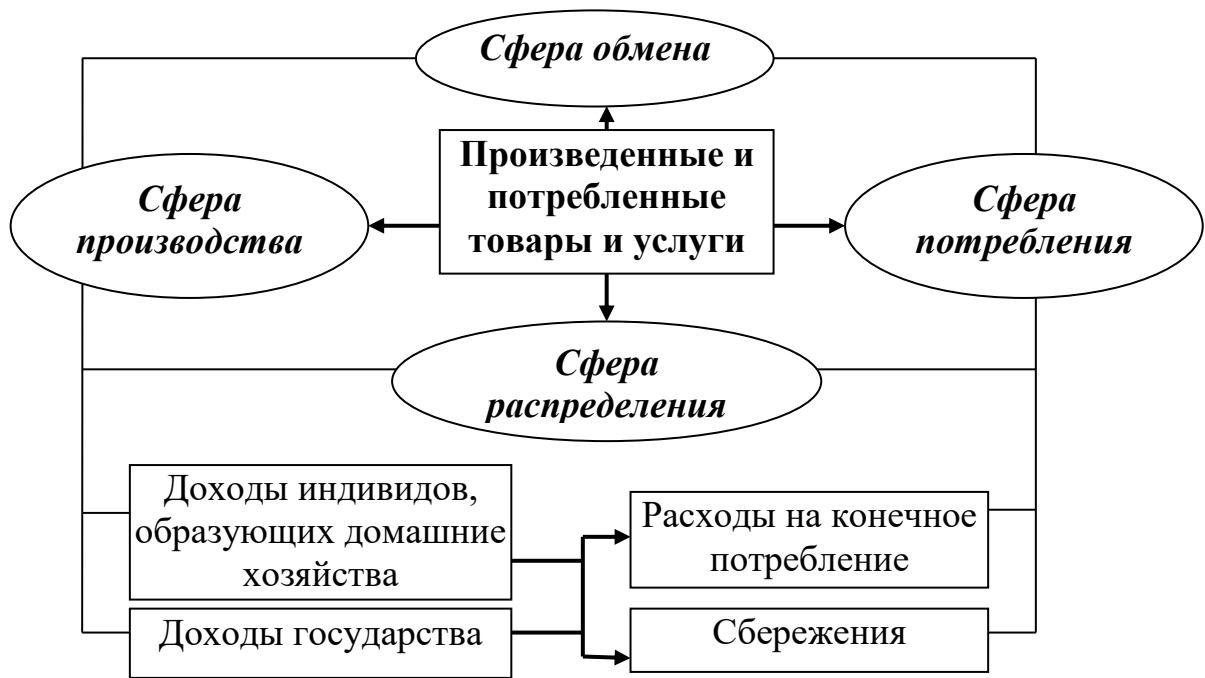

Рисунок 5.7 – Упрощенная взаимосвязь доходов и расходов в социально-экономической макросистеме [составлено автором]

Согласно методологии СНС 2008, структура первичного распределения доходов в социально-экономической макросистеме включает следующие компоненты по соответствующим институциональным секторам: «оплату труда (*ОТ*) – в секторе домашних хозяйств, чистые налоги на производство и импорт (*ЧН*) – в секторе государственного управления, валовую прибыль и валовой смешанный доход (*ВП*) – в секторах, к которым относятся соответствующие производственные единицы» [237, с. 382]:

$$ВВП = ОТ + ВП + ЧН . \quad (5.4)$$

Доходы от производства *ВВП* используются домашними хозяйствами и государством на конечное потребление товаров и услуг (*РП*), валовое накопление (*ВН*) и чистый экспорт (*ЧЭ*), который равен разности между экспортом и импортом товаров и услуг:

$$ВВП = РП + ВН + ЧЭ . \quad (5.5)$$

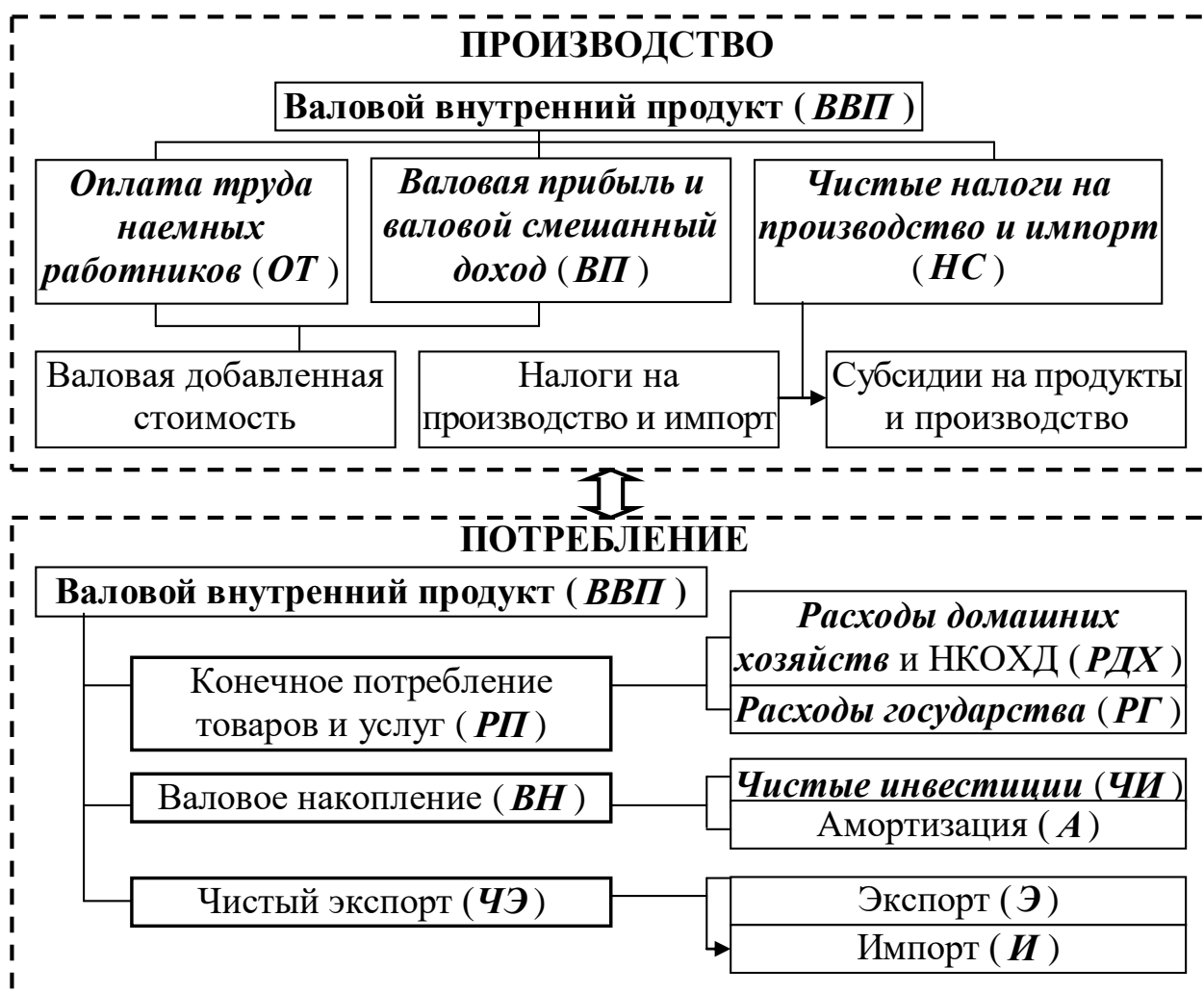

Рисунок 5.8 – Структура произведенного и потребленного валового внутреннего продукта [составлено автором]

Рисунок 5.9 – Структура потребительских расходов в Российской Федерации [составлено автором по данным [191]]

В структуру расходов на конечное потребление входят расходы домашних хозяйств и некоммерческих организаций, которые их обслуживают (НКОХД), а также секторы государственного управления (рисунок 3.3) [237, с. 28-29]. Расходы НКОХД на конечное потребление имеют незначительную долю. Например, в Российской Федерации в 2021 г. она составляла всего 0,87% (рисунок 5.10).

Валовое накопление состоит из валового накопления основного капитала, изменения запасов материальных оборотных средств и чистого приобретения ценностей. По сути, валовое накопление – это валовые инвестиции в капитал. Источниками их финансирования выступает чистое сбережение и чистые капитальные трансферты (разница между полученными и переданными). Чистое сбережение определяется как валовое сбережение (часть валового располагаемого дохода, не израсходованная на конечное потребление) за вычетом потребления основного капитала (таблица 5.3) [237, с. 29].

Таблица 5.3 – Счет операций с капиталом в системе национальных счетов [составлено автором]

Изменения в активах	Изменения в обязательствах и чистой стоимости капитала
1. Валовое накопление (3+5+6) 2. Чистое накопление (1-4) или (3-4+5+6) 3. Валовое накопление основного капитала 4. Потребление основного капитала 5. Изменение запасов материальных оборотных средств 6. Чистое приобретение ценностей 7. Чистое приобретение произведенных нефинансовых активов	8. Чистое сбережение 9. Капитальные трансферты полученные 10. Капитальные трансферты переданные
12. Чистое кредитование/ заимствование (11-2-7)	11. Изменение чистой стоимости капитала вследствие сбережения и капитальных трансфертов (8+9-10)

Потребление основного капитала представляет собой уменьшение в течение отчетного периода текущей стоимости запаса основных фондов, принадлежащих производителю и используемых им, в результате физического износа,

нормального морального износа или случайных повреждений [237, с. 138]. По сути, это амортизационные отчисления в текущем периоде (амортизация), которые идут на реновацию основного капитала. Таким образом, амортизацию можно определить как разницу между валовым доходом и чистым накоплением основного капитала. Тогда, с допустимой погрешностью, валовое накопление – это сумма амортизации (A) и чистых инвестиций ($ЧИ$), которые направляются на прирост капитала, изменение запасов материальных оборотных средств и чистое приобретение ценностей: $ВН = ЧИ + А$ [237, с. 9-10, 227]. В результате структуру распределения $ВВП$ на стадии потребления можно представить по следующим компонентам расходов:

$$ВВП = РДХ + РГ + ЧИ + А + ЧЭ \quad (5.6)$$

Параметры управления социально-экономической системой на макроуровне в выражениях (5.4-5.6) связаны между собой и с параметрами управления на мезо- и микроуровне (рисунок 5.10). Среди них целесообразно определить основные параметры регулирования эффективности социально-экономической системы. Для этого изначально следует установить их степень регулируемости. Чтобы определить значения основных параметров регулирования, позволяющих реально снижать дисбаланс между экономической и социальной эффективностями, необходимо формализовать взаимосвязь между частными параметрами управления в выражениях (5.4-5.6).

5.3. Определение основных регулируемых параметров сбалансированности экономической и социальной эффективностей

Параметрами регулирования сбалансированности экономической и социальной эффективностей на любом уровне управления выступают располагаемый доход индивидов на конечное потребление, неравномерность его распределения и цена товаров и услуг конечного потребления (рисунок 5.4).

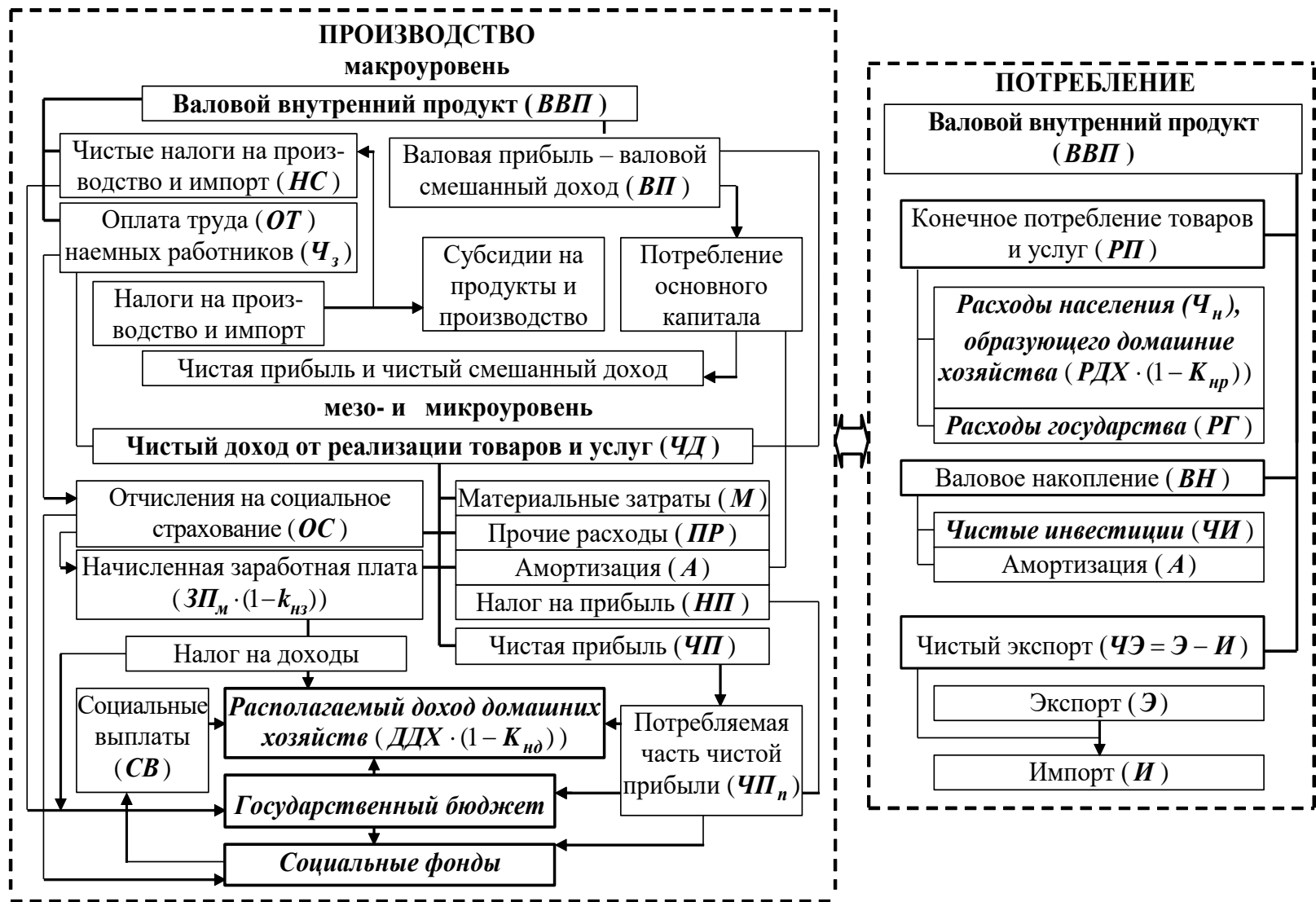

Рисунок 5.10 – Взаимосвязь частных параметров управления социально-экономическими макро-, мезо- и микросистемами и регулирования их эффективности [составлено автором]

Чтобы их регулировать, они должны быть статистически учитываемыми или могли быть рассчитаны на основе официальных статистических данных [93]. Таковыми являются частные параметры регулирования как часть параметров управления (таблица 5.2). Если их оценивать методом, который использовался для оценки степени регулируемости социально-экономических противоречий, то эти параметры могут быть легко, средне и трудно регулируемыми (таблица 2.2).

Абстрагируясь от незначимых поступлений, основными источниками располагаемого дохода индивидов, которые образуют домашние хозяйства, являются располагаемая заработная плата наемных работников, потребляемая часть чистой прибыли частными собственниками средств производства и социальные выплаты из государственного бюджета, социальных фондов (располагаемая заработная плата наемных работников остается после отчисления с начисленной заработной платы налогов на доход). Основу социальных выплат составляют отчисления на социальное страхование из оплаты труда наемных работников в государственный бюджет и социальные фонды (рисунок 5.8).

Норма отчислений на социальное страхование устанавливается на макроуровне управления, а социальные выплаты регулируются прямо и полностью путем законодательного их нормирования. На мезоуровне управления возможно регулирование социальных выплат, но такое воздействие будет частичным и косвенным. Следовательно, на мезо- и микроуровне управления социальные выплаты являются трудно регулируемым параметром, а на макроуровне управления – легко регулируемым параметром.

Начисленная заработная плата прямо и полностью регулируется на микроуровне управления и с этой точки зрения является легко регулируемым параметром. Но из-за прямо противоположных интересов увеличение оплаты труда наемных работников снижает чистую прибыль собственников средств производства, поэтому они не заинтересованы в повышении заработной платы, но могут прямо влиять на ее величину. Чтобы собственники средств производства не занижали заработную плату, на макроуровне управления законодательным путем нормируется минимальный размер оплаты, есть воздействие на нее является

прямым, но частичным. Очевидно, на мезоуровне управления регулирование заработной платы может осуществляться косвенно и только в организациях с общественной собственностью на средства производства. Поэтому, в целом, такое воздействие является частичным. Следовательно, на макро- и микроуровне управления начисленная заработная плата выступает средне регулируемым параметром, а на мезоуровне – трудно регулируемым параметром.

Собственники средств производства прямо влияют на величину прибыли, но их влияние ограничивается спросом на товары и услуги и налогами на доходы, производство и импорт. То есть их влияние частично. На мезоуровне управления возможно регулирование чистой прибыли, но только в организациях с общественной собственностью на средства производства. Поэтому такое воздействие будет частичным и косвенным. На макроуровне управления этот параметр трудно регулируется, поскольку воздействие на него осуществляется частично и косвенно путем налогообложения. Следовательно, чистая прибыль на микроуровне управления является средне регулируемым параметром, а на макро- и мезоуровне – трудно регулируемым параметром.

На микроуровне управления неравномерность распределения располагаемого дохода индивидов прямо и полностью зависит от распределения заработной платы между наемными работниками, между их оплатой труда и чистой прибылью собственников средств производства в добавленной стоимости, а на микроуровне – от неравномерности распределения социальных выплат в обществе. Очевидно, что в любом случае влиять на них на мезоуровне управления трудно. На макроуровне управления это справедливо только для распределения заработной платы и добавленной стоимости, а на микроуровне управления эти параметры являются легко регулируемыми.

Цены на товары и услуги конечного потребления прямо и полностью устанавливаются на микроуровне управления. На них косвенно можно влиять на мезо- и макроуровне управления. Но практика показывает, что прямое регулирование может осуществляться частично и только в организациях с общественной собственностью на средства производства. Цены на товары и

услуги в обобщающих параметрах экономической и социальной эффективности учитываются индексом потребительских цен. В официальной статистике он является общепринятым показателем инфляции. Тогда индекс потребительских цен на микроуровне управления является легко регулируемым параметром, а на макро- и мезоуровне – трудно регулируемым параметром.

Таким образом, в конечном итоге основными параметрами регулирования сбалансированности экономической и социальной эффективности на всех уровнях управления выступают начисленная заработная плата, чистая прибыль, социальные выплаты из государственного бюджета и социальных фондов, а также неравномерность их распределения и потребительские цены на товары и услуги конечного потребления. Их регулируемость на макро-, мезо- и микроуровне управления разная (таблица 5.4).

Наибольшую значимость для располагаемого дохода домашних хозяйств имеет заработная плата наемных работников и социальные выплаты. Например, по официальным данным, в Российской Федерации в 2021 г. в структуре денежных доходов домашних хозяйств оплата труда наемных работников составляла 58,9%, а социальные выплаты – 21% (рисунок 5.11). Очевидно, они являются основными параметрами регулирования. У них наибольшая степень регулируемости на макроуровне управления (таблица 5.4). Отсюда можно утверждать, что в большей мере регулировать доходы индивидов, а, следовательно, и сбалансировать экономическую и социальную эффективность возможно только на макроуровне управления социально-экономической системой.

Для определения значений основных параметров регулирования необходимо формализовать взаимосвязь между параметрами управления социально-экономической системой на макроуровне (рисунок 5.10). Она определяется связями между структурой первичного распределения доходов от производства и реализации **ВВП** и структурой расходов на его потребление. Для формализации этих связей целесообразно использовать методы эконометрического моделирования [147].

Таблица 5.4 – Регулируемость основных параметров сбалансированности экономической и социальной эффективности [составлено автором]

Параметр регулирования	Уровень управления		
	Микро-	Мезо-	Макро-
Начисленная заработная плата	Средне регулируемый параметр	Трудно регулируемый параметр	Средне регулируемый параметр
Неравномерность распределения заработной платы	Легко регулируемый параметр	Трудно регулируемый параметр	Трудно регулируемый параметр
Чистая прибыль	Средне регулируемый параметр	Трудно регулируемый параметр	Трудно регулируемый параметр
Социальные выплаты и неравномерность их распределения	Трудно регулируемый параметр	Трудно регулируемый параметр	Легко регулируемый параметр
Индекс потребительских цен	Легко регулируемый параметр	Трудно регулируемый параметр	Трудно регулируемый параметр

Рисунок 5.11 – Структура денежных доходов домашних хозяйств Российской Федерации [составлено автором на основе [191]]

В данном случае целесообразно использовать эконометрическую модель, построенную на основе системы одновременных уравнений, описывающих

взаимосвязь структуры производства и потребления *ВВП* [22, с. 9]. Кроме уравнений регрессии, она должна содержать тождество, которое определяется равенством доходов от производства *ВВП* и расходов на его потребление, уравнения (5.4-5.6):

$$OT + ВП + ЧН = РП + ЧИ + А + ЧЭ. \quad (5.7)$$

Общая структура модели характеризуется наличием полной системы взаимосвязей экзогенных переменных, которые являются внешними относительно модели (объясняющими переменные или факторы), и эндогенных переменных, значения которых определяются внутри модели. При этом в одних моделях факторы могут выступать как эндогенные, а в других – как экзогенные переменные. Классификация факторов на эндогенные и экзогенные зависит от теоретической концепции принятой модели и осуществляется при общетеоретическом анализе связей и спецификации модели, которая уточняется в процессе ее идентификации.

Согласно кейнсианской теории, для социально-экономического развития макросистемы определяющими являются потребительский и инвестиционный спрос. Тогда расходы на конечное потребление (*РП*) и чистые инвестиции (*ЧИ*) являются эндогенными переменными. Между чистыми инвестициями и амортизацией (*А*) существует обратная связь. Чем больше физический и моральный износ основных средств, тем нужнее инвестиции для их обновления. При этом износ основных средств – явление неуправляемое, поэтому амортизацию (*А*) следует рассматривать как экзогенную переменную.

Оплата труда наемных работников (*ОТ*), валовая прибыль и валовой смешанный доход (*ВП*) являются результатом отношений экономической собственности. Они вместе с чистыми налогами на производство и импорт, за исключением субсидий на них (*ЧН*) выступают источником формирования персонифицированных доходов домашних хозяйств и неперсонифицированных доходов государства.

Прибыль характеризует превышение доходов над расходами, которые возникают в результате производства. Смешанный доход – это доход, которые

получают домашние хозяйства от некорпорированных предприятий, являющихся их собственностью. Определить структуру этого дохода по компонентам его первичного распределения практически невозможно.

Валовая прибыль и валовой смешанный доход определяются на валовой основе как разность между *ВВП*, оплатой труда наемных работников (*ОТ*) и чистыми налогами на производство и импорт (*ЧН*): $ВП = ВВП - ОТ - ЧН$. Тогда валовая прибыль и валовой смешанный доход (*ВП*) является эндогенной переменной. Она зависит от оплаты труда наемных работников (*ОТ*), которая в данном случае выступает экзогенной переменной.

Чистые налоги на производство и импорт включают налоги на продукты и другие налоги, связанные с производством, а субсидии на производство и импорт – субсидии на продукты и другие субсидии, связанные с производством. Другие налоги, связанные с производством, включают платежи организаций в государственный бюджет и бюджеты структурных территориальных образований, а также в государственные целевые фонды в связи с использованием ресурсов и получением разрешений на специфические виды деятельности. К другим субсидиям, связанным с производством, относятся субсидии для осуществления определенной экономической и социальной политики относительно использования ресурсов. Очевидно, что от размера налогов зависит величина прибыли. Тогда чистые налоги на производство и импорт (*ЧН*) следует рассматривать в качестве экзогенной переменной.

Чистый экспорт представляет собой разность между экспортом и импортом ($ЧЭ = Эк - Им$). Чистый экспорт может быть как положительной величиной, если экспорт превышает импорт ($Эк > Им$), так и отрицательной величиной, если импорт превышает экспорт ($Эк < Им$). В первом случае это означает дефицит, а во втором – профицит счета текущих операций.

Все страны стремятся, чтобы экспорт превышал импорт, но на уровне мировой экономики чистый экспорт объективно равен нулю. В неокейнсианской модели *IS - LM*, которая описывает общее макроэкономическое равновесие на

товарном (кривая IS) и денежном (кривая LM) рынках в закрытой экономике, влияние чистого экспорта не учитывается. Кроме того, считается, что чистый экспорт не является значимым фактором экономического роста. Поэтому его в определенной мере можно считать автономным, а, следовательно, экзогенной переменной.

Таким образом, в модели присутствуют три эндогенные (PP , BP , CH) и четыре экзогенные переменные (OT , CH , $ЧЭ$, A). Между ними существует структурная взаимосвязь, которую определяет диалектика отношений сферы производства и потребления. Из нее следует взаимосвязь валовой прибыли и валового смешанного дохода (BP) с расходами на конечное потребление (PP). Величина BP определяется размером $ВВП$, оплаты труда наемных работников (OT) и чистых налогов на производство и импорт (CH). Несмотря на то, что амортизация (A) является экономическим элементом расходов, она вместе с чистой прибылью остается в распоряжении организации. Поэтому принято, что эти параметры между собой условно независимы. Поскольку любая экономика является открытой, то BP в определенной мере зависит от величины чистого экспорта ($ЧЭ$).

Согласно кейнсианской концепции, часть доходов, изначально формируемых из OT и определенной части BP и CH , тратится на конечное потребление (PP), а другая – на сбережение, которое направляется на инвестирование производства. Эта часть определяет инвестиционный спрос, характеризуемый чистыми инвестициями ($ЧИ$). Они зависят от величины расходов на конечное потребление (PP).

Такие взаимосвязи между компонентами первичного распределения дохода на стадии производства и компонентами потребления определены в положениях экономической теории. Это позволяет утверждать, что в стохастических зависимостях $BP = f(PP, OT, HC, ЧЭ)$ и $PP = f(ЧИ, BP, OT, CH)$ влияние неучтенных факторов незначительно. Тогда с учетом тождества (5.7) структурная взаимосвязь между параметрами управления доходами на стадии производства и

расходами на стадии потребления на основе системы одновременных уравнений имеет следующий вид:

$$\begin{cases} \mathbf{ВП} = \alpha_1 + \beta_{11} \cdot \mathbf{РП} + \alpha_{11} \cdot \mathbf{ОТ} + \alpha_{12} \cdot \mathbf{ЧН} + \alpha_{13} \cdot \mathbf{ЧЭ}, \\ \mathbf{РП} = \alpha_2 + \beta_{22} \cdot \mathbf{ЧИ} + \beta_{23} \cdot \mathbf{ВП} + \alpha_{21} \cdot \mathbf{ОТ} + \alpha_{22} \cdot \mathbf{ЧН}, \\ \mathbf{ОТ} + \mathbf{ВП} + \mathbf{ЧН} = \mathbf{РП} + \mathbf{ЧИ} + \mathbf{А} + \mathbf{ЧЭ}. \end{cases} \quad (5.8)$$

где α_i , α_{ij} , β_{ij} – коэффициенты, которые определяют структурные пропорции между параметрами управления.

Для построения структурной формы модели необходимо перейти к ее приведенной форме, но предварительно нужно идентифицировать каждое структурное уравнение системы (5.8). Уравнение идентифицировано, если выполняются следующие условия:

1. Необходимое условие: $D \geq G - 1$, где D – количество экзогенных переменных, отсутствующих в идентифицируемом уравнении; G – количество эндогенных переменных в уравнении.

2. Достаточное условие: определитель матрицы, составленной из коэффициентов при переменных (эндогенных и экзогенных), отсутствующих в уравнении, не должен равняться нулю, а ее ранг – не меньше $N - 1$, где N – количество эндогенных уравнений в модели [21].

Эти условия выполняются для всех уравнений системы (5.8) (рисунок 5.12). Приведенная форма модели имеет следующий вид:

$$\begin{cases} \mathbf{ВП} = a_1 + a_{11} \cdot \mathbf{ОТ} + a_{12} \cdot \mathbf{ЧН} + a_{13} \cdot \mathbf{ЧЭ} + a_{14} \cdot \mathbf{А}, \\ \mathbf{РП} = a_2 + a_{21} \cdot \mathbf{ОТ} + a_{22} \cdot \mathbf{ЧН} + a_{23} \cdot \mathbf{ЧЭ} + a_{24} \cdot \mathbf{А}, \\ \mathbf{ЧИ} = a_3 + a_{31} \cdot \mathbf{ОТ} + a_{32} \cdot \mathbf{ЧН} + a_{33} \cdot \mathbf{ЧЭ} + a_{34} \cdot \mathbf{А}, \end{cases} \quad (5.9)$$

где a_i , a_{ij} – коэффициенты, которые определяют структурные пропорции между параметрами управления в приведенной форме модели.

Взаимосвязь между коэффициентами структурной и приведенной формы модели устанавливается путем решения совместной системы линейных уравнений методом Гаусса. В результате определяются коэффициенты при переменных в уравнениях структурной формы модели (5.8):

$$\begin{aligned}
\alpha_1 &= a_{14} \left(\frac{a_1}{a_{14}} - \frac{a_2}{a_{24}} \right), \quad \beta_{11} = \frac{a_{14}}{a_{24}}, \quad \alpha_{11} = a_{14} \left(\frac{a_{11}}{a_{14}} - \frac{a_{21}}{a_{24}} \right), \quad \alpha_{12} = a_{14} \left(\frac{a_{12}}{a_{14}} - \frac{a_{22}}{a_{24}} \right), \\
\alpha_{13} &= a_{14} \left(\frac{a_{13}}{a_{14}} - \frac{a_{23}}{a_{24}} \right), \quad \alpha_2 = \frac{1}{C} \left[\frac{a_{24}}{D} \left(\frac{a_2}{a_{24}} - \frac{a_3}{a_{34}} \right) - \frac{a_{14}}{B} \left(\frac{a_1}{a_{14}} - \frac{a_2}{a_{24}} \right) \right], \\
\beta_{22} &= \frac{a_{24}}{a_{34}DC}, \quad \beta_{23} = \frac{1}{BC}, \quad \alpha_{21} = \frac{1}{C} \left[\frac{a_{24}}{D} \left(\frac{a_{21}}{a_{24}} - \frac{a_{31}}{a_{34}} \right) - \frac{a_{14}}{B} \left(\frac{a_{11}}{a_{14}} - \frac{a_{21}}{a_{24}} \right) \right], \\
\alpha_{22} &= \frac{1}{C} \left[\frac{a_{24}}{D} \left(\frac{a_{22}}{a_{24}} - \frac{a_{32}}{a_{34}} \right) - \frac{a_{14}}{B} \left(\frac{a_{12}}{a_{14}} - \frac{a_{22}}{a_{24}} \right) \right], \\
B &= a_{14} \left(\frac{a_{13}}{a_{14}} - \frac{a_{23}}{a_{24}} \right), \quad D = a_{24} \left(\frac{a_{23}}{a_{24}} - \frac{a_{33}}{a_{34}} \right), \quad C = \frac{1}{D} + \frac{a_{14}}{a_{24}B}.
\end{aligned} \tag{5.10}$$

По виду приведенная форма модели ничем не отличается от системы независимых уравнений, где коэффициенты при поясняющих переменных определяются с помощью метода наименьших квадратов (МНК). Адекватность стохастических уравнений модели проверяется с помощью коэффициента детерминации (в Microsoft Excel – нормированный R^2), критерия Фишера (в Microsoft Excel – F -значимость), критерия Стьюдента (в Microsoft Excel – P -значение), критерия Дарбина-Уотсона и критерия фон Неймана, если последний не дает однозначной оценки о наличии автокорреляции в регрессионных остатках. Причин автокорреляции несколько, но в данном случае ее наличие позволяет судить о полноте учета поясняющих переменных (экзогенных) при условии достоверности исходных данных.

Избыток незначимых и неучет значимых экзогенных переменных приводит к ухудшению всех оценок адекватности стохастического уравнения модели. Чтобы исключить «лишние» экзогенные переменные, оценивается теснота связи между рядами данных с помощью коэффициента корреляции. Если она высокая, то одна из переменных исключается. Следует отметить, что закономерная взаимосвязь переменных в структурных уравнениях модели обуславливает тесную корреляцию между ними (явление мультиколлинеарности).

Матрица коэффициентов при переменных в уравнениях модели

	РП	ЧИ	А	ЧЭ	ВП	ОТ	ЧН
I уравнение	β_{11}	0	0	α_{13}	-1	α_{11}	α_{12}
II уравнение	-1	β_{22}	0	0	β_{23}	α_{21}	α_{22}
Тождество	-1	-1	-1	-1	1	1	1

Первое уравнение:

$$ВП = \alpha_1 + \beta_{11} \cdot РП + \alpha_{11} \cdot ОТ + \alpha_{12} \cdot ЧН + \alpha_{13} \cdot ЧЭ + \eta_1,$$

ВП и **КП** – эндогенные, **ОТ**, **ЧН** и **ЧЭ** – экзогенные переменные.

Матрица коэффициентов при переменных, которые не входят в первое уравнение модели

	ЧИ	А
II уравнение	β_{22}	0
Тождество	-1	-1

Необходимое условие соблюдается: $G - 1 = 2 - 1 = 1$, $D = 4 - 3 = 1$ и $D = G - 1$. Достаточное условие соблюдается: ранг матрицы

$$rgA_{2 \times 2}^1 = 2 = N - 1 = 3 - 1 = 2 > 1; \quad \text{определитель}$$

$$\text{матрицы коэффициентов } \Delta A_{2 \times 2}^1 = -\beta_{22} \neq 0.$$

Уравнение точно идентифицировано.

Второе уравнение:

$$РП = \alpha_2 + \beta_{22} \cdot ЧИ + \beta_{23} \cdot ВП + \alpha_{21} \cdot ОТ + \alpha_{22} \cdot ЧН + \eta_2,$$

ВП, **КП** и **ЧИ** – эндогенные, **ОТ** и **ЧН** – экзогенные переменные.

Матрица коэффициентов при переменных, которые не входят во второе уравнение модели

	А	ЧЭ
I уравнение	0	α_{13}
Тождество	-1	-1

Необходимое условие соблюдается: $G - 1 = 3 - 1 = 2$, $D = 4 - 2 = 2$ и $D = G - 1$. Достаточное условие соблюдается: ранг матрицы

$$rgA_{2 \times 2}^2 = 2 = N - 1 = 3 - 1 = 2, \quad \text{определитель матрицы}$$

$$\text{коэффициентов } \Delta A_{2 \times 2}^2 = \alpha_{13} \neq 0. \quad \text{Уравнение точно}$$

идентифицировано.

$$\text{Третье уравнение: } ОТ + ВП + ЧН = КП + ЧИ + А + ЧЭ$$

является тождеством, поэтому оно точно идентифицировано.

Рисунок 5.12 – Идентификация структурных уравнений системы одновременных уравнений [составлено автором]

При этом некоторые переменные являются аналитическими, полученными в результате расчета с использованием других переменных. Это обусловлено методологией учета и отражения информации статистическими службами разных стран, которая, к тому же, периодически изменяется.

Одними из существенных последствий мультиколлинеарности могут быть неустойчивые оценки параметров и их дисперсий, а также неверного знака при оценке параметра, что приводит к неадекватности модели. Но устранение мультиколлинеарности в данном случае приведет к неучету значимых компонентов модели (5.8). Поэтому здесь на первое место выходит логическое обоснование взаимосвязи между ними на основе положений экономической теории.

Например, на основе значений валового накопления капитала, его основной части и потребления основного капитала в Российской Федерации определены значения чистых инвестиций (*ЧИ*) и амортизации (*А*). Выборка статистических данных ограничена изменениями в методологии учета и временем отражения значений показателей (таблица 5.5). На основе этой выборки статистических данных Российской Федерации построены уравнения регрессии для приведенной формы модели. Результаты стандартной процедуры их оценки относительно удовлетворительные, за исключением наличия автокорреляции регрессионных остатков (таблицы 5.6-5.8). Но это обусловлено тесной корреляцией между всеми параметрами управления (таблица 5.9), что с определенной погрешностью позволяет сделать вывод об адекватности приведенной формы модели (5.11). Следует отметить, что отсутствие в ней чистого экспорта (*ЧЭ*) в числе экзогенных переменных подтверждает вывод о низкой значимости чистого экспорта в неоклассических теориях экономического роста.

$$\begin{cases} \mathbf{ВП} = -1,385 \cdot \mathbf{ОТ} + 3,303 \cdot \mathbf{ЧН} + 5,164 \cdot \mathbf{А}, \\ \mathbf{РП} = -12941,1 + 1,437 \cdot \mathbf{ОТ} + 1,643 \cdot \mathbf{ЧН}, \\ \mathbf{ЧИ} = 0,457 \cdot \mathbf{ОТ} - 0,831 \cdot \mathbf{А}. \end{cases} \quad (5.11)$$

Таблица 5.5 – Статистическая выборка значений параметров управления социально-экономической системой Российской Федерации, млрд руб. [составлено автором по данным [187-191]]

Год	<i>ВП</i>	<i>РП</i>	<i>ОТ</i>	<i>ЧН</i>	<i>ЧЭ</i>	<i>ЧИ</i>	<i>А</i>
2013	24984,3	40883,9	26385,1	8744,7	4854,4	8667,5	5916,6
2014	28086,3	47273,4	30187,2	9830,0	4537,9	9606,0	7115,9
2015	29127,0	52433,6	33800,1	10058,6	3943,7	8789,4	8195,6
2016	30592,6	56735,9	37439,0	10998,5	5074,4	8140,5	9555,0
2017	34074,7	58531,1	39748,9	9263,8	6686,4	7474,5	10928,3
2018	34973,6	61398,5	41237,5	9405,0	4444,2	7677,2	12096,2
2019	37972,6	65289,5	43897,5	9973,1	4872,5	8790,6	12890,6
2020	45255,7	70705,2	46415,8	12190,2	10392,0	9167,4	13597,1
2021	49129,2	76397,4	48383,0	12096,1	8372,0	10036,2	14802,7

Таблица 5.6 – Результаты оценки адекватности первого уравнения регрессии системы 5.11 [составлено автором]

Нормированный R^2 , %	F – значимость, %	P – значение, %		Критерий Дарбина-Уотсона			Критерий фон Неймана	
		параметр	оценка	$4 - dl$	$4 - du$	dw	$Q_{табл.}$	Q
87,32	$1,59 \cdot 10^{-10}$	-1,385(<i>ОТ</i>)	$2,28 \cdot 10^{-3}$	3,405	2,072	2,33	1,2	2,56
		3,303(<i>ЧН</i>)	$0,5 \cdot 10^{-3}$					
		5,164(<i>А</i>)	$4,33 \cdot 10^{-3}$					

Таблица 5.7 – Результаты оценки адекватности второго уравнения регрессии системы 5.11 [составлено автором]

Нормированный R^2 , %	F – значимость, %	P – значение, %		Критерий Дарбина-Уотсона			Критерий фон Неймана	
		параметр	оценка	dl	du	dw	$Q_{табл.}$	Q
98,04	$6,06 \cdot 10^{-6}$	-12941,1	0,0215	0,658	1,604	0,9	1,15	0,99
		1,437(<i>ОТ</i>)	$1,85 \cdot 10^{-6}$					
		1,643(<i>ЧН</i>)	0,0374					

Таблица 5.8 – Результаты оценки адекватности третьего уравнения регрессии системы 5.11 [составлено автором]

Нормированный R^2 , %	F – значимость, %	P – значение, %		Критерий Дарбина-Уотсона			Критерий фон Неймана	
		параметр	оценка	dl	du	dw	$Q_{табл.}$	Q
87,21	$3,31 \cdot 10^{-6}$	0,457(ОТ)	$0,63 \cdot 10^{-3}$	0,658	1,604	0,57	1,15	0,63
		-0,831(А)	2,37					

Таблица 5.9 – Корреляционная матрица значений параметров управления [составлено автором]

	ВП	РП	ОТ	ЧН	ЧЭ	ЧИ	А
ВП	1						
РП	0,9793	1					
ОТ	0,9400	0,9860	1				
ЧН	0,8644	0,8311	0,7717	1			
ЧЭ	0,8412	0,7608	0,7150	0,8690	1		
ЧИ	0,7541	0,6504	0,5277	0,7773	0,6572	1	
А	0,9536	0,9884	0,9944	0,7518	0,7123	0,5585	1

С использованием коэффициентов при экзогенных переменных в уравнениях приведенной формы модели (5.11) и формул (5.10) определены соответствующие коэффициенты в структурной форме модели для социально-экономической макросистемы Российской Федерации, которая имеет следующий вид:

$$\begin{cases} \mathbf{ВП} = 66822384109 + 5163586,6 \cdot \mathbf{РП} - 7419093,6 \cdot \mathbf{ОТ} - 8183315,1 \cdot \mathbf{ЧН}, \\ \mathbf{РП} = -12941 - 0,861 \cdot \mathbf{ЧИ} + 1,235 \cdot \mathbf{ОТ} + 1,185 \cdot \mathbf{ЧН}, \\ \mathbf{ЧИ} + \mathbf{А} + \mathbf{РП} + \mathbf{ЧЭ} = \mathbf{ВП} + \mathbf{ОТ} + \mathbf{НС}. \end{cases} \quad (5.12)$$

Структурная форма модели (5.12) количественно описывает взаимосвязь между параметрами первичного распределения доходов на стадии производства и расходами на стадии потребления $\mathbf{ВВП}$, но для исследований используется приведенная форма модели (5.11).

1. Определение минимальной оплаты труда.

В марксистской теории минимальные границы стоимости рабочей силы регулируются определенными объективными факторами, которые обуславливают необходимость обеспечения рабочего таким минимумом жизненных средств, ниже которого воспроизводство рабочей силы окажется невозможным [121, с. 183-184]. Результирующее действие такого явления проявляется в простом воспроизводстве совокупного общественного продукта, при котором отсутствуют всякие накопления [121, с. 444]. Отсюда следует, что минимальные потребности социума и его индивидов удовлетворяются при отсутствии сбережений.

Взаимосвязь сбережений и инвестиций занимает центральное место в кейнсианской теории. Если растут сбережения, то в экономическом смысле это является свидетельством переориентации средств потребителей с покупки предметов потребления на покупку инвестиционных товаров, то есть на осуществление инвестиций [85]. Считая сбережения источником стимулирования производства, некейнсианцы рассматривают их как часть дохода, который трансформируется в инвестиции. Если сбережений нет, то все полученные доходы тратятся на потребление, следовательно, нет и инвестиций.

Заработная плата и социальные выплаты – это доминирующие источники доходов домашних хозяйств. Основным источником социальных выплат являются отчисления из оплаты труда наемных работников на социальное страхование. Тогда существует минимальный уровень заработной платы, при котором отсутствуют сбережения большей части домашних хозяйств и большей части инвестиций. Следовательно, отсутствие чистых инвестиций в модели (5.9) может быть условием определения размера минимальной оплаты труда (MOT), который устанавливается соответствующим социальным стандартом:

$$ЧИ = a_3 + a_{31} \cdot OT_{\min} + a_{32} \cdot НС + a_{33} \cdot ЧЭ + a_{34} \cdot A = 0. \quad (5.13)$$

Размер среднемесячной MOT определяется путем деления найденного из условия отсутствия чистых инвестиций в экономике значения оплаты труда всех

занятых в экономике работников (OT_{\min}) за вычетом отчислений на социальное страхование на их численность ($Ч_3$):

$$MOT = \frac{k \cdot OT_{\min}}{12 \cdot Ч_3}, \quad (5.14)$$

где k – нормативный коэффициент, учитывающий долю отчислений на социальное страхование в оплате труда.

Например, для Российской Федерации минимальное значение оплаты труда всех наемных работников (OT_{\min}) определено из третьего уравнения приведенной формы модели (5.11) и $k = 0,7$. Расчетные значения превышают официальную величину минимальной оплаты труда, но такое превышение уменьшилось в 2021 г. относительно 2015 г. с 2,68 до 2,08 раз (таблица 5.10).

$$ЧИ = 0,457 \cdot OT_{\min} - 0,831 \cdot A = 0. \quad (5.15)$$

Таблица 5.10 – Расчетное и официальное значение минимальной оплаты труда [составлено автором]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Расчетное значение, руб./месяц	16011	17811	19039	20162	22103	23449	26549
Официальное значение, руб./месяц [249]	5965	6204	7500	9489	11280	12130	12792
Превышение, раз	2,68	2,87	2,54	2,12	1,96	1,93	2,08

2. Определение минимального прожиточного минимума.

Минимальный прожиточный минимум можно определить с использованием второго уравнения модели (5.11) и расчетного значения минимальной оплаты труда и средней численности населения ($Ч_n$). Для этого определяются минимальные расходы на конечное потребление ($РП_{\min}$):

$$РП_{\min} = a_2 + a_{21} \cdot OT_{\min} + a_{22} \cdot ЧН + a_{23} \cdot ЧЭ + a_{24} \cdot A. \quad (5.16)$$

Путем вычитания из $РП_{\min}$ расходов сектора государственного управления ($РП_{гу}$) и НКОХД ($РП_{нкохд}$) рассчитываются минимальные расходы домашних

хозяйств на конечное потребление (RDX_{\min}). Путем их деления на среднюю численность населения ($Ч_n$) определяется среднемесячное значение прожиточного минимума:

$$ПМ = \frac{RDX_{\min}}{12 \cdot Ч_n} = \frac{PP_{\min} - PP_{ГУ} - PP_{НКОХД}}{12 \cdot Ч_n} \quad (5.17)$$

Например, для Российской Федерации расчетное значение прожиточного минимума ($ПМ$) определено из второго уравнения приведенной формы модели (5.11), расчетных значений минимальной оплаты труда (таблица 5.10), расходов сектора государственного управления и НКОХД и средней численности населения. Расчетные значения прожиточного минимума превышают их официальные величины, но такое превышение уменьшилось в 2021 г. относительно 2015 г. с 1,67 до 1,29 раз (таблица 5.11).

$$PP_{\min} = -12941 - 0,861 \cdot ЧИ + 1,235 \cdot ОТ_{\min} + 1,185 \cdot ЧН \quad (5.18)$$

Таблица 5.11 – Расчетное и официальное значение прожиточного минимума [составлено автором]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Расчетное значение, руб./месяц	10655	8365	8136	9838	10357	7664	13017
Официальное значение, руб./месяц [249]	6369	6510	7306	8050	9701	9828	10088
Превышение, раз	1,67	1,28	1,11	1,22	1,07	0,78	1,29

Очевидно, устранение таких расхождений значений минимальной оплаты труда и прожиточного минимума в определенной мере повышает эффективность результативности социально-экономической макросистемы Российской Федерации, но сокращение дисбаланса между экономической и социальной эффективностью (см. рисунок 5.5) возможно только при условии снижения неравномерности распределения располагаемого дохода и расходов домашних хозяйств.

Выводы к главе 5

Эффективность результативности является синергетической характеристикой результативности и затрат и регулируется на макро-, мезо- и микроуровне управления. Она качественно и количественно характеризует состояние социально-экономической системы, о котором целесообразно судить по дисбалансу между ее социальной и экономической эффективностями, объективно существующему вследствие социально-экономических противоречий. Следовательно, регулирование эффективности социально-экономической системы – это регулирование сбалансированности ее экономической и социальной эффективностей как меры социально-экономических противоречий.

Социально-экономические противоречия выступают объектом регулирования состояния социально-экономической системы. Главным среди них является контрарное противоречие между прямо противоположными интересами индивидов, которые возникают по поводу распределения их доходов. Оптимальное распределение доходов между индивидами является целью регулирования сбалансированности экономической и социальной эффективностей, выступающей предметом регулирования. Критерий оптимальности определяет сберегаемая часть располагаемого дохода индивидов.

Субъекты управления и функционально-целевые механизмы на разных уровнях управления социально-экономической системой как регуляторы сбалансированности экономической и социальной эффективностей отличаются. Их методы управления и регулирования базируются на планировании соответствующих параметров управления, на которые субъект управления может прямо или косвенно влиять, исходя из цели управления, где параметры регулирования – это те, изменение которых балансирует параметры управления. В любом случае они включают обобщающие и частные параметры, которые также отличаются на разных уровнях управления. Тем не менее, общим для всех уровней управления является целевой параметр регулирования. Это дисбаланс

между экономической и социальной эффективностями, который определяется относительно оптимального значения средней склонности индивидов к сбережению (38,2%) или к потреблению (61,8%).

На макроуровне управления дисбаланс между экономической и социальной эффективностями определяется с использованием частных параметров регулирования. Это располагаемый доход и расходы домашних хозяйств на конечное потребление и коэффициенты неравномерности их распределения. На мезо- и микроуровне таковыми являются начисленная заработная плата, коэффициент неравномерности ее распределения и минимальная оплата труда.

В формировании располагаемого дохода домашних хозяйств наиболее значимыми являются оплата труда наемных работников и социальные выплаты. В наибольшей мере их можно регулировать на макроуровне управления с использованием социальных стандартов, где основными выступают минимальная оплата труда и прожиточный минимум. Их увеличение в определенной мере способствует достижению сбалансированности экономической и социальной эффективностей, но только в комплексе со снижением неравномерности распределения располагаемого дохода и расходов домашних хозяйств.

Величину минимальной оплаты труда и прожиточного минимума целесообразно определять на основе эконометрического моделирования взаимосвязи частных параметров управления социально-экономической макросистемой. Они взаимосвязаны системой одновременных уравнений, описывающих взаимосвязь структуры валового внутреннего продукта по источникам первичного распределения дохода на стадии производства и структуры его использования на стадии потребления.

Структуру источников первичного распределения дохода образуют оплата труда наемных работников, чистые налоги на производство и импорт, валовая прибыль и валовой смешанный доход. Структура их использования определяется расходами домашних хозяйств и сектора государственного управления на конечное потребление товаров и услуг, валовое накопление и чистый экспорт, который равен разности между экспортом и импортом товаров и услуг.

Валовое накопление – это валовые инвестиции в капитал. Источниками их финансирования выступают чистое сбережение и чистые капитальные трансферты. Чистое сбережение определяется как валовое сбережение за вычетом потребления основного капитала. Его потребление представляет собой уменьшение в течение отчетного периода текущей стоимости основных средств, которые в виде амортизационных отчислений идут на реновацию основного капитала. Отсюда валовое накопление с допустимой погрешностью можно рассматривать как сумму амортизации и чистых инвестиций, которые направляются на прирост капитала, изменение запасов материальных оборотных средств и чистое приобретение ценностей.

Теоретически отсутствие чистых инвестиций в экономике является следствием отсутствия сбережений индивидов. Из этого условия с использованием приведенной формы эконометрической модели целесообразно определять величину минимальной оплаты труда, исходя из которой далее можно определить величину прожиточного минимума.

Полученные научные результаты опубликованы в работах [193; 195; 197; 198; 201; 204; 206; 207].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация посвящена решению актуальной научно-прикладной проблемы соотношения экономической и социальной эффективности, которая требует установления методологических оснований исследования социально-экономических систем. Полученные научные результаты позволили сформулировать основные понятия, положения и разработать теоретико-методические основы методологии регулирования эффективности социально-экономических систем, имеющие прикладное значение, а также сделать выводы, обобщающие результаты решения этой проблемы.

1. Теоретическим основанием методологии исследования социально-экономических систем являются онтологические знания философии о реальной действительности и отдельные понятия и положения неоклассической, институциональной теории, классической политической экономии, науки управления и других социальных наук, а также теории систем. Выбор понятий и положений определяется целью, объектом и предметом исследования, а также критерием ценности, позволяющим подтвердить полученные теоретические результаты и спрогнозировать результаты функционирования и развития социально-экономической системы. Для этого целесообразно использовать философские, теоретические и эмпирические методы, образующие методические основания исследования. Это метафизический и диалектический методы, общенаучные и специальные методы исследования.

2. Методология исследования социально-экономических систем базируется на понятии системы как комплекса элементов и их отношений, связанных определенной совокупностью свойств. Их однородность является критерием, позволяющим различать социальные системы как совокупности живых форм бытия сущего, обладающих сознанием, а, следовательно, рефлексией. При этом только в социальной системе человеческого общества возникают отношения по поводу воспроизводства экономических благ. Это определяет сущность

социально-экономической системы, которая в силу парадокса относительности естественных систем является и социальной системой, и ее социально-экономическим базисом. Они состоят из диалектически взаимосвязанных неоднородных между собой базисной экономической системы и надстроечных политической и культурной систем. Их институциональную сущность определяют институты как формальные и неформальные нормы права, реализуемые соответствующими институтами управления.

3. Сущность управления социальной системой проявляется в организованно-функциональном процессе инстинктивного или рефлексивного (осознанного) воздействия индивидов на объекты реальной действительности с целью получения вещей и отношений с необходимыми свойствами. Воздействие осуществляется посредством функционально-целевого механизма, который как средство управления образует организованно-функциональную совокупность целенаправленных рефлексивных (методов) и инстинктивных способов и инструментов их реализации. В человеческом обществе принципиально организованные индивидами отношения с объектами управления при помощи средств управления, которые образуют неформальные и преимущественно формальные методы и инструменты, определяют содержание системы управления.

4. Главной целью любой социальной системы является обеспечение жизнедеятельности индивидов и самой системы, а социально-экономической системы – удовлетворение закономерно развивающихся индивидуальных и общественных потребностей. Это определяет главную цель управления и регулирования состояния социально-экономической системы в пределах допустимых отклонений экономических, политических и культурных социально-целевых параметров. Существует объективное саморегулирование ее состояния, происходящее без вмешательства субъекта управления как следствие действия объективных законов. Если регулирование является следствием действия субъективных законов, которые не противоречат объективным законам функционирования и развития социально-экономической системы, то происходит

субъективное саморегулирование ее состояния без вмешательства институций управления. В любом случае, следует различать механизм объективного саморегулирования и функционально-целевой механизм регулирования, где методы и инструменты саморегулирования являются его частью.

5. Состояние социально-экономической системы определяют социально-экономические противоречия. Любое из них является системным свойством отношений разнонаправленных противоположностей как парных взаимоотрицающих свойств индивидов, которые вступают в отношения между собой и с другими вещными формами реальной действительности. Такими противоположностями выступают интересы индивидов, мотивирующих их потребности в системе потребительных сил. Часть ее индивидов, производящих экономические блага для удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей, вместе со средствами производства образуют систему производительных сил. В этих системах объективно существуют противоречия в системе отношений экономической собственности и организационно-экономических отношений, но только в системе производительных сил существуют технико-экономические противоречия. В совокупности эти производственные социально-экономические противоречия – главная движущая сила развития социально-экономической системы, но определяющими выступают противоречия в отношениях экономической собственности. В них основным является контрарное противоречие между интересами наемных работников и собственниками средств производства по поводу распределения оплаты труда и чистой прибыли в добавленной стоимости. Остальные противоречия – контррадикторные. Наибольшая регулируемость социально-экономических противоречий достигается на уровне государственного управления.

6. Экономическим результатом функционирования и развития социально-экономической системы являются реализованные экономические блага промежуточного и конечного использования, а экономическим эффектом – чистая прибыль как синтетический результат доходов от их реализации и затрат на производство. Социальным результатом выступают потребленные индивидами

экономические блага конечного использования. Затраты на потребление осуществляются из располагаемого дохода индивидов, образующих домашние хозяйства. Основными источниками его формирования являются оплата труда наемных работников, потребляемая часть чистой прибыли частных собственников средств производства и социальные выплаты. Сберегаемая часть располагаемого дохода индивидов определяет социальный эффект. Социальный и экономический эффекты и результаты взаимосвязаны социально-экономическими отношениями в системе потребительных и производительных сил, где объективно обусловлены контрадными и противоречивыми свойствами их элементов, определяющими соответствующие социально-экономические противоречия.

7. Результат и эффект являются критериями результативности и эффективности социально-экономической системы. В долгосрочном периоде объективно существует закономерность повышения ее результативности, но эффективность результативности может быть разной. В результате состояние социально-экономической системы целесообразно оценивать по эффективности ее результативности как комплекса количественного и качественного результата воспроизводства экономических благ, соотнесенного с соответствующим количеством индивидов и затратами ресурсов, обусловившими их производство и потребление. Этот комплексный показатель имеет экономическую и социальную составляющие, которые качественно взаимосвязаны соответствующими эффективностями. Между ними объективно существует дисбаланс, который можно оценить по отклонению средней склонности к сбережению или потреблению относительно их оптимальных значений – 38,2% и 61,8% соответственно, а разрешение социально-экономических противоречий – максимальное. Это позволяет оценивать сбалансированность экономической и социальной эффективности как меры социально-экономических противоречий. В пределах средней склонности индивидов к сбережению или потреблению 30-40% и 60-70% сбалансированность этих видов эффективности и разрешение социально-экономических противоречий становятся рациональными.

8. Реальную экономическую результативность социально-экономической

системы целесообразно оценивать по соотношению дохода от реализации товаров и услуг промежуточного и конечного использования в сопоставимых ценах с численностью индивидов, занятых их производством, а экономическую эффективность – по соотношению дохода от реализации этих товаров и услуг с затратами ресурсов на их производство в различной комбинации. Реальную социальную результативность можно оценить по соотношению товаров и услуг конечного использования в сопоставимых ценах с численностью потребивших их индивидов, а действительную социальную эффективность – по удельному весу сберегаемой или потребляемой части в располагаемом доходе индивидов. Оценки результативности и эффективности социально-экономической макросистемы отличаются от оценок мезо- и микросистем показателями национальных счетов и бухгалтерского учета.

9. Комплексно состояние социально-экономической системы целесообразно оценивать по эффективности ее результативности методом эвклидовых расстояний, где значения реальной экономической результативности и экономической эффективности, реальной социальной результативности и действительной социальной эффективности сравниваются с их эталонными значениями. Таковыми могут выступать их лучшие значения среди сравниваемых социально-экономических систем или относительно базисных значений в анализируемом периоде.

10. Регулирование эффективности социально-экономической системы – это регулирование сбалансированности ее экономической и социальной эффективности. При их рациональном соотношении достигается рациональное распределение доходов между индивидами социально-экономической системы. Регуляторами этих процессов выступают социально-экономические институты управления и институты функционально-целевого механизма регулирования. Они отличаются на макро-, мезо- и микроуровне управления. В совокупности это определяет сущность системы регулирования эффективности социально-экономической системы, где объектом регулирования выступают социально-экономические противоречия по поводу распределения доходов между

индивидами, а предметом регулирования – сбалансированность экономической и социальной эффективности, критерием которой является сберегаемая часть располагаемого дохода индивидов.

11. Параметры регулирования – это те, изменение которых балансирует параметры управления в пределах допустимых отклонений. Эффективность результативности социально-экономической системы является целевым параметром управления, а дисбаланс между экономической и социальной эффективностью – целевым параметром регулирования. В качестве параметров управления социально-экономической макросистемой целесообразно использовать реальные значения показателей располагаемого дохода и расходов домашних хозяйств на конечное потребление, а мезо- и микросистемой – реальную начисленную заработную плату с учетом неравномерности ее распределения и минимальную оплату труда, которая ограничивает величину расходов наемных работников на потребление. Основными регулируемыми параметрами на макроуровне управления являются минимальная оплата труда и прожиточный минимум. Их целесообразно определять на основе формализации взаимосвязи параметров управления социально-экономической макросистемой, характеризующих структуру доходов от производства ВВП и расходов на его потребление.

Сделанные выводы подтверждают адекватность основной гипотезы и раскрывают сущность методологических оснований регулирования эффективности социально-экономических систем путем снижения дисбаланса между их экономической и социальной эффективностями, который объективно существует вследствие системных социально-экономических противоречий. Это требует конкретизации механизма и организации системы регулирования в системе государственного управления социально-экономическими системами разных форм организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакарова, З.Г. Бюджет домашних хозяйств: проблемы формирования и направления оптимизации / З.Г. Абакарова, Н.Ю. Магомедова, М.И. Маллаева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 6 (128). – С. 7-18.
2. Аберкромби, Н. Социологический словарь: Пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 620 с.
3. Авакян-Форер, А.Г. Смена парадигм в социально-философских исследованиях: социальное измерение новых моделей экономического субъекта / А.Г. Авакян-Форер // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2019. – № 19. – С. 41-46.
4. Агапова, И.И. История экономической мысли. Курс лекций. Лекция 11: Взгляд на экономическую теорию благосостояния В. Парето. «Оптимум по Парето» [Электронный ресурс] / И.И. Агапова. – Режим доступа: https://royallib.com/read/agarova_irina/istoriya_ekonomicheskoy_misli_kurs_lektsiy.html#532480. – Дата обращения: 21.11.2019. – Загл. с экрана.
5. Алексеенко, А.М. Проблемы саморегулирования производственно-экономических систем / А.М. Алексеенко // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 11 (58). – С. 146-147.
6. Алуян, В.С. Совершенствование системы государственного регулирования экономики / В.С. Алуян // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 8 (109). – С. 79-82.
7. Алуян, В.С. Социально-экономические системы как объект государственного регулирования / В.С. Алуян, Н.А. Саркисян // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11-3 (52). – С. 193-195.
8. Анализ и оценка эффективности сложных социально-экономических систем: учебное пособие / под ред. Н. Е. Тихонюк. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. – 154 с.

9. Ананьин, О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ / О.И. Ананьин. – М.: Наука. 2005. – 244 с.

10. Арнаут, М.Н. О проблеме разграничения экономических категорий «эффективность» и «результативность» / М.Н. Арнаут // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 6 (71). – С. 359-362.

11. Артюхов, В.В. Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы / В.В. Артюхов. – М.: Ленанд, 2019. – 224 с.

12. Асемоглу, Д. Введение в теорию современного экономического роста: в 2 кн. Книга 1 / Д. Асемоглу. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 928 с.

13. Астафьев, И.В. От социально-экономических противоречий к новой парадигме / И.В. Астафьев // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности: сборник научных трудов по итогам IV международной научной конференции, Краснодар, 02-03 марта 2017 года. – Краснодар: Научно-исследовательский институт экономики Южного федерального округа, 2017. – С. 12-14.

14. Баева, Л.В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей: монография / Л.В. Баева. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2008. – 217 с.

15. Бацазов, Т.А. Мезоэкономическая система как объект государственного регулирования / Т.А. Бацазов // Экономика РСО-Алания: региональная специфика глобальных тенденций. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2003. – С. 325-330.

16. Беленкова, О.А. Социально-антропологический фактор управления в производственно-технологической сфере социума: монография / О.А. Беленкова. – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2001. – 208 с.

17. Беленцов, В.Н. К вопросу об основаниях методологии и социально-экономической парадигмы / В.Н. Беленцов, А.А. Епишенкова, С.Н. Науменко // Сборник научных работ серии «Экономика». Вып. 23 / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС. – 2021. – С. 56-72.

18. Беленцов, В.Н. Критерии и составляющие прогрессивного развития макроэкономической системы / В.Н. Беленцов // Социализация государственной экономической политики: выбор Донбасса как необходимость: коллективная монография / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС»; под общ. ред. Л.Б. Костровец. – Донецк: ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2022. – П. 2.1.1. – С. 304-312.

19. Беленцов, В.Н. Оптимальная структура собственности как основа экономического развития Украины: монография / В.Н. Беленцов. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – 266 с.

20. Беленцов, В.Н. Понятие результативности и эффективности в контексте управления социально-экономическими системами / В.Н. Беленцов. – Вестник Института экономических исследований, 2020. – № 1 (17). – С. 32-39.

21. Беленцов, В.Н. Техничко-экономический анализ: учебник / В.Н. Беленцов, А.В. Родинов, Н.А. Рытова; под общ. ред. В.Н. Беленцова. – Донецк: НПП «Фолиант», 2019. – 372 с.

22. Беленцова, Ю.В. Регулирование социальных стандартов Украины на основе минимальной заработной платы автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.07 / Беленцова Юлия Владимировна; Донецкий государственный университет управления Министерства образования и науки Украины. – Донецк, 2013. – 20 с.

23. Березина, Е.А. Система показателей эффективности управления социально-экономическими системами / Е.А. Березина, В.В. Матвеев // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики: материалы X международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25-27 апреля 2018 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, 2018. – С. 213-216.

24. Бернацкий, В.О. Интересы, их взаимодействие и функции: дис... докт. философ. наук: 09.00.01 / Бернацкий Владилен Осипович. – М.: ИФ АН СССР, 1988. – 291 с.

25. Берталанфи, Л. фон Общая теория систем: критический обзор / Л. фон Берталанфи // Сборник переводов. Исследования по общей теории систем. – М.: – Прогресс, 1969. – С. 23-82.
26. Бир, С. Наука управления / С. Бир. – М.: Энергия, 1971. – 112 с.
27. Биткина, И.В. Эффективность и результативность в государственном управлении / И.В. Биткина // Финансовая жизнь. – 2019. – № 1. – С. 9-12.
28. Бойцов, А.Н. Оценка эффективности региональной социально-экономической политики на принципах социо-эколого-экономической сбалансированности / А. Н. Бойцов // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 12. – С. 68-73.
29. Болдырев, И.А. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений / И.А. Болдырев // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011 г. – № 9. – С. 47-70.
30. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Институт новой экономики, 1997. – 867 с.
31. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – 2-е изд., перераб. и доп. –СПб: Норинт, 2004. – 1456 с.
32. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Под ред. С.Ю. Солодовникова. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.
33. Борейшо, А.А. Понятия результативности и эффективности деятельности организации / А.А. Борейшо // Электронный научный журнал. – 2021. – № 9 (47). – С. 71-74.
34. Борщик, Н.Д. Эволюция систем управления как неотъемлемая составляющая трансформации социально-экономической системы / Н.Д. Борщик // Экономические науки. – 2014. – № 111. – С. 80-83.
35. Булычев, М.В. Оценка эффективности и результативности управления организациями как социальными и экономическими системами: критерии, методы и показатели / М.В. Булычев // Инновационные технологии управления социально-экономическими системами: сборник материалов международной

научной конференции, Волгоград, 20-22 мая 2013 года / под редакцией С.Ю. Ракутько. – Волгоград: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2013. – С. 6-14.

36. Бурик, Н.А. Соотношение понятий «эффективность» и «результативность» деятельности предприятия / Н.А. Бурик // Бенефициар. – 2020. – № 72. – С. 29-33.

37. Бурименко, Ю.И. Основы теории систем и системного анализа: учебное пособие / Ю.И. Бурименко. – Одесса, Изд-во «Optium», 2005. – 135 с.

38. Бусленко, Н.П. Моделирование сложных систем / Н.П. Бусленко; 2-е изд., перераб. – М.: Наука, 1978. – 400 с.

39. Волкова, В.Н. Теория систем: учебное пособие / В.Н. Волкова, А.А. Денисов. – М.: Высшая школа, 2006. – 511 с.

40. Вяккерев, Ф.Ф. Предметное противоречие и его теоретический «образ» / Ф.Ф. Вяккерев // Диалектическое противоречие: Сборник. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 59-77.

41. Галиуллин, Х.Я. Эффект как категория теории эффективности / Х.Я. Галиуллин, Г.П. Ермаков // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4 (48). – С. 120-124.

42. Галкин, В.П. Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы – толкователь слов и идиоматических выражений. Часть 2 [Электронный ресурс] / В.П. Галкин. – Чебоксары, 1997. – Режим доступа: <https://terme.ru/slovari/teoreticheskie-aspekty-i-osnovy-ekologicheskoi-problemy-tolkovatel-slov-i-ideomaticheskikh-vyrazhenii.html>. – Дата обращения: 20.07.2022. – Загл. с экрана.

43. Гамидуллаева, Л.А. Сбалансированное развитие территории: подходы к определению и оценке / Л.А. Гамидуллаева, Е.С. Грошева, О.А. Белоградова, Д.Н. Шевченко // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2022. – № 3 (43). – С. 25-41.

44. Гамидуллаева, Л.А. Управление и прогнозирование инновационного развития социально-экономических систем: теория, методология и практика / Л.А. Гамидуллаева. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. – 430 с.
45. Гвишиани, Д.М. Организация и управление / Д.М. Гвишиани // Избр. труды по философии, социологии и системному анализу. Под ред. Ю.С. Попкова, В.Н. Садовского, А.А. Сеитова. – М.: Канон РООИ «Реабилитация», 2007. – 672 с.
46. Герасимов, Б.Н. Система управления: понятие, структура, исследование. монография / Б.Н. Герасимов, В.В. Морозов, Н.Г. Яковлева. – Самара: СГАУ, 2002. – 128 с.
47. Голева, О.Г. Развитие систем саморегулирования в России в контексте оптимизации государственного регулирования / О. Г. Голева // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 2-1 (74). – С. 270-276.
48. Головина, Т.А. Институциональное развитие социально-культурной сферы / Т.А. Головина, В.В. Тарновский // Экономика устойчивого развития. – 2023. – № 1(53). – С. 154-158.
49. Горбунов, Ю.В. О понятии «механизм» в экономических науках / Ю.В. Горбунов // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2018. – Т. 2 (№ 2). – С. 17-21.
50. Горовой, А.А. Предприятие как открытая социально-экономическая система [Электронный ресурс] / А.А. Горовой, Т.Н. Селентьева, Е.А. Михель // Российский экономический интернет-журнал. – 2019. – № 2. – С. 26. – Режим доступа: https://www.e-rej.ru/Articles/2019/Gorovoi_Selentyeva.pdf. – Дата обращения: 10.08.2022. – Загл. с экрана.
51. Горяинова, Л.В. История экономических учений: учебно-практическое пособие / Л.В. Горяинова. – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2007. – 248 с.
52. ГОСТ Р ИСО 9000-2001 (Е) Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (IDT). – М.: Изд-во стандартов, 2004. – 25 с.
53. Грязнова, Е.В. Методы познания и категории философии науки / Е.В. Грязнова // Современное образование. – 2014. – № 3. – С. 49-68.
54. Джери, Дэвид. Большой толковый социологический словарь. Том 2: П-Я. / Дэвид Джери, Джулия Джери. – М.: АСТ, 1999. – 527 с.

55. Додонов, В.Н. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 790 с.

56. Долматова, О.В. Оценка результативности как фактор повышения эффективности деятельности организаций / О.В. Долматова // Островские чтения. – 2014. – № 1. – С. 213-216.

57. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. Статистический бюллетень [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271>. – Дата обращения: 12.10.2019. – Загл. с экрана.

58. Друкер, П. Менеджмент. Вызовы XXI века / Питер Друкер; пер. с англ. Н. Макаровой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 256 с.

59. Друкер, П.Ф. Энциклопедия менеджмента / Питер Ф. Друкер. – Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.

60. Евменчик, О.С. Традиционный и стратегический подход к оценке эффективности и результативности / О.С. Евменчик // Развитие финансов, бухгалтерского учета и аудита в современных концепциях управления: материалы III межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Симферополь, 23 октября 2020 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. – С. 143-147.

61. Евсеева, С.А. Анализ подходов к определению сущности механизма управления / С.А. Евсеева. // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2 (50). – С. 164-167.

62. Ельмеев, В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии / В.Я. Ельмеев. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 576 с.

63. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-205-5.htm#zag-54285>. – Дата обращения: 14.03.2022. – Загл. с экрана.

64. Жильцов, С.А. Теоретические аспекты исследования процессов развития социально-экономических систем / С.А. Жильцов, И.М. Калякина, Э.Ф. Амирова // Управленческий учет. – 2022. – № 5-2. – С. 505-511.

65. Жуков, Н.И. Философские основы кибернетики / Н.И. Жуков. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1976. – 221 с.

66. Жура, С.Е. Проблемы оценки эффективности управления социально-экономическими системами / С.Е. Жура // Российское предпринимательство. – 2010. – Том 11. – № 12. – С. 11-16.

67. Задорожнева, Ю.В. Применение сбалансированной системы показателей для оценки эффективности реализации социально-экономической политики региона (на примере Волгоградской области) / Ю.В. Задорожнева // Альтернативы регионального развития: материалы VI ежегодной международной конференции, Волгоград, 09-10 октября 2015 года. – Волгоград: ООО «Консалтинговое агентство», 2016. – С. 65-70.

68. Зайнуллин, С.Б. Развитие в управлении социально-экономическими системами [Электронный ресурс] / С.Б. Зайнуллин, Н.Д. Сорокин // Вестник ГУУ. – 2019. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-v-upravlenii-sotsialnoekonomicheskimi-sistemami>. – Дата обращения: 29.01.2023. – Загл. с экрана.

69. Залескова, Д.К. Проблемы социально-экономической системы / Д.К. Залескова, Т.А. Ванеева // Современные тенденции развития науки и производства: сборник материалов III международной научно-практической конференции, Кемерово, 21-22 января 2016 года. Том III. – Кемерово: ООО «Западно-Сибирский научный центр», 2016. – С. 245-248.

70. Запорожан, А.Я. Экономическая реализация собственности в рыночной экономике: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Запорожан Анатолий Яковлевич; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2003. – 352 с.

71. Зеленский, П.А. Саморегулирование бизнеса как фактор модернизации системы государственного управления / П.А. Зеленский // Система подготовки управленческих кадров Российской Федерации в условиях модернизации

(к 20-летию Президентской академии), 24 ноября 2011 года. – Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2012. – С. 93-94.

72. Зеркин, Д.П. Основы политологии: курс лекций / Д.П. Зеркин. – Ростов н/Д: «Феникс», 1996. – 544 с.

73. Ивин, А.А. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М.: Туманит, ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

74. Ильин, А.Н. Культура общества потребления: философские, психологические, социологические аспекты // А.Н. Ильин, А.Л. Панищев. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. – 264 с.

75. Ильяшенко, А.В. Социальная система как объект безопасности / А.В. Ильяшенко, А.А. Шкарупета // Экономическая стратегия и перспективы развития сферы торговли и услуг. – 2018. – Вып. 1. – С. 233-246.

76. Исаев, Р.А. Основы менеджмента: учебник / Р.А. Исаев. – М.: Дашков и К°, 2010. – 264 с.

77. Ишханов, Б.С. Семинар 6: Кварки. Адроны [Электронный ресурс] / Б.С. Ишханов, М. Е. Степанов, Т. Ю. Третьякова // Семинары по физике частиц и атомного ядра. – М.: КДУ, 2016. – 291 с. – Режим доступа: <http://nuclphys.sinp.msu.ru/sem2/sem06.html>. – Дата обращения: 16.04.2021. – Загл. с экрана.

78. Калужский, М.А. Системные противоречия социально-экономического развития: происхождение и методология анализа: монография / М.А. Калужский. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 171 с.

79. Калужский, М.Л. Методологические основы анализа системных противоречий общественного развития: монография / М.Л. Калужский. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 135 с.

80. Кальченко, О.А. Оценка результативности и эффективности производственно-хозяйственной деятельности / О.А. Кальченко // Управленческие науки в современной России. – 2014. – Т. 2, № 2. – С. 265-268.

81. Калякина, И.М. Решение задач управления в социально-экономических системах / И.М. Калякина // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. – 2016. – № 5 (49). – С. 43-47.

82. Кант, И. Критика чистого разума: Архитектоника чистого разума [Электронный ресурс] / И. Кант; пер. Н. Лосский. – М.: Мысль, 1994. – Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/kanti02/txt24.htm>. – Дата обращения: 18.10.2020. – Загл. с экрана.

83. Капустина, Н.Н. Соотношение понятий «эффективность» и «результативность» в экономическом секторе / Н.Н. Капустина // Развитие молодежного предпринимательства в Байкальском регионе: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Иркутск, 18 ноября 2018 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2019. – С. 335-339.

84. Кафидов, В.В. Управление в социально-экономических системах: монография / В.В. Кафидов. – Москва: Первое экономическое издательство, 2022. – 206 с.

85. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж.М. Кейнс. – Режим доступа: <https://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата обращения: 21.10.2020. – Загл. с экрана.

86. Кикель, П.В. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П.В. Кикель, Э.М. Сороко. – 2-е изд. – Минск: БГПУ, 2008. – 266 с.

87. Клир, Д. Системология / Д. Клир. – М.: Радио и связь, 1973. – 262 с.

88. Ключищев, Д.А. Противоречия социально-экономических и технологических укладов / Д.А. Ключищев // Актуальные проблемы экономики и менеджмента: сборник статей межвузовской научно-практической конференции, Воронеж, 06 мая 2013 года. – Воронеж, 2013. – С. 35-38.

89. Князева, Е.Н. Сознание как синергетический инструмент / Е.Н. Князева // Вестник Международной Академии наук (Русская секция). – 2008. – № 2. – С. 55-59.

90. Ковалев, А.И. О результативности в свете эффективности / А.И. Ковалев // Методы менеджмента качества. – 2007. – № 9. – С. 36-39.

91. Козырев, Г.И. Основы социологии и политологии [Электронный ресурс]: учебник / Г.И. Козырев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД ФОРУМ: Инфра-М, 2012. – 272 с. – Режим доступа: <http://znanium.com/>. – Дата обращения: 16.02.2022. – Загл. с экрана.

92. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль: пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.

93. Кособуцкая, А.Ю. Высокая вариативность институциональной динамики – основа нестабильности региональных экономических систем / А.Ю. Кособуцкая, Ю.И. Трещевский, А. А. Праченко // Теоретическая экономика. – 2022. – № 5(89). – С. 86-91.

94. Косолапова, М.В. Системно-воспроизводственный метод анализа и планирования развития социально-экономической системы / М.В. Косолапова, В.А. Свободин // Развитие институтов инновационной экономики в условиях интеграции России в мировое экономическое пространство: сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции, Ярославль, 23 июня 2016 года. – Ярославль: ООО «Научный консультант», 2016. – С. 226-231.

95. Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект: ТК Велби, 2008. – 492 с.

96. Крашенникова, Т.В. Проблема формирования сбалансированной системы показателей оценки эффективного управления социально-экономическими системами / Т.В. Крашенникова // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. – 2015. – № 20. – С. 24-28.

97. Крашенникова, Т.В. Управление потенциалом социально-экономической системы как детерминанты ее устойчивого развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Крашенникова Татьяна Васильевна; Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». – Ростов-на-Дону, 2016. – 31 с.

98. Крылов, В.Е. Социально-экономические системы: определение, свойства, классификация / В.Е. Крылов // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития: сборник статей международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 04 апреля 2019 года. В 2 ч. Ч.1. – Уфа: OMEGA SCIENCE, 2019. – С. 82-84.

99. Крючкова, П.В. Саморегулирование как дискретная институциональная альтернатива регулирования рынков: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01 / Крючкова Полина Викторовна; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2005. – 283 с.

100. Кузьминов, А.Н. Междисциплинарность исследования экономических систем на основе теории ценозов / А.Н. Кузьминов // Новые парадигмы в исследовании социально-экономических систем: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 28 марта 2018 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2018. – С. 84-90.

101. Кулакова, Т.А. Адаптивная система управления социально-экономическим системам / Т.А. Кулакова, В.Н. Михайлов, А.А. Червинский // Компьютерные технологии в моделировании, управлении и экономике: сборник материалов IX международной научно-практической конференции, Орел, 09 марта 2017 года / Под общ. ред. А.В. Полянина. – Орел: Среднерусский институт управления, 2017. – С. 142-145.

102. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 317 с.

103. Кургузов, В.Л. Законы развития культуры как маркеры методологического суверенитета культурологи / В.Л. Кургузов // Культура и цивилизация. – 2014. – № 1-2. – С. 43-59.

104. Курилкин, А.А. Государственное регулирование в современной экономике и методы оценки его эффективности / А.А. Курилкин // Дни науки-2015: сборник трудов VI всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Новосибирск, 17-20 марта 2015 года.

Часть 1. – Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2015. – С. 138-144.

105. Лапытова, Н.М. Об управлении устойчивостью в социально-экономической системе / Н.М. Лапытова // Вестник СамГУПС. – 2016. – № 3 (33). – С. 87-90.

106. Лейбниц, Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. Сочинения в 4-х т. / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – 686 с.

107. Лескова, Ю.Г. Саморегулирование как экономическое и правовое явление / Ю.Г. Лескова // Журнал российского права. – 2011. – № 5. – С. 48-56.

108. Лесных, В.В. Саморегулируемые организации как основной инструмент реализации административной реформы / В.В. Лесных, А.Я. Терентьев // Вестник УГТУ–УПИ. – 2010. – № 2. – С. 32-42.

109. Линский, Д.В. Анализ существующих подходов к критерию эффективности функционирования социально-экономических систем на системном мезоуровне в экономике / Д.В. Линский // Теория и практика экономики и предпринимательства: XVII всероссийская с международным участием научно-практическая конференция, Симферополь-Гурзуф, 23-25 апреля 2020 года. – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2020. – С. 97-99.

110. Луман, Н.Л. Общество как социальная система / Н.Л. Луман; Пер. с нем. А. Антоновский. – М: Изд-во «Логос», 2004. – 232 с.

111. Лымаренко, В.М. Самоорганизация и развитие социально-экономических систем [Электронный ресурс] / В.М. Лымаренко. – СПб, 2016. – 27 с. – Режим доступа: https://www.mier.edu.ru/upload/science/limarenko_work_07.pdf. – Дата обращения: 26.04.2020. – Загл. с экрана.

112. Львов, И.Г. Что такое жизнь? (В чем заключено главное различие между живой и косной природой?) / И.Г. Львов // Культура народов Причерноморья. – 2000. – № 13. – С. 165-173.

113. Ляшенко, В.И. Регулирование развития экономических систем: теория, режимы, институты: моногр. / В.И. Ляшенко. – Донецк: ДонНТУ, 2006. – 668 с.

114. Макаров, Л.М. Взаимосвязь факторов экономического роста в трансформируемой экономике России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Макаров Леонид Михайлович; Челябинский гос. ун-т. – Челябинск, 2004. – 161 с.

115. Малышевский, А.Ф. Философско-терминологический словарь / А.Ф. Малышевский. – Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2004. – 330 с.

116. Маркс, К. Введение к критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч., изд. 2, т. 12. – М.: Партиздат, 1935. – 603 с.

117. Маркс, К. Из рукописного наследия // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1964. – Т.12. – С. 709-738.

118. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч., изд. 2, т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.

119. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Главполитграфиздат. – Т. 1. – 1952. – 794 с.

120. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения в 30 т: – Изд. 2-е, Т. 25. – М.: Госполитиздат, 1961. – 545 с.

121. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. – Т.1, кн.1: Процесс производства капитала. Производство абсолютной прибавочной стоимости [Электронный ресурс] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Режим доступа: https://www.marxists.org/russkij/marx/1867/capital_vol1/index.htm. – Дата обращения: 05.11.2019. – Загл. с экрана.

122. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. – Т.3, кн.3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Превращение добавочной прибыли в земельную ренту // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т.25, ч.1. – С. 163-379.

123. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат. – Т. 4. – 1955. – 615 с.

124. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат. – Т. 20. – 1961. – 827 с.

125. Маськова, Н.Г. Исследование особенностей управления социально-экономической системой / Н.Г. Маськова // Актуальные вопросы экономики и современного менеджмента: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Выпуск III. – Самара: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. – С. 235-239.

126. Математические методы анализа экономики / под ред. А.Я. Боярского. – Москва: Издательство Московского университета, 1983. – 150 с.

127. Материалистическая диалектика в 5-ти томах. Т.1: Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова. – М.: Мысль, 1981. – 376 с.

128. Медоуз, Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз и др. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. – 342 с.

129. Меркулов, И.П. Эволюционирует ли человеческое сознание? [Электронный ресурс] / И.П. Меркулов // Философия науки и техники. – 2006. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsioniruet-li-chelovecheskoe-soznanie>. – Дата обращения: 16.04.2020. – Загл. с экрана.

130. Мильнер, Б. Управление современной компанией / Б. Мильнер, Ф. Лиис, С. Мясоедов и др.; Под ред. Б. Мильнера и Ф. Лиса. – М.: Инфра-М, 2001. – 586 с.

131. Мироненко, И.Н. Методы системного анализа и оценка эффективности социально-экономических систем / И.Н. Мироненко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 1, № 7 (127). – С. 14-24.

132. Миронова, Е.Е. Домохозяйства в экономической системе / Е.Е. Миронова // Материалы XIX отчетной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, Воронеж, 21-25 марта 2016 года / под ред. С.Л. Иголкина. – Воронеж: Воронежский центр научно-технической информации, 2016. – С. 64-67.

133. Митяева, Н.В. Социальная экономика в концепции эволюции социально-экономических систем / Н.В. Митяева, О.И. Водяненко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2014. – № 3 (52). – С. 22-26.

134. Моисеенко, К.Е. Механизм функционирования и развития социально-экономической системы общества: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / К.Е. Моисеенко. – Мариуполь: ДонГУУ, 2015. – 229 с.

135. Мохотько, В.А. Государственное регулирование в современной экономике и методы оценки его эффективности / В.А. Мохотько, А.А. Крапивина, И.Ю. Ломова // Современные тенденции развития науки и производства: сборник материалов VII международной научно-практической конференции, Кемерово, 05 декабря 2017 года. Том II. – Кемерово: ООО «Западно-Сибирский научный центр», 2017. – С. 450-452.

136. Мрясова, Ю.Р. Саморегулирование в системе государственного регулирования / Ю.Р. Мрясова // Предпринимательское право. – 2009. – № 1. – С. 47-51.

137. Музапарханов, Г.Б. Понятие и сущность менеджмента и его роль в социально-экономическом развитии / Г.Б. Музапарханов, К.К. Байгабулова // Вестник науки. – 2018. – Т. 1, № 9 (9). – С. 144-146.

138. Назмутдинов, В.Я. Управленческая деятельность и менеджмент в системе образования личности / В.Я. Назмутдинов, И.Ф. Яруллин. – Казань: ТРИ «Школа», 2013. – 360 с.

139. Национальные счета России в 2013-2020 годах: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 429 с.

140. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Том 1 / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – 741 с.

141. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Том 2 / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – 634 с.

142. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Том 3 / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – 694 с.

143. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Том 4 / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – 736 с.

144. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с. – Режим доступа: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/17/newest_philosophical_dictionary.pdf. – Дата обращения: 11.04.2021. – Загл. с экрана.

145. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novejshij-filosofskij-slovar.slovaronline.com/>. – Дата обращения: 11.04.2021. – Загл. с экрана.

146. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novejshij-filosofskij-slovar.slovaronline.com/>. – Дата обращения: 09.04.2021. – Загл. с экрана.

147. Новиков, А.И. Эконометрика: учеб. пособие / А.И. Новиков. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 144 с.

148. Новиков, А.М. Методология: словарь системы основных понятий / А.М. Новиков, Д.А. Новиков. – М.: Либроком, 2013. – 208 с.

149. Новиков, Д.А. Методология управления / Д.А. Новиков. – М.: Либроком, 2011. – 128 с.

150. Новиков, Д.А. Теория управления организационными системами / Д.А. Новиков; 3-е изд. – М.: Изд физ.-мат. литер., 2012. – 604 с.

151. Общая теория систем. Динамические системы. Математические модели социально-экономических процессов / Труды ИСА РАН: под ред. С.В. Емельянова. – М.: Красанд, 2012. – Т. 62. Вып. 1. – 104 с.

152. Общественные отношения [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академик.ru. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/106691>. – Дата обращения: 18.01.2022. – Загл. с экрана.

153. Овчаров, А.О. Экономическая методология и проблема формализации в науке / А.О. Овчаров // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 1 (25). – С. 10-16.

154. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; изд. 4-е, доп.– М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с. – Режим доступа: <http://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazika.pdf>. – Дата обращения: 16.04.2021. – Загл. с экрана.

155. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – Режим доступа: <https://lexicography.online/воспроизводство>. – Дата обращения: 16.04.2021. – Загл. с экрана.

156. Оруджев, З.М. Формально-логическое и диалектическое противоречия. Различие структур / З.М. Оруджев // Диалектическое противоречие. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 78-95.

157. Павловская, Т.О. Принцип Парето-эффективности и функционирование общественного сектора [Электронный ресурс] / Т.О. Павловская / Образовательный портал «Справочник». – Режим доступа: https://spravochnick.ru/ekonomika/princip_pareto-effektivnosti_i_funkcionirovanie_obschestvennogo_sektora/. – Дата обращения: 04.01.2023. – Загл. с экрана.

158. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.

159. Партер, У. Современные основания общей теории систем / У. Партер. – М.: Наука, 1971. – 289 с.

160. Петренко, В.М. Структурные основы жизнедеятельности человека [Электронный ресурс] / В.М. Петренко // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 11. – С. 98-99. – Режим доступа:

<https://expeducation.ru/ru/article/view?id=972>. – Дата обращения: 12.05.2022. – Загл. с экрана.

161. Петров, Д.А. Саморегулирование в системе государственного регулирующего воздействия на общественно-экономические отношения / Д.А. Петров // Юрист. – 2013. – № 11. – С. 8-12.

162. Пилатова, В.Н. Предельное понятие и его экспликативный потенциал (на примере рассказов Э. Манро) / В.Н. Пилатова, С.В. Вишаренко // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (65): в 3 ч. Ч. 3. – С. 153-155.

163. Поварнин, С.И. Диалектика и формальная логика / С.И. Поварнин // Сб. статей «Вопросы диалектики и логики»; Вып. 2. – Л.: Ленинградский университет, 1971. – С. 93-96.

164. Поддерегина, Л.И. Сущность и структура социально-экономической системы общества / Л.И. Поддерегина // Наука и техника. – 2007 – № 9. – С. 72-79.

165. Подолинский, С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии [Электронный ресурс] / С.А. Подолинский. – М.: Ноосфера, 1990. – 159 с.

– Режим доступа: http://www.vixri.ru/d/PODOLINSKIJ%20S.%20A.%20_Trud%20cheloveka%20i%20ego%20otnoshenie%20k%20raspredeleniju%20energii.pdf. – Дата обращения: 16.03.2021. – Загл. с экрана.

166. Политическая система общества [Электронный ресурс] // Большой юридический словарь. – Режим доступа: [https://big_law.academic.ru/1001/Политическая система общества](https://big_law.academic.ru/1001/Политическая%20система%20общества). – Дата обращения: 11.12.2022. – Загл. с экрана.

167. Половян, А.В. Блоки, направления, показатели оценки экономической системы ДНР / А.В. Половян, Р.Н. Лепа, С.Н. Гриневская // Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения. – Донецк: Институт экономических исследований, 2020. – С. 178-184.

168. Половян, А.В. Подход к определению размера выборки при проведении статистического обследования домохозяйств / А.В. Половян, К.И. Синицына // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2022. – № 4. – С. 190-198.

169. Поппер, К. Что такое диалектика? [Электронный ресурс] / К. Поппер. – Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 118-138. – Режим доступа: <http://philosophy1.narod.ru/www/html/library/vopros/50.html>. – Дата обращения: 11.09.2019. – Загл. с экрана.

170. Потапов, Г.П. Особенности прогноза развития социально-экономических систем / Г.П. Потапов // Информационные технологии на службе общества: материалы международной научно-практической конференции, Нижнекамск, 18 апреля 2014 года. – Нижнекамск: Издательство Казанского государственного технического университета, 2014. – С. 122-124.

171. Прангишвили, И.В. Системная закономерность золотого сечения, системная устойчивость и гармония [Электронный ресурс] / И.В. Прангишвили, А.И. Иванус // Проблемы управления. – 2004. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnaya-zakonomernost-zolotogo-secheniya-sistemnaya-ustoychivost-i-garmoniya>. – Дата обращения: 08.09.2020. – Загл. с экрана.

172. Прудникова, Л.В. Эффективность и результативность в методиках комплексной оценки эффективности деятельности организации / Л.В. Прудникова, А.М. Орлова // Сборник научных материалов. В 2-х томах. Том 1. – Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2018. – С. 222-224.

173. Пугачева, Е.Г. Самоорганизация социально-экономических систем / Е.Г. Пугачева, К.Н. Соловенко. – Иркутск, 2013. – 384 с.

174. Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды [Электронный ресурс] // Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды развития, 1987 г. – Нью-Йорк, США. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf/>. – Дата обращения: 12.10.2019. – Загл. с экрана

175. Райзберг, Б.А. Словарь современных экономических терминов / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский. – 4-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 480 с.

176. Райзберг, Б.А. Современный социо-экономический словарь / Б.А. Райзберг. – М.: Инфра-М, 2012. – 629 с.

177. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 512 с.

178. Ревенко, Д.С. Параметрическое регулирование постоянства социально-экономических систем / Д.С. Ревенко, В.А. Лыба, А.В. Темникова // БИЗНЕСИНФОРМ. – 2014. – № 6. – С. 98-102.

179. Родионов, В.Г. Регулирование динамики социально-экономических систем в условиях роста нестабильности внешней и внутренней среды / В.Г. Родионов. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 432 с.

180. Розанов, Ф.И. Общая теория социальных систем (Часть II): теоретико-методологическая программа разработки теории и потенциал ее применения / Ф.И. Розанов // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 7 (51). – С. 189-204.

181. Розанов, Ф.И. Общая теория социальных систем: монография / Ф.И. Розанов. – М.: КНО РУС, 2017. – 458 с.

182. Розенталь, М.М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса / М.М. Розенталь. – М., 1955. – 424 с.

183. Ромащенко, Т.Д. Системный подход к исследованию государственного сектора экономики / Т.Д. Ромащенко, И.В. Герсонская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2023. – № 1. – С. 5-19.

184. Роскош, М.В. Значение управления в разрешении противоречий социально-экономического развития общества / М.В. Роскош // Диалоги о науке. – 2010. – № 4. – С. 38-43.

185. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 813 с.

186. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 786 с.

187. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 693 с.

188. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 725 с.
189. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 694 с.
190. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 700 с.
191. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 691 с.
192. Рубцова, М.В. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий / М.В. Рубцова // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 32-38.
193. Рытова, Н.А. Взаимосвязь структуры производства и потребления ВВП / Н.А. Рытова // Актуальные научные исследования: сборник статей VIII международ. науч.-практ. конф. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2022. – С. 75-78.
194. Рытова, Н.А. Комплексная оценка результативной эффективности социально-экономических систем / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Экономика строительства и городского хозяйства. – 2020. – Том 16, № 3. – С. 129-138.
195. Рытова, Н.А. Критерии и степень регулируемости противоречий социально-экономических противоречий / Н.А. Рытова // Построение межотраслевых научных взаимодействий в современных условиях: сборник статей международ. науч. конф. (Сургут, февраль 2023). – СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2023. – С. 45-46.
196. Рытова, Н.А. Критерии понятий результативности и эффективности социально-экономической системы / Н.А. Рытова // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы V международ. науч.-практ. конф. (Донецк, 3-4 июня, 2021 г.). Секция 2. Повышение качества управления социально-экономическим развитием региона / Министерство образования и науки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС, 2021. – С. 168-170.

197. Рытова, Н.А. Методологический подход к исследованию макроэкономических пропорций (на примере Российской Федерации) / Н.А. Рытова // Социализация государственной экономической политики: выбор Донбасса как необходимость: коллективная монография / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС»; под общ. ред. Л.Б. Костровец. – Донецк: ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2022. – П. 2.1.3. – С. 321-332.

198. Рытова, Н.А. Особенности регулирования социально-экономической эффективности на разных уровнях управления социально-экономической системой / Н.А. Рытова // Социальные и экономические системы. Экономика. – 2023. – № 1. Часть 2 (40). – С. 183-196.

199. Рытова, Н.А. Оценка результативной эффективности социально-экономических систем с помощью метода эвклидовых расстояний / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Актуальные проблемы и перспективы развития менеджмента и маркетинга производственных и социальных систем: материалы IV международ. науч.-практ. конф. (Донецк, 17 ноября 2020 г.) / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС, 2020. – С. 12-15.

200. Рытова, Н.А. Оценка результативности социально-экономических систем на макро, мезо и микроуровне / Н.А. Рытова // Сборник научных работ серии «Экономика». Вып. 20: Современные тренды и тенденции экономического развития / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС, 2020. – С. 93-105.

201. Рытова, Н.А. Параметры управления и регулирования сбалансированности развития социально-экономических систем / Н.А. Рытова // Менеджер. – 2020. – № 4 (94). – С. 92-102.

202. Рытова, Н.А. Понятие социальной системы общества и социально-экономической системы: формы организации и развития / Н.А. Рытова // Актуальные проблемы и перспективы развития менеджмента и маркетинга производственных и социальных систем: материалы V международ. науч.-практ. конф. (Донецк, 11 ноября 2021 г.) / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС, 2021. – С. 63-65.

203. Рытова, Н.А. Проблема оценки эффективности национальной экономики / Н.А. Рытова // Экономика и маркетинг в XXI веке: проблемы, опыт, перспективы: сб. материалов XV международ. науч.-практ. конф., 22-23 нояб. 2018 г., г. Донецк / ГОУВПО «ДОННТУ»; редкол.: А.А. Кравченко, В.А. Харченко, И.С. Костюк. – Донецк: ДОННТУ, 2018. – С. 73-78.

204. Рытова, Н.А. Проблемы и подходы к оценке структурных пропорций макроэкономической системы / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Стратегии развития общества и экономики в новой реальности. Сборник трудов четвертой международ. науч.-практ. конф. «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» ч. I, 20-21 октября 2022 г., г. Ростов-на-Дону. Под ред. Игнатовой Т.В., Брюхановой Н.В. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС. – 2022. – С. 80-84.

205. Рытова, Н.А. Противоречия в реальной действительности: виды и значимость / Н.А. Рытова // Сборник научных работ серии «Экономика». Вып. 28 / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2022. – С. 127-139.

206. Рытова, Н.А. Противоречия и эффективность социально-экономической системы (сущность, взаимосвязь, виды и регулирование) / Н.А. Рытова. – Донецк: ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»; ООО «НПП Фолиант», 2023. – 244 с.

207. Рытова, Н.А. Регулируемость основных параметров сбалансированности экономической и социальной эффективностей / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы VII международ. науч.-практ. конф. (Донецк, 6-7 июня, 2023 г.). Секция 2. Менеджмент и маркетинг: современные вызовы и антикризисное управление социально-экономическими системами / ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС, 2023. – С. 23-29.

208. Рытова, Н.А. Регулируемость производственных социально-экономических противоречий / Н.А. Рытова // Глобальный научный потенциал. – 2023. – № 1 (142). – С. 207-211.

209. Рытова, Н.А. Результативная эффективность социально-экономических систем: препринт / В.Н. Беленцов, А.В. Родионов, Н.А. Рытова; Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДонаУиГС»; под общ. ред. В.Н. Беленцова. – Донецк: ООО «НПП «Фолиант», 2020. – 79 с.

210. Рытова, Н.А. Результативная эффективность социально-экономических систем и ее составляющие / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Менеджер. – 2020. – № 1 (91). – С. 12-19.

211. Рытова, Н.А. Результативность и эффективность социально-экономической системы / Н.А. Рытова // Мультипликация кризисных сценариев в современном социуме и пути их преодоления: материалы междунаро. конф. / С.Е. Шиянов, А.П. Федоровский (отв. ред.) – Ставрополь: АНО ВО СКСИ, 2020. – С. 312-316.

212. Рытова, Н.А. Социальная и экономическая эффективность в измерении социально-экономических противоречий: критерии и показатели [Электронный ресурс] / Н.А. Рытова, В.Н. Беленцов // Вестник Евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 1. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/27ECVN123.pdf>. – Дата обращения: 13.03.2023. – Загл. с экрана.

213. Рытова, Н.А. Социальная система человеческого общества / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // EurasiaScience. Сборник статей XLVIII междунаро. науч.-практ. конф. – Москва: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2022. – С. 188-189.

214. Рытова, Н.А. Социальная система: сущность, структурные формы и свойства / Н.А. Рытова // Сборник научных работ серии «Государственное управление». Вып. 26: Экономика и управление народным хозяйством / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС, 2022. – С. 127-138.

215. Рытова, Н.А. Социально-экономическая система: сущность и виды результативности и эффективности / Н.А. Рытова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2022. – № 4. – С. 227-233.

216. Рытова, Н.А. Способ, метод, инструмент и средство: философский аспект взаимосвязи и дефиниции понятий / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Менеджер. – 2022. – № 2 (100). – С. 96-104.

217. Рытова, Н.А. Способы оценки эффективности социально-экономических систем / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Сборник научных работ серии «Экономика». Вып. 17: Экономика Донбасса: векторы развития / ГОУ ВПО «ДОНАУиГС». – Донецк: ДОНАУиГС, 2020. – С.47-61.

218. Рытова, Н.А. Сущность и виды социальных противоречий: производственные, социально-экономические противоречия / Н.А. Рытова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 2. – С. 220-229.

219. Рытова, Н.А. Сущность и место регулирования в системе управления процессом развития социально-экономических систем / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Новое в экономической кибернетике. – 2022. – № 4. – С. 78-86.

220. Рытова, Н.А. Сущность механизма и системы управления: философский аспект / Н.А. Рытова // Менеджер. – 2022. – № 3 (101). – С. 100-106.

221. Рытова, Н.А. Сущность механизмов объективного и субъективного саморегулирования социальной системы государства / Н.А. Рытова // Сборник научных работ серии «Государственное управление». Вып. 27: Экономика и управление народным хозяйством / ГОУ ВПО «ДОНАУиГС». – Донецк: ДОНАУиГС, 2022. – С. 101-112.

222. Рытова, Н.А. Сущность, формы организации и развития социально-экономической системы [Электронный ресурс] / Н.А. Рытова // Human Progress. – 2023. – Том 9. Вып. 1. – С. 27. – Режим доступа: http://progress-human.com/images/2023/Том9_1/Rytova.pdf. – Дата обращения: 10.03.2023. – Загл. с экрана.

223. Рытова, Н.А. Управление в социальной системе человеческих отношений в обществе / Н.А. Рытова // Сборник научных работ серии «Государственное управление». Вып. 29: Экономика и управление народным

хозяйством / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС, 2023. – С. 111-124.

224. Рытова, Н.А. Философский аспект взаимосвязи и дефиниции понятий «способ», «метод», «инструмент» и «средство» / В.Н. Беленцов, Н.А. Рытова // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы VI международ. науч.-практ. конф. к 30-летию ГОУ ВПО «ДОНАУИГС» (Донецк, 2-3 июня, 2022 г.). Секция 2. Повышение качества менеджмента и маркетинга в производственных и социальных системах / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС, 2022. – С. 25-28.

225. Рязанова, О.Е. Горизонты протоимпрессии противоречий экономических интересов / О.Е. Рязанова // Горизонты экономики. – 2018. – № 5 (45). – С. 62-68.

226. Савелло, Л.Л. О категории «управление» в социально-экономических системах [Электронный ресурс] / Л.Л. Савелло, Г.Н. Андреев. – Режим доступа: <https://s.science-education.ru/pdf/2011/6/272.pdf>. – Дата обращения: 18.01.2022. – Загл. с экрана.

227. Сагатовский, В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В.Н. Сагатовский. – Томск: Изд-во ТМИ, 1973. – 432 с.

228. Сагатовский, В.Н. Философские категории. Часть I. Онтология. Авторский словарь / В.Н. Сагатовский. – СПб.: СПбНИУ ИТМО, 2011. – 127 с.

229. Сактоев, В.Е. Промышленная политика как инструмент управления социально-экономическими системами на мезоуровне / В.Е. Сактоев, Р.В. Бадараева // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2012. – № 4. – С. 66-69.

230. Самылкина, М.С. Сложность системы как показатель её адаптивности: социально-управленческий аспект / М.С. Самылкина // Россия и мировые тенденции развития: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 14-21 мая 2022 года / Научный

редактор П.Г. Макухин. – Омск: Омский государственный технический университет, 2023. – С. 630-640.

231. Сапрыкин, В.А. Введение в культурологию. Учебное пособие в 3-х частях. Ч. 1. / В.А. Сапрыкин. – М.: МГИЭМ, 1995. – 210 с.

232. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы: статистический бюллетень [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13268>. – Дата обращения: 12.10.2019. – Загл. с экрана.

233. Светлов, В.А. Диалектика Гегеля: приобретение рациональности / В.А. Светлов, Н.М. Сидоров Н.М. – Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – С. 65-71.

234. Семенюк, Е.В. Результативность процессного управления в социально-экономической системе [Электронный ресурс] / Е.В. Семенюк // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2017. – № 5 (68). – С. 11. – Режим доступа: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/05/14743>. – Дата обращения: 06.12.2022. – Загл. с экрана.

235. Семидоцкий, В.А. Методический подход к организации системы мониторинга эффективности государственного регулирования развития региональных социально-экономических систем / В.А. Семидоцкий, Е.Н. Данилевская // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2015. – № 11. – С. 86-99.

236. Сидоренков, А.В. Внутригрупповые противоречия, конфликты и эффективность групп в организации: монография / А.В. Сидоренков, О.Ю. Шипитько. – Ростов н/Д: Мини Тайп, 2017. – 216 с.

237. Система национальных счетов 2008 [Электронный ресурс] / Европейская комиссия, Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития, Организация Объединенных Наций, Всемирный банк. – 2012. – Режим доступа:

<https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008russian.pdf>. – Дата обращения: 12.10.2019. – Загл. с экрана.

238. Словарь терминов и понятий по обществознанию: А-Я / Автор-составитель А.М. Лопухов. – 7-е изд. переб. и доп. – М.: Айрис-Прес, 2016. – 510 с.

239. Смирнов, И.К. Противоречия собственности: становление, разрешение, развитие / И.К. Смирнов, О.И. Смирнова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 160 с.

240. Смирнов, И.К. Формально-логическое и диалектическое противоречия / И.К. Смирнов // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 4. – С. 29-33.

241. Собонь, Я. Основное экономическое противоречие и особенности его разрешения в аграрной сфере в переходной период (Политэкономический аспект): дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Собонь Януш. – Москва, 1999. – 333 с.

242. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энцикл., 1986. – 1599 с.

243. Созаева, Т.Х. Тенденции саморегулирования хозяйственного развития региональных экономических систем / Т.Х. Созаева, З.Х. Безирова // Проблемы, противоречия и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты. Под общ. ред.: Э.В. Соболева, С.И. Берлина, В.В. Сорокожердьева. Часть 1. – ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2014. – С. 217-219.

244. Соловьева, В.К. Анализ основных показателей развития социально-экономической системы региона (на примере Краснодарского края) / В.К. Соловьева // Инфраструктурные отрасли экономики: Проблемы и перспективы развития: сборник материалов VI международной научно-практической конференции, Новосибирск, 25 сентября 2014 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2014. – С. 32-36.

245. Солодкая, М.С. Сущность управления и проблема управляемости [Электронный ресурс] / М.С. Солодкая // Теоретический журнал CREDO. – 1998. – № 3. – С. 52-61. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/52/22/>. – Дата обращения: 26.10.2021. – Загл. с экрана.

246. Сорокина, Е.В. Проблемы формирования и использования располагаемых доходов домашних хозяйств / Е.В. Сорокина // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (16). – С. 405-416.

247. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Статистический сборник, 2021 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2021. – 250 с.

248. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь: статистический сборник, 2017 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2017. – 379 с.

249. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991-2021 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396>. – Дата обращения: 06.12.2022. – Загл. с экрана.

250. Социальные отношения [Электронный ресурс] // Словарь бизнес-терминов. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20373>. – Дата обращения: 18.01.2022. – Загл. с экрана.

251. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. – 488 с.

252. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

253. Спиноза, Б. Трактат об усовершенствовании разума [Электронный ресурс] / Б. Спиноза. Сочинения. В 2-х томах. – СПб.: Наука, 1999. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000130/st000.shtml>. – Дата обращения: 13.03.2022. – Загл. с экрана.

254. Справочный материал: Корректировка значений международной черты бедности [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим

доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/factsheet/2022/05/02/fact-sheet-an-adjustment-to-global-poverty-lines>. – Дата обращения: 10.02.2023. – Загл. с экрана.

255. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2010 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2010. – 582 с.

256. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2012. – 715 с.

257. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2014 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2014. – 534 с.

258. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2016. – 519 с.

259. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2018. – 490 с.

260. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 436 с.

261. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2022 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2022. – 374 с.

262. Стахов, А.П. Математика гармонии: инновации в информационных технологиях, в основаниях математики, в образовании [Электронный ресурс] / А.П. Стахов, С.К. Абачиев // Интернет-журнал «Наукovedение». – 2012. – № 4. – С. 1-105. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/33tvn412.pdf>. – Дата обращения: 13.03.2023. – Загл. с экрана.

263. Столяров, О.О. Человек – социальное животное / Вступ. ст. Д.А. Гаврилова / Факультет комплексной безопасности ТЭК РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина; Фонд содействия технологиям XXI века. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2022. – 52 с.

264. Стрельникова, Т.В. Современные исследования систем социального управления / Т.В. Стрельникова // Здоровье и образование в XXI веке. – 2017. – Т. 19, № 2. – С. 129-133.

265. Сычева, И. Н. Экономические системы: структура и принципы саморегулирования / И.Н. Сычева // Актуальные проблемы модернизации

экономики России: регион, отрасль, предприятие: сборник материалов международной научно-практической конференции, Барнаул, 01 января 2014 года. Том 1. – Барнаул: ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», 2014. – С. 28-35.

266. Теняков, И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество [Электронный ресурс] / И.М. Теняков // МГУ им. Ломоносова. Эконом. ф-т. – М., 2015. – 176 с. – Режим доступа: <https://istina.msu.ru/publications/book/11484105/>. – Дата обращения: 06.04.2021. – Загл. с экрана.

267. Теоретические аспекты управления экономическими системами [Электронный ресурс] / А.И. Торопова, М.Е. Кокарева, К.С. Макарова [и др.] // Современные научные исследования и инновации. – 2019. – № 12 (104). – С. 25. – Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2019/12/90765>. – Дата обращения: 18.03.2022. – Загл. с экрана.

268. Теория управления: учебник / под ред. Ю.В. Васильева, В.Н. Парахиной. – 2-е изд., доп. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 608 с.

269. Тихомиров, Ю.А. Право и саморегулирование / Ю.А. Тихомиров. // Журнал российского права. – 2005. – № 9 (105). – С. 86-96.

270. Тихонов, А.В. Социология управления / А.В. Тихонов. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. – 472 с.

271. Тихонов, А.В. Социология управления: Теоретические основы / А.В. Тихонов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 322 с.

272. Ткач, А. Институциональные элементы рыночной инфраструктуры / А. Ткач // Управление современным городом. – 2005. – №1-2/1-6 (17-18). – С. 43-50.

273. Толмачёва, А.В. Применение методов экономического анализа в современных условиях рыночной системы хозяйствования и исследования социально-экономических систем / А.В. Толмачёва // Генезис, формирование, развитие и прогнозирование экономических систем в России и за рубежом: сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической

конференции, 31 января 2017 г. – Екатеринбург: НОО «Профессиональная наука», 2017. – С. 222-230.

274. Торопова, А.И. Теория благосостояния В. Парето [Электронный ресурс] / А.И. Торопова, А.И. Домнина, А.С. Мочалова, Е.М. Шамина // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 11. – Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2018/11/87884>. – Дата обращения: 24.01.2023. – Загл. с экрана.

275. Трещевский, Ю.И. Динамика институциональных параметров региональных социально-экономических систем / Ю.И. Трещевский, В.В. Майорова, Ю.А. Акулова, В.Д. Трегубова // Экономика и управление: теория и практика. – 2020. – Т. 6, № 1. – С. 21-28.

276. Туманова, Е.А. Макроэкономика. Элементы продвинутого подхода: учебник / Е.А. Туманова, Н.Л. Шагас. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 400 с.

277. Управляемость [Электронный ресурс] // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный дом, 2003. – 1312 с. – Режим доступа: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/350/upravlyaemost.htm>. – Дата обращения: 18.10.2020. – Загл. с экрана.

278. Учитель, Ю.Г. Разработка управленческих решений: учебник / Ю.Г. Учитель. – М. ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 383 с.

279. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 800 с. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24557>. – Дата обращения: 21.10.2020. – Загл. с экрана.

280. Философия истории: учеб. пособ. / Под ред. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.

281. Философия. Философия и методология науки (понятия, категории, проблемы, школы, направления): терминологический словарь-справочник [Электронный ресурс] / сост. В.А. Степанович, А.В. Климович; под общ. ред. В.А. Степановича. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 277 с. – Режим доступа:

<https://terme.ru/slovari/filosofija-i-metodologija-nauki-ponjatija-kategorii-problemy-shkoly-napravlenija-terminologicheskii-.html>. – Дата обращения: 26.10.2020. – Загл. с экрана.

282. Философия: Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/index.htm>. – Дата обращения: 26.01.2023. – Загл. с экрана.

283. Философская энциклопедия: в 5 т. [Электронный ресурс] / Под ред. Ф.В. Константинова. – М.: Сов. энцикл., 1960-1970. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/index.htm>. – Дата обращения: 18.10.2020. – Загл. с экрана.

284. Философский словарь / А.И. Абрамов и др.; под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

285. Философский словарь: Основан Г. Шмидтом / Под ред. Г. Шишкоффа, пер. с нем. общ. ред. В.А. Малинина; 22-е, новое, переработ. изд. – М.: Республика, 2003. – 575 с.

286. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/index.htm>. – Дата обращения: 24.01.2023. – Загл. с экрана.

287. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 576 с. – Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/6-184-deistvitelnost.htm>. – Дата обращения: 24.01.2023. – Загл. с экрана.

288. Форрестер, Д. Мировая динамика / Д. Форрестер; Пер. с англ. – СПб.: ООО «Издательство АСТ; Terra Fantastica, 2003. – 379 с.

289. Цхададзе, Н.В. Модели и механизмы регулирования и саморегулирования экономических систем на макро-, мезо- и микроуровнях / Н.В. Цхададзе, О.В. Сорокина, В.В. Векличева // Трансформация социально-

экономического пространства России и мира. Под ред. Г.Б. Клейнера, Х.А. Константиныди, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар: ООО «Просвещение-Юг», 2021. – С. 166-171.

290. Черненко, А.К. Политика и право: проблемы эффективности / А.К. Черненко, Ж.В. Нечаева. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2008. – 311 с.

291. Шавлов, А.В. Сущность и определение эффективности и результативности в экономических исследованиях / А.В. Шавлов // Проблемы и перспективы экономических отношений на пространстве ЕАЭС. Часть 2. – Пенза: ООО «Аэтерна», 2017. – С. 191-193.

292. Швырев, В.С. Противоположности [Электронный ресурс] / В.С. Шнырев // Гуманитарный портал: Концепты. Центр гуманитарных технологий, 2002-2022. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/7355>. – Дата обращения: 06.03.2022. – Загл. с экрана.

293. Шишкин, М.В. Актуальные проблемы историко-экономической науки XXI века / М.В. Шишкин, О.Н. Мисько // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2013. – № 4. – С. 4-19.

294. Шкруднев, Д.Ф. Золотое сечение [Электронный ресурс] / Д.Ф. Шкруднев. – Режим доступа: <https://shkrudnev.com/index.php/home/vybor/item/1396-zolotoe-sechenie>. – Дата обращения: 08.09.2020. – Загл. с экрана.

295. Штракс, Г.М. Социальное противоречие / Г.М. Штракс. – М.: Мысль, 1977. – 158 с.

296. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер; пер. с англ. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

297. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки / сост. Л.И. Лопатников. – М.: Дело, 2003. – 520 с.

298. Экономическая теория: учебник / Под общ. ред. акад. В.И. Видяпина, А.И. Добрынина, Г.П. Журавлевой, Л.С. Тарасевича. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 714 с.

299. Экономическая теория: учебник / под ред. А.Г. Грязновой, Т.В. Чечелевой. – М.: Изд-во «Экзамен», 2005. – 592 с.

300. Экономическая энциклопедия: в трех томах. Т.1: А-К/Ред. кол.: С.В. Мочерный (отв. ред.) и др. – К.: Издательский центр «Академия», 2000. – 864 с.

301. Экономическая энциклопедия: в трех томах. Т.2: К-П / Ред кол.: С.В. Мочерный (отв. ред.) и др. – К.: Издательский центр «Академия», 2001. – 848 с.

302. Экономическая энциклопедия: в трех томах. Т.3: П-Я / Ред. кол.: С.В. Мочерный (отв. ред.) и др. – К.: Издательский центр «Академия», 2002. – 952 с.

303. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 20. – С. 5-676.

304. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат. – Т. 19. – 1961. – 671 с.

305. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. Н.М. Шанского. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/>. – Дата обращения: 15.02.2022. – Загл. с экрана.

306. Этимологический словарь современного русского языка. [Электронный ресурс] / Сост. А.К. Шапошников. В 2 т. Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с. – Режим доступа: https://www.slovorod.ru/etym-shaposhnikov/_pdf/russ-etym-shaposhnikov-1.pdf. – Дата обращения: 16.02.2022. – Загл. с экрана.

307. Этимологический словарь современного русского языка. [Электронный ресурс] / Сост. А.К. Шапошников. В 2 т. Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с. – Режим доступа: https://www.slovorod.ru/etym-shaposhnikov/_pdf/russ-etym-shaposhnikov-2.pdf. – Дата обращения: 16.02.2022. – Загл. с экрана.

308. Adjusted gross disposable income of households per capita [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_10_20/default/table?lang=en. –

Дата обращения: 06.12.2022. – Загл. с экрана.

309. All indicators. Economy & Growth [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator>. – Дата обращения: 08.12.2022. – Загл. с экрана.

310. Annual enterprise statistics for special aggregates of activities [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SBS_NA_SCA_R2__custom_5465307/default/table?lang=en. – Дата обращения: 06.12.2022. – Загл. с экрана.

311. Average household size [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_LVPH01__custom_5419689/default/table?lang=en. – Дата обращения: 06.12.2022. – Загл. с экрана.

312. Compensation of employees [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа:

<https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tec00013/default/table?lang=en>. – Дата обращения: 10.12.2022. – Загл. с экрана.

313. Employment and activity by sex and age [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/LFSI_EMP_A__custom_4919320/default/table?lang=en. – Дата обращения: 10.12.2022. – Загл. с экрана.

314. Final consumption expenditure of households by consumption purpose [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_co3_p3/default/table?lang=en. – Дата обращения: 10.12.2022. – Загл. с экрана.

315. GDP and main components [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp/default/table?lang=en. – Дата обращения: 08.12.2022. – Загл. с экрана.

316. GDP per capita, PPP [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?view=chart>. – Дата обращения: 08.12.2022. – Загл. с экрана.

317. GDP, PPP [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?view=chart>. – Дата обращения: 10.12.2022. – Загл. с экрана.

318. Gini index [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>. – Дата обращения: 08.12.2022. – Загл. с экрана.

319. Gnomon, Midhat J. Gazale. From Pharaohs to Fractals / Midhat J. Gazale Gnomon. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. – 259 p.

320. Households and NPISHs Final consumption expenditure [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.PP.CD?view=chart>. – Дата обращения: 06.12.2022. – Загл. с экрана.

321. Howes, L.M. Developing the methodology for an applied, interdisciplinary research project: documenting the journey toward philosophical clarity / L.M. Howes // Journal of mixed methods research. – London, 2015. – Vol. 11, N 4. – P. 450-468.

322. Industry, trade and services [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>. – Дата обращения: 10.12.2022. – Загл. с экрана.

323. Inflation, consumer prices [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?view=chart>. – Дата обращения: 08.12.2022. – Загл. с экрана.

324. Inflation, GDP deflator [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?view=chart>. – Дата обращения: 08.12.2022. – Загл. с экрана.

325. Population and social conditions [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>. – Дата обращения: 06.12.2022. – Загл. с экрана.

326. Population on 1 January by age and sex [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_pjan/default/table?lang=en. – Дата обращения: 28.11.2022. – Загл. с экрана.

327. Population, total [Электронный ресурс] // The World Bank: Databank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?view=chart>. – Дата обращения: 28.11.2022. – Загл. с экрана.

328. Sorensen, E. The politics of self-government / E. Sorensen, P. Triantafillou // Routledge, 2009. – 236 p.

329. Taxes on production and imports less subsidies [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tec00016/default/table?lang=en>. – Дата обращения: 08.12.2022. – Загл. с экрана.

330. The Corruption Perceptions Index [Электронный ресурс] // Transparency International. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021>. – Дата обращения: 08.12.2022. – Загл. с экрана.

Приложение А
Справки о внедрении результатов исследования

НАРОДНЫЙ СОВЕТ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
АППАРАТ НАРОДНОГО СОВЕТА

ул. Артёма д. 97, Донецк, 283001

тел. (062)209-22-99

email: apparat@dnrsovet.su

"10" октября 2022 № 03.1-94/3/19
на № _____ от _____ 20____

Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СПРАВКА

о внедрении результатов исследования диссертации Рыговой Натальи Александровны на тему «Методологические основания регулирования эффективности социально-экономических систем», представленной на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 5.2.6 «Менеджмент»

Предложенный в диссертации Рыговой Н.А. методологический подход к исследованию макроэкономических пропорций, характеризующих производство и потребление ВВП, представляет практический интерес и может быть использован при прогнозировании макроэкономических показателей в целях обеспечения сбалансированности социальной и экономической составляющих эффективности социально-экономической системы.

Предложенная модель, описывающая взаимосвязь между структурой первичного распределения доходов от производства и реализации ВВП и структурой расходов на его потребление, может быть использована в работе Народного Совета Донецкой Народной Республики при формировании законодательства, а также для определения минимальной оплаты труда и минимального прожиточного минимума.

Руководитель Аппарата
Народного Совета
Донецкой Народной Республики

О.В. Ванин

МИНИСТЕРСТВО АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
 ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
 (МИНАГРОПРОМ ДНР)
 ул. Артёма, 74, г. Донецк, 83001, +38(071) 357-64-57,
 e-mail: office@mexdnr.ru Идентификационный код 51001500

09.02.2023 № 01/605

В совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе ГОУ ВПО «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

СПРАВКА

о внедрении результатов исследований диссертации Рытовой Натальи Александровны на тему «Методологические основания регулирования эффективности социально-экономических систем», представленной на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 5.2.6 Менеджмент

Сформулированные в диссертации Рытовой Натальи Александровны научные положения по поводу регулирования эффективности социально-экономической системы имеют научную и практическую значимость для управления развитием социально-экономической системой государства, его регионов и отраслей экономики. Значимыми являются разработанные на основе этих положений методы комплексной оценки социальной и экономической эффективности, оценки и регулирования их сбалансированности.

Разработанные методы регулирования эффективности социально-экономических систем могут быть использованы при комплексном анализе отраслей и экономики Донецкой Народной Республики, а также при подготовке предложений по формированию государственной политики социально-экономического развития.

Заместитель Председателя Правительства
 Донецкой Народной Республики –
 Министр

А.А. Крамаренко

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
«ИНТЕРКОД»

283054 ДНР, г. Донецк, Киевский район, ул. Жмуры, д.1, корпус 203, комн.506;
 адрес для корреспонденции: 283048 г. Донецк Левицкого,31

телефон: +7 856 381 82 44
 e-mail: info@interkod-dn.ru

ОГРН1229300011676
 КПП 930901001
 ИНН 9309001944

от 17.02.23 № 12

Диссертационный совет 02.2.004.02 на
 базе ГОУ ВПО «ДОНЕЦКАЯ
 АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И
 ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ
 ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ
 РЕСПУБЛИКИ»

СПРАВКА

о внедрении результатов исследований диссертационной работы
 Рытовой Натальи Александровны на тему «Методологические основания
 регулирования эффективности социально-экономических систем»,
 представленной на соискание ученой степени доктора экономических наук по
 специальности 5.2.6 Менеджмент

Разработанные в диссертации Рытовой Натальи Александровны методики
 на основе научных положений относительно регулирования эффективности
 социально-экономической системы имеют практическую значимость для
 управления отраслевыми предприятиями.

Методы комплексной оценки результативности хозяйственной
 деятельности и ее экономической и социальной эффективности, а также их
 сбалансированности, будут использованы при разработке годовых и
 перспективных планов ООО «Интеркод» с учетом уровня развития социально-
 экономической системы Донецкой Народной Республики.

Генеральный директор

М.А. Кухтин

ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
 МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
 ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
 ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
 «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ
 ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»
 83015, город Донецк, Ворошиловский район, улица Челюскинцев, дом 163а,
 тел.: +7 (856) 337-71-08, e-mail: info@donampa.ru

В.О.б. 2023 № 01-06/173
 на № _____ от _____

Диссертационный совет 02.2.004.02
 на базе ГОУ ВПО «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ
 УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
 ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ
 РЕСПУБЛИКИ»

СПРАВКА

о внедрении результатов исследований диссертационной работы
 Рытовой Натальи Александровны на тему «Методологические основания регулирования
 эффективности социально-экономических систем», представленной на соискание ученой степени
 доктора экономических наук по специальности 5.2.6 Менеджмент

Основные научные результаты, полученные в диссертационной работе Рытовой Н.А.,
 используются в учебном процессе в ряде дисциплин с целью совершенствования их учебно-
 методического обеспечения и содержательного изложения учебного материала.

На основе результатов исследования для обучающихся направления подготовки 38.04.02
 Менеджмент (магистерская программа «Производственный менеджмент») разработана новая
 учебная дисциплина «Регулирование эффективности социально-экономических систем», а также
 подготовлено учебное пособие. В частности, в теме «Понятие, сущность и виды социально-
 экономических систем» введен для изучения понятийно-категориальный аппарат исследования
 регулирования эффективности социально-экономических систем; в теме «Система регулирования
 социально-экономической эффективности» сбалансированность социальной и экономической
 эффективности определена как основа развития социально-экономических систем, а также
 определены объект, субъект, предмет и целевой критерий регулирования.

Положения, обобщения и выводы диссертации также дополнили конспект лекций, были
 включены в методические рекомендации по проведению семинарских занятий дисциплины
 «Технико-экономический анализ» для обучающихся направления подготовки 38.04.02
 Менеджмент (профили «Менеджмент в производственной сфере» и «Антикризисное управление
 организациями»):

– в теме «Анализ экономической и социальной эффективности» расширены методы оценки
 и сбалансированности социальной и экономической эффективности производственного
 предприятия.

Проректор,
 канд. гос. упр., доцент

Л.Н. Костина